

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

К. И. ХОДОВА

**СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ
СТАРОСЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКА**

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О   А К А Д Е М И И   Н А У К   С С С Р

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

К. И. ХОДОВА

СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ
СТАРОСЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКА

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
Москва 1963

Ответственный редактор
И. К. БУНИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем исследовании рассматриваются вопросы синтаксиса старославянских беспредложных падежей. Задачи исследования сводятся к тому, чтобы найти общее обоснование и объективные критерии выделения падежных функций и значений, установить внутреннюю перспективу в сфере синтаксиса старославянских падежей и предложить доказательства существования системы в их синтаксическом использовании.

Разделы книги отражают главные синтаксические разряды падежного функционирования: в качестве субъекта, в качестве определений личного глагола как основной формы выражения сказуемого, в качестве приименных определений, в качестве предиката. Употребление падежей при синтаксических дериватах глагола (т. е. классах слов с глагольным лексическим значением, но с синтаксическими функциями, чем-либо отличающимися от собственно глагольных) — инфинитиве, супине, причастиях, отглагольных именах существительных, некоторых именах прилагательных — не имеет первостепенного значения для выявления падежной системы, но лишь повторяет в отраженном виде некоторые ее особенности, поэтому специально не рассматривается. Впрочем, мы не отказываемся от мысли вернуться в будущем к этой интересной области синтаксиса, в которой сложно переплетаются черты приглагольного и приименного функционирования падежей.

Во Введении сообщаются предварительные установки и некоторые определения, необходимые для изложения основных разделов.

Автор благодарит В. Н. Топорова, С. К. Шаумяна, И. К. Бунину, которые ознакомились с рукописью и сделали замечания.

inlav

ВВЕДЕНИЕ. О ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

РАЗЛИЧИЯ В СФЕРАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ. ИЕРАРХИЯ ЗНАКОВ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ

§ 1. В работах «Лингвистика и теория знака» и «Понятие изоморфизма» Е. Курилович изложил один из важнейших принципов особой научной дисциплины — семиологии. Эта дисциплина, изучающая отношения между знаками языка независимо от их принадлежности к разным планам или уровням языка, должна служить общим фундаментом фонологического и семантического планов, которые связаны между собой глубоким внутренним параллелизмом, проявляющимся в одинаковых принципах организации.

Основной закон, объединяющий оба названных плана, касается соотношения содержания и сфер распространения (или сфер употребления) лингвистических знаков. Он заключается в следующем: чем уже сфера распространения знака, тем богаче его содержание (значение); чем шире сфера употребления, тем беднее содержание¹.

Отношение между сферами распространения лингвистических знаков Е. Курилович рассматривает в целом ряде работ². Он убедительно показывает важность установления этих отношений как для синхронного, так и для исторического изучения языка.

---

¹ J. Kuryłowicz. Linguistique et théorie du signe. — Сб. «Esquisses linguistiques». Wrocław—Kraków, 1960, стр. 8. — Все работы Е. Куриловича, если нет специальных оговорок, цитируются далее по этому сборнику.

² J. Kuryłowicz. Études indo-européennes, I. Kraków, 1935, а также статьи, объединенные в сборнике «Esquisses linguistiques»: Déivation lexicale et dérivation syntaxique; Эргативность и стадиальность в языке; Le problème du classement des cas; Заметки о значении слова; Uwagi o mazurzeniu; La nature des procès dits «analogiques», а также названные: Linguistique et théorie du signe; La notion de l'isomorphisme.

История знаков языка предстает в его работах как история сфер употребления знаков в их взаимных отношениях³.

Сравнение сфер употребления знаков можно производить и на парадигматической и на синтагматической оси.

Сравнение на парадигматической оси действительно только в пределах одной и той же функции. Знаки, имеющие более узкую сферу употребления, подчинены знакам более общего характера, выступающим в той же самой функции. Использование знаков, имеющих более узкую сферу употребления сравнительно с другими в той же функции, всегда связано с определенными условиями, которые могут быть выявлены и сформулированы позитивным способом.

В противопоставлении более распространенных знаков менее распространенным последние должны считаться маркированными членами. Маркированные члены являются дериватами по отношению к немаркированным: последние служат структурной базой по отношению к первым.

Положение знака в системе и определяется его маркированным или немаркированным характером по отношению к другим знакам в той же функции. «Существенная черта, общая для фонетических и семантических систем, — это базирование изофункциональных классов элементов на структурной базе», — указывает Е. Курилович⁴.

Подходя с этих позиций к вопросам синтаксиса падежей, Е. Курилович предложил в этой области пользоваться терминами «первичная (или примарная) функция падежа» и «вторичная (или секундарная) функция падежа»⁵. Вторичное функционирование предполагает употребление падежей, ограниченное специальными условиями и более узкое по зоне распространения, чем первичное функционирование падежей в одних и тех же синтаксических условиях (одной и той же синтаксической функции). Рассмотрение в этом плане индоевропейских падежей Е. Курилович резюмирует в виде схемы, отражающей систему падежей с точки зрения их первичного функционирования⁶.

Взаимные отношения между сферами распространения беспредложных падежей рассматриваются в настоящей работе на материале старославянского языка. Результаты этой работы, как это будет видно из основных разделов и заключения, в значительной степени отличаются от выводов, полученных Е. Куриловичем на основании изучения индоевропейских падежей. Это отли-

³ Ср. замечание, сделанное Е. Куриловичем в связи с историей фонем: «Физиологическое объяснение может быть хорошим или плохим, но оно не может считаться прямой задачей языкоznания. Существенные изменения происходят не в реализации фонем, а в сферах их употребления, в их взаимных отношениях» (*Uwagi o mazurzei*, стр. 248).

⁴ «Linguistique et théorie du signe», стр. 11.

⁵ «Le problème du classement des cas».

⁶ Там же, стр. 148.

чие вызвано не только спецификой исследуемого материала, но также и особенностями в интерпретации некоторых фактов, находящихся в сфере наблюдения.

В последующих разделах Введения рассматриваются вопросы, связанные с определением сфер распространения беспредложных падежей в их разных функциях и значениях.

Беспредложные падежи как особый тип лингвистических знаков

§ 2. Исследуя грамматику любого языка, следует опираться на материальные различия, существующие в языке. Поэтому необходимо тщательно разграничивать разные типы лингвистических знаков и при изучении их функций учитывать способы их выражения.

Для большинства славянских языков, в том числе и старославянского, характерно изменение имен существительных и местоимений-существительных по падежам⁷, выражающее различные отношения этих классов слов к другим словам в составе словосочетания и — более широко — в составе предложения.

Беспредложные падежи занимают особое место среди других лингвистических знаков, обозначающих отношения между словами. Знаки каждого типа имеют собственные функциональные сферы, хотя, как увидим ниже, они часто соприкасаются.

Беспредложный падеж не единственная форма, которую способны принимать имена существительные. Их отношения к другим словам могут передаваться и другими средствами: падежными окончаниями в соединении с предлогами, падежными окончаниями в соединении с глаголами-связками или предикативными глаголами. При всей своей морфологической близости к беспредложным падежам — это другие типы лингвистических знаков, более сложные по строению, с собственными сферами функций.

Два структурных плана падежного функционирования — сintагматический и парадигматический

§ 3. Падежи имен существительных и местоимений-существительных функционируют в языке в двух структурных планах — синтагматическом и парадигматическом.

Употребление падежей осуществляется в синтаксических единицах — свободных словосочетаниях с определенным значением и определенным положением в предложении.

⁷ Форма падежа свойственна в славянских языках также именам прилагательным. Но если у существительного формой падежа выражается отношение существительного к другим словам, то у прилагательного она указывает лишь на отношение прилагательного к определяемому им существительному, повторяя падеж имени существительного.

Отнесение падежа имени существительного или местоимения к той или иной синтаксической единице предполагает признание за падежом синтаксической функции, которая свойственна также и другим формам слов в других вариантах той же самой синтаксической единицы, располагающихся в парадигматическом плане. При этом говорить о функциональном тождестве форм можно только в том случае, если в составе функционально сопоставимых единиц они занимают одно и то же место: или место определяемого, или место определяющего члена.

Многофункциональность беспредложных падежей. Размещение их в простом двусоставном предложении

§ 4. Изменение имен существительных по падежам является словоизменением (формообразованием) особого вида: по своему назначению оно отличается от других видов словоизменения, например от спряжения глаголов. Если разные личные формы спрягаемого глагола выполняют в предложении одну и ту же функцию, то функции разных падежей в предложении различны. Изменение слова по падежам и отражает способность слова выполнять различные функции в предложении, занимать разное положение по отношению к другим словам, входящим в его состав⁸. Факты морфологического порядка — падежные окончания — находятся в данном случае в распоряжении синтаксиса.

Падежные формы имен существительных способны занимать положение независимого слова — определяемого члена ведущего в предложении предикативного словосочетания, выступать в качестве сказуемого, быть определяющими сказуемого.

Среди определяющих членов сказуемого, выраженного переходным глаголом, падеж может занимать центральное место, т. е. быть первым определяющим сказуемого, или же функционировать как второй или еще более удаленный от сказуемого определяющий член; наконец, он может занимать периферийное положение по отношению к сказуемому, т. е. выступать в адвербальной функции.

Падежную форму можно обнаружить и в составе именного словосочетания, где она определяет имя существительное, в функциональном плане подобно тому, как его определяют имена прилагательные.

Имя существительное занимает разные места в предложении, а глагол в личной форме — только одно определенное место:

⁸ Определяя позиции падежей в предложении, мы имеем в виду не предложения речи, т. е. действительно произнесенные предложения, а предложения языка, т. е. предложения-типы. (О разнице между предложениями речи и предложениями языка см. A. W. de Groot. Structural Linguistics and Syntactic Laws. — «Word», 1949, vol. 5, Nr. 1, стр. 1—12.)

место сказуемого. Поэтому детерминация имени при помощи падежа другого имени не связана с каким-либо одним местом определяющего падежа в предложении, а детерминация глагола при помощи падежа предполагает вполне определенное место падежа в предложении — место при сказуемом⁹.

Функции падежных форм, определяющих спрягаемый глагол — сказуемое, с некоторыми особенностями повторяются в сочетаниях с причастиями, инфинитивом, супином, отглагольными именами существительными, некоторыми именами прилагательными.

Падежи во всей своей совокупности выполняют разные синтаксические функции, являются многофункциональной категорией.

В силу того, что разные падежи закреплены за разными синтаксическими позициями, они могут служить для определения структуры высказывания¹⁰.

Многофункциональность отдельного падежа

§ 5. Признание многофункциональности падежей не означает, что для каждой синтаксической функции существует свой собственный, закрепленный за ней падеж. Можно говорить лишь о преимущественном употреблении определенного падежа в той или иной функции.

Но и каждый отдельный падеж в свою очередь также многофункционален. Так, форма родительного падежа в русском языке не связана с какой-либо единственной синтаксической функцией. Она наблюдается в роли первого определяющего члена переходного глагола (например, *выпил воды*), в роли его второго определяющего члена (например, *лишал кого-либо воды*), в роли присубстантивного определения (например, *ведро воды*). Различия в форме и значении словосочетаний (падежных конструкций) с родительным падежом и определяют разные функции этого падежа в предложении.

А. М. Пешковский относил падежи (в отличие от несинтаксических категорий) к синтаксическим категориям, так как они обозначают зависимость одних слов от других в данном словосочетании¹¹.

«Я особенно подчеркиваю значение падежных синтагм, ибо без них функции и значения падежей трудно понять надлежащим

⁹ Е. Курилович считает, что предикат функционирует как представитель всего предложения, поэтому детерминация предиката идентична детерминации всего предложения («Les structures fondamentales de la langue: groupe et proposition», стр. 38).

¹⁰ Ср. Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 199.

¹¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 30—31.

образом», — писал А. Белич, настаивая на необходимости сделать учение о падежах одним из разделов синтаксиса¹².

Падеж и падежная конструкция

§ 6. Свободное словосочетание, имеющее в своем составе падежную форму имени существительного, называется в нашей работе падежной конструкцией. При этом под словосочетанием мы понимаем соединение полнозначных слов в составе предложения, т. е. синтаксическую единицу¹³.

Слова, входящие в состав предложения, образуют синтаксические словосочетания, которые, в отличие от словосочетаний лексического содержания (например, сложных слов), тесно связаны со всем строем предложения. Конкретизируя слово в минимальном контексте, словосочетания ограничивают многозначность слова и приспособливают его к выражению смысла всего предложения.

Объектом нашего внимания являются словосочетания, в которых наблюдается зависимость одного слова от другого. Члены словосочетания такого типа — два полнозначных слова, непосредственно связанных между собой, — находятся в отношениях определяемого и определяющего: подчиненный член определяет господствующий, господствующий член определяется подчиненным. Господствующее и подчиненное слова не равноценны; подчиненное слово предполагает существование господствующего.

Связь между подчиненным и господствующим членами словосочетания преимущественно выражается специальными формальными средствами. В этих случаях подчиненное слово получает свою грамматическую форму в зависимости от формальных или лексических особенностей господствующего слова, в то время как это последнее оформляется независимо от особенностей другого слова, с которым оно связано в пределах данной синтаксической

¹² А. Белич. К вопросу о распределении грамматического материала по главным грамматическим дисциплинам. — «Вестник Московского ун-та», 1947, № 7, стр. 21.

¹³ В этом понимании чешские лингвисты употребляют термин *vetná dvojice* или *syntaktická dvojice*, т. е. «синтаксическое парное словосочетание» (ср.: V. Šmilauer. Novočeská skladba. Praha, 1947, стр. 44; J. Vaclav. Nekolik poznámek o pojmech slovní spojení, *vetná dvojice* a *syntagma*. — «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univerzity», 1952, гоð. I, č. 1—2, стр. 54—55). Для названия функциональной синтаксической единицы предложен также термин «синтаксема». Этот термин отражает признание функциональной природы синтаксической единицы, сопоставимой с функциональными единицами других уровней языковой структуры — фонемой и морфемой (см. А. М. Мухин. Функциональные лингвистические единицы и методы структурного анализа языка. — ВЯ, 1961, № 1, стр. 91). О понимании термина «словосочетание» см. также: В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. — Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 127—128.

единицы. К числу связей, имеющих формальное выражение, относятся согласование и управление.

Необходимо обратить внимание и на такие словосочетания, в которых истинная связь между подчиненным и господствующим членами не совпадает со связью, которую можно было бы установить на основании формальных признаков сочетающихся слов. Например, в предложении *Отец был учителем* окончание творительного падежа в слове *учителем* указывает на зависимость этого слова от глагола; между тем в действительности слово *учителем* вместе с глаголом является сложной формой, представляющей один подчиненный член. В предложении *Дверь открывается водителем* направление формально выраженных связей противоположно направлению смысловых связей между словами. По формальным признакам слово *открывается* является здесь подчиненным слову *дверь*, так как первое согласовано с последним в роде и числе; слово *водителем* подчинено слову *открывается*, так как последнее управляет первым. Смысловые связи в предложении иные: глагол зависит от слова *водителем*, слово *дверь* зависит от глагола.

Формы падежей встречаются в составе предикативных и непредикативных словосочетаний. Предикативные словосочетания, выполняя функцию сообщения или высказывания о действительности, имеют в предложении ведущее значение, так как они организуют вокруг себя другие словосочетания. При соответствующих условиях предикативное словосочетание может стать предложением. «Предикативное словосочетание, являясь лишь структурной основой, «костяком» предложения, остается словосочетанием до тех пор, пока не получит всех существенных признаков предложения и не включится в контекст речи как самостоятельное синтаксическое целое», — справедливо полагает В. П. Сухотин¹⁴.

Непредикативные словосочетания распространяют составные части предикативного словосочетания или определяющие члены словосочетаний, возникших путем распространения предикативного.

Таким образом, предикативные и непредикативные словосочетания взаимно связаны и взаимно проникают друг в друга через посредство общего для них члена, выполняющего в таком случае роль соединительного звена.

В наиболее распространенном типе двусоставных предложений среди членов словосочетаний, взаимно связанных между собой, один член абсолютно независим и формально, и по смыслу.

¹⁴ В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке, стр. 162. О чертах сходства и различия между группой слов (словосочетанием) и предложением см.: J. Kurylowicz. Les structures fondamentales de la langue: groupe et proposition, стр. 35—40; A. W. de Groot. Structural Linguistics and Syntactic Laws, стр. 1—12.

К нему сходятся последовательно все цепи зависимостей, но сам он не определяет никакой другой член. В славянских языках такой член выражается формой именительного падежа имени существительного.

Непредикативные словосочетания по грамматическому классу стержневого (или господствующего) слова (определяемого члена словосочетания) разделяются на глагольные, именные, адъективные, адвербальные. В предикативных словосочетаниях падеж может быть и определяемым и определяющим членом (в качестве субъекта — определяемым, в качестве предиката — определяющим). В непредикативных именных (субстантивных) словосочетаниях падеж также может быть и определяемым, и определяющим членом. В глагольных словосочетаниях падеж всегда выступает в качестве определяющего члена.

Мы считаем важным заранее предупредить читателя о том, что в целях последовательного соблюдения основного принципа исследования употребление зависимых падежей в настоящей работе рассматривается при грамматических классах слов в их первичных синтаксических функциях. Приглагольное употребление падежей предполагает прежде всего их функционирование в качестве определяющих членов личных форм глагола как первичной формы выражения предиката¹⁵; примененное употребление мы отождествляем прежде всего с употреблением падежей при имени существительном как первичной форме выражения субъекта¹⁶.

Лексические варианты падежных конструкций

§ 7. Словосочетание, имеющее в своем составе имя существительное в форме какого-либо падежа (т. е. падежная конструкция), может быть повторено в ряде лексических вариантов, располагающихся в парадигматическом плане. Лексические варианты объединяются не только тождеством их смыслоразличительной функции, но и единством грамматического (морфемного) состава определяемого и определяющего членов, т. е. они предполагают

¹⁵ Среди примеров, которые в нашей работе иллюстрируют употребление приглагольных падежей, иногда встречаются сочетания падежей с причастиями. Это кажется отклонением от основного принципа, так как синтаксические функции причастий и глаголов не совпадают. Мы прибегаем к конструкциям с причастиями лишь в силу того, что они могут дополнить представление о диапазоне лексических вариантов сочетаний падежей с глаголами в том или ином синтаксическом применении: в сочетаниях с причастиями употребляются те же самые падежи, что и в сочетаниях с глаголами, от которых причастия образованы.

¹⁶ О первичном синтаксическом использовании частей речи см.: J. Kurylowicz. *Dérivation lexicale et dérivation syntaxique*, стр. 41—50; Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, стр. 108. В нашей работе см. об этом ниже, стр. 17—19.

один и тот же грамматический вариант словосочетания, в данном случае — один и тот же падеж имени существительного.

III. Балли писал об ассоциациях подобного рода: «...каждый из членов синтагмы определяется непосредственными мнемоническими ассоциациями с прочими членами той же категории: *Cette robe est rouge*: *Cette robe est large* [Это платье красное: Это платье широкое] и т. д.; *Cette robe est rouge*: *Cette pomme est rouge* [Это платье красное: Это яблоко красное] и т. д. (однокатегорийные ассоциации, формула $\left\{ \begin{array}{l} a' \\ a \times b \\ b' \end{array} \right\}$). Наконец, синтагма в своей

совокупности определяется мнемонически другими синтагмами, материал для которых поставляют те же категории: *Cette robe est rouge*: *Cette table est carrée*: *Cette montagne est haute* [Это платье красное: Этот стол квадратный: Эта гора высокая] и т. д. (односинтагматические ассоциации, формула $\left\{ \begin{array}{l} a' \times b' \\ a \times b \end{array} \right\}$)»¹⁷.

Ассоциации объединяют: 1) разные лексические реализации определяющего члена при одном и том же определяемом, 2) разные лексические реализации определяемого члена при одном и том же определяющем, 3) разные лексические реализации обоих членов конструкции. Например, в отношениях лексических вариантов находятся следующие русские падежные конструкции:

1 $\left\{ \begin{array}{l} \text{пишу письмо} \\ \text{пишу доклад} \\ \text{и т. п.} \end{array} \right\}$ 2 $\left\{ \begin{array}{l} \text{пишу письмо} \\ \text{читаю письмо} \\ \text{и т. п.} \end{array} \right\}$ 3 $\left\{ \begin{array}{l} \text{пишу письмо} \\ \text{читаю доклад} \\ \text{и т. п.} \end{array} \right\}$

Ассоциативные ряды лексических вариантов конструкций с каким-либо одним падежом имеют различный объем (или диапазон) употребления в зависимости от места, занимаемого конструкцией с данным падежом в предложении, и места, занимаемого данным падежом в конструкции.

Имя существительное в именительном падеже в качестве определяемого члена предикативной конструкции в русском языке можно встретить или ожидать в ряду конструкций, почти не ограниченном по объему. Имя существительное в творительном падеже в качестве первого определяющего глагола-сказуемого наблюдается в ряду конструкций, незначительном по диапазону: творительный падеж сочетается в этой функции с очень узким кругом глаголов (например, *владеть землей*, *заниматься музыкой* и др.) Гораздо шире размах конструкций с творительным в функции дальнейшего прилагательного определения (на-

¹⁷ III. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, стр. 129.

пример, писать пером, пахать трактором и др.), где этот падеж может быть употреблен с любым переходным глаголом.

Более или менее широкий диапазон лексических вариантов надежных конструкций соответствует более или менее широким лексическим условиям употребления падежа.

Условия употребления падежа имеют первостепенное значение для установления его первичного (основного) и вторичного (второстепенного) функционирования¹⁸.

Важно установить не только лексические условия, определяющие широту диапазона лексических вариантов какого-либо падежа, но и окружение, которое имеют эти конструкции во всей своей совокупности на парадигматической оси.

Падежная конструкция и ее функциональные эквиваленты

§ 8. Конструкция с каким-либо определенным беспредложным падежом — лишь одна из грамматических разновидностей синтаксической единицы в составе предложения.

В функциональном плане ей могут соответствовать:

а) конструкции с другими беспредложными падежами, ср. примеры из русского

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{пишу доклад} \\ \text{занимаюсь музыкой} \end{array} \right\};$$

б) конструкции, включающие падеж с предлогом, ср.

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{пишу пером} \\ \text{пишу на тракторе} \end{array} \right\};$$

в) словосочетания, включающие глагол, имя прилагательное или наречие как формы словообразования, функционально соотносящиеся с падежом имени существительного (формой словоизменения), ср.

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{книга сестры} \\ \text{отчий дом} \end{array} \right\}.$$

Таким образом, падежу без предлога, находящемуся в составе конструкции, функционально могут соответствовать: 1) другой падеж без предлога, 2) какой-либо падеж с предлогом, 3) наречие, имя прилагательное или глагол как формы словообразования.

Считаем необходимым остановиться на каждом из видов взаимосвязи падежных конструкций с их функциональными эквивалентами.

¹⁸ J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 136.

а) Разные падежи в одной и той же синтаксической функции

§ 9. В одной и той же синтаксической функции обычно можно наблюдать несколько разных беспредложных падежей. Например, в русском языке в функции первого определяющего члена конструкций с объектными глаголами употребляются винительный, дательный и творительный без предлогов; ср. *пишу доклад, занимаюсь музыкой, помогаю товарищу*. Конструкции с каждым из этих падежей имеют разный диапазон лексических вариантов; на первом месте по количеству лексических вариантов стоит винительный падеж.

В функции второго определяющего члена конструкций с переходными глаголами в русском языке употребляются дательный и родительный падежи; ср. *пишу письмо брату, лишаю ребенка игрушки*¹⁹. Каждая из разновидностей конструкций имеет собственный диапазон распространения: на первое место следует для названной функции поставить дательный падеж. Чем шире сфера распространения лексических вариантов конструкций какого-либо беспредложного падежа в определенной синтаксической функции, тем уже сферы распространения лексических вариантов конструкций с другими беспредложными падежами в той же самой функции. Глаголы, сочетающиеся с винительным прямого объекта, не могут сочетаться с творительным или дательным. Увеличение числа глаголов, управляющих одним из этих падежей, вызвало бы уменьшение числа глаголов, управляющих каким-либо другим падежом в той же самой функции.

б) Падеж без предлога и падеж с предлогом

§ 10. Предметом настоящего исследования являются беспредложные падежи старославянского языка; падежи с предлогами рассматриваются попутно как один из типов форм, с которыми особенно часто функционально взаимодействует беспредложный падеж.

Нам не раз придется прибегать к описанию взаимодействий между беспредложными и предложными падежами, поэтому целесообразно заранее установить, в каком отношении между

¹⁹ Из приведенных примеров видно, что разные падежи в одной и той же функции в одних случаях не отличаются друг от друга по семантике, в других же — отличаются. В первой группе примеров разные падежи не отличаются друг от друга семантическими оттенками, так как они их лишены; роль этих падежей чисто синтаксическая: они служат для непосредственного распространения понятия, выраженного глаголом. Во второй группе примеров падежи, выполняющие одну и ту же функцию, отличаются друг от друга по значению: дательный падеж обозначает объект-адресат, а родительный — объект отчуждения.

собой состоят отдельные элементы предложно-падежной формы, т. е. предлог и падеж.

При всех сопоставлениях беспредложных падежей с предложно-падежными формами в функциональном плане мы будем исходить из понимания каждой предложно-падежной формы как особого морфологического единства, частью которого является предлог. Такой подход к пониманию падежа с предлогом встречается, например, у В. А. Богодицкого. Он писал: «...Если падежная форма состоит из слова и предлога, то предлог становится такою же *необходимою* частью формы, как и окончание; поэтому когда имеется падежная форма без предлога и та же форма с предлогом, то семазиологически это будут особые падежи»²⁰. Мысли В. А. Богодицкого о предлоге и падеже совпадают с концепцией Е. Куриловича, в трудах которого уделяется большое внимание отношению между предлогом и падежом в индоевропейских языках²¹. Определяя синтаксические функции частей речи в работе «*Dérivation lexicale et dérivation syntaxique*», он специально останавливается на значении предлога и указывает, что предложный оборот не группа слов, по слово, в котором предлог выступает в качестве морфемы (или одной из морфем, входящей, вместе с окончанием, в общую сложную морфему предложно-падежной формы)²². В работе «*Le problème du classement des cas*» эта точка зрения на предложно-падежную форму противопоставляется воззрениям Р. Якобсона и А. В. де Грота, которые разделяют предложный оборот на предлог и падежную форму, разрушая таким образом морфологическое единство, образованное предлогом и падежным окончанием.

Предлог является не управляющим словом падежной формы, но, по терминологии Е. Куриловича, подморфемой (*sous-morphème*), хотя и главной, сложной морфемы, заключающей предлог и падежное окончание²³. Отношение предлога и падежа в индоевропейских языках проф. Курилович изображает в виде схемы

$$\frac{\text{extra } \boxed{urb} \text{ em}}{\text{II} \quad \text{I} \quad \text{II}},$$

²⁰ В. А. Богодицкий. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд. 5. М—Л., 1935, стр. 222.

²¹ J. Kuryłowicz. *Dérivation lexicale et dérivation syntaxique; La notion de l'isomorphisme; Le problème du classement des cas.* — О б отношении между предлогом и падежом см. также: L. Hjelmslev. *La notion de réction.* — «Acta linguistica», vol. I. Copenhague, 1939, стр. 10—23.

²² J. Kuryłowicz. *Dérivation lexicale et dérivation syntaxique*, стр. 47.

²³ Там же.

где II и обозначает сложную морфему, объединяющую предлог с падежным окончанием²⁴. Изложенное понимание падежей с предлогами как неких морфологических единств делает правомерным сопоставление беспредложных падежей и падежей с предлогами в одной и той же функции.

Чем шире сфера распространения лексических вариантов конструкций какого-либо падежа с предлогом в определенной синтаксической функции, тем уже сферы распространения лексических вариантов конструкций с беспредложными падежами в той же самой функции.

*в) Падеж имени существительного
и другие части речи*

§ 11. Падежи являются формами имени, которые находятся в постоянном соприкосновении с формами других частей речи. «То, что один язык выражает падежом, другие выражают предлогами, наречиями, приставочными образованиями... Внутри одного языка есть синонимы падежей с другими оборотами, ср. лат. *Romam — in urbem, nocte — noctū*, чеш. *otce — otcāv*. ... Важно то, что между падежами и другими образованиями существуют связи, которые при разборе падежных функций должно принимать во внимание», — замечает В. Скаличка²⁵.

Не все места, занимаемые в предложении падежными формами, являются сферами их исключительного господства. Если место определяемого члена предикативного словосочетания занимает преимущественно имя существительное, то в роли сказуемого гораздо чаще выступает глагол, в роли определителя имени существительного — прилагательное, в роли определяющего члена сказуемого, занимающего маргинальную позицию по отношению к нему, — падежная форма с предлогом или наречие. Таким образом, некоторые места в предложении оказываются разделенными между разными частями речи, которые в этих случаях функционально сближаются. Падежные формы имени существительного иногда оказываются в сфере функций, которые более типичны не для имен существительных, а для других частей речи.

«Каждый класс, — пишет Е. Курилович о частях речи, — имеет собственную синтаксическую функцию, но слова могут принимать функции вторичные, выраженные или не выраженные специальными формами окончаний»²⁶.

²⁴ J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 134.

²⁵ V. Skalička. Poznámky k teorii pádů. — «Slovo a slovesnost», 1951, roč. XII, č. 3—4, стр. 136.

²⁶ J. Kuryłowicz. La notion de l'isomorphisme, стр. 23; см. об этом также в кн.: L. Tesnière. Éléments de syntaxe structural. Paris, 1959, стр. 361—472.

О. Есперсен в своей «Философии грамматики» высоко оценивает следующее высказывание Суита, сделанное в 1876 г.: «Есть одно любопытное обстоятельство, которого до сих пор не замечали грамматисты и логики: определение существительного, строго говоря, относится только к именительному падежу. Косвенные падежи в действительности являются атрибутивными словами, а флексия — в сущности, не что иное, как средство превращения существительного в прилагательное или наречие. Это совершенно ясно в отношении родительного падежа... Так же ясно, что постем в сочетании flet постем является чистым наречием времени». Но отдавая должноециальному наблюдению, О. Есперсен с полным основанием протестует против растворения формы в функции. „Однако, — пишет О. Есперсен, — Суит не поместил в своей книге *«Anglo-Saxon Grammar»* родительный падеж существительных в раздел прилагательных и, конечно, правильно сделал, поскольку то, что он говорит, — это только половина истины; косвенные падежи являются средствами превращения существительного, которое в именительном падеже представляет собой первичное слово, во вторичное слово (адъюнкт) или третичное слово, но существительное все же остается существительным. Есть определенное соответствие между тройным делением на существительное, прилагательное, наречие и тремя рангами; с течением времени очень часто адъюнктные формы существительного переходят в настоящие прилагательные, а субъюнктные формы — в наречия (предлоги и т. п.); однако это соответствие лишь частичное, а не полное. Классификация „по частям речи“ и классификация „по рангам“ отражают две различные точки зрения на одно и то же слово или одну и ту же форму: сначала их можно рассматривать с точки зрения того, что они представляют сами по себе, а затем с точки зрения их сочетания с другими словами“²⁷.

Согласно Ш. Балли, существительное-определяющее всегда бывает транспонированным знаком, и всякое управление предполагает транспозицию²⁸. Это значит, что имя существительное в форме косвенного падежа, полностью сохранив тип лексического значения, характерный для имен существительных, принимает на себя синтаксическую функцию какой-либо другой части речи. Одна только форма именительного падежа, в которой имя существительное выступает как определяемый знак, сам не являющийся определяющим, несет собственную функцию

²⁷ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 121. Согласно теории О. Есперсена, следует различать слова трех рангов: 1) слова первичные, 2) слова вторичные, или адъюнкты, 3) слова третичные; или субъюнкты. Первичные слова не определяют какого-либо другого слова; вторичные стоят при первичных и их определяют; третичные стоят при вторичных и их определяют.

²⁸ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, стр. 138.

имени существительного как особой лексической категории²⁹.

Различие между употреблением падежа в синтаксической функции, для него «собственной», и в синтаксической функции, для него «несобственной», соответствует различию в диапазонах распространения падежа в этих синтаксических функциях. Падежные конструкции, обладающие максимальным диапазоном лексических вариантов, свободны от функциональных соответствий в виде словосочетаний с другими частями речи на месте падежа имени существительного. Падежные конструкции, взаимодействующие со словосочетаниями, заключающими другие части речи в соответствии с падежом имени существительного, имеют ограниченный диапазон лексических вариантов. В позициях, обслуживаемых преимущественно глаголами, именами прилагательными, наречиями, падежи имен существительных характеризуются специальными условиями употребления и в структурном плане являются производными формами.

Сфера распространения падежа и параллельные конструкции

§ 12. В предыдущем разделе было отмечено, что каждый тип функциональных эквивалентов синтаксической единицы имеет собственный диапазон лексических вариантов; увеличение диапазона для какого-либо одного из этих типов означает уменьшение диапазона для какого-либо другого.

Эти количественные изменения в диапазонах ясно прослеживаются при сравнении состояний падежной системы языка в разные исторические периоды.

При синхронном наблюдении над падежами можно обнаружить предпосылки исторических изменений. Границы между грамматическими разновидностями одной и той же функциональной единицы обычно не вполне отчетливы; чаще всего они бывают расплывчатыми и колеблющимися.

Параллельно определенной части конструкций какого-либо беспредложного падежа имени существительного часто функционируют конструкции с другим беспредложным падежом, или с предложно-падежной формой, или с какой-либо другой частью речи.

Параллельные словосочетания, отличаясь грамматической формой функционально сопоставимых слов, имеют одно и то же лексическое содержание (ср. русские примеры *дом отца — отчий дом*; *иду лесом — иду по лесу*). Между собой они могут находиться в отношениях синонимов или дублетов³⁰.

²⁹ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, стр. 137.

³⁰ В. П. Сухотин справедливо полагает, что важнейшим условием синтаксической синонимии в области групп слов следует считать прежде всего синтаксическое единство сближенных групп. «Под синтаксическими

В истории словосочетаний с разными формами выражения функционально сопоставимых членов, но с близким лексическим содержанием, наступают периоды, когда значения словосочетаний сближаются, и они вступают в синонимические отношения. Словосочетания-синонимы имеют близкий смысл и, освещая одно и то же явление с разных сторон, создают возможность парировать способы выражения разных оттенков мысли; они обогащают выразительные возможности языка. На определенном этапе истории языка некоторые синонимические словосочетания могут сближаться до степени смыслового тождества. Синонимические отношения переходят в дублетные. Медленное вытеснение одного способа выражения другим приводит к утрате одной из синтаксических параллелей³¹.

Исчезновение одного или нескольких параллельных словосочетаний непосредственно отражается на сферах распространения форм, образующих эти словосочетания. Если стирается семантическое различие между словосочетаниями *иду лесом* и *иду по лесу* и в обиходе укрепляется второе из них, то сфера распространения творительного без предлога в значении места действия сокращается за счет расширения сферы дательного с предлогом *по*.

Повышенная синонимичность конструкций с беспредложным падежом в той или иной функции указывает на неустойчивость сферы его распространения в данной функции. Наоборот, отсут-

---

сионимами; — пишет он, — мы понимаем такие различающиеся по структуре свободные соединения одних и тех же слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности» (В. П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М., 1960, стр. 14). Однородными, по мнению В. П. Сухотина, являются отношения, действующие внутри той или иной функционально-семантической сферы (предикативной, объектной, атрибутивной, обстоятельственной). Например, однородны определенные виды пространственных отношений: пребывание или местонахождение, направление движения и пр. (ср. *стоять у стола* — *стоять около стола*; *въехать во двор* — *въехать на двор*; *идти полем* — *идти по полю* — примеры В. П. Сухотина, стр. 16).

Близость лексического состава словосочетаний как одно из условий их синонимичности учитывается в ряде работ, посвященных падежным проблемам. См.: сб. «Творительный падеж в славянских языках». М., 1958; Д. С. Станишева. Некоторые вопросы исторического синтаксиса падежей славянских языков. — «Славистичен сборник, т. I. Езикознание». София, 1958, стр. 13—14.

³¹ Между двумя названными типами синтаксических параллелей — словосочетаниями-синонимами и словосочетаниями-дублетами — при всем их различии нет четких границ. Переход первого типа во второй совершается постепенно, и его результаты в наблюдаемый момент истории языка часто образуют очень неструю картину: в один и тот же период истории в одной и той же паре параллельных словосочетаний обнаруживаются и синонимические и дублетные отношения.

ствие синонимов говорит о прочности позиций падежа как формы выражения определенной синтаксической функции.

§ 13. Есть, однако, и такой тип синтаксического параллелизма, который не оказывает влияния на сферу распространения лексических вариантов конструкций с каким-либо падежом. Речь идет о параллелях типа *пью воду — не пью воды*; *я хочу спать — мне хочется спать*; *рабочие строят дом — дом строится рабочими*. Выбор падежа в каждой из этих пар конструкций (винительный или родительный, именительный или дательный, именительный или творительный) не стоит ни в какой связи с лексическим содержанием конструкций. Он определяется некоторыми грамматическими чертами их структуры: отсутствием или наличием отрицания, личной или безличной формой глагола, действительной или страдательной формой глагола. «Изучение этого типа управления, — пишет И. С. Ильинская, — сводится в конечном счете к изучению строения разных типов грамматических оборотов»³².

Функции и значения падежей

§ 14. Одна из задач нашего Введения — определение некоторых важнейших терминов, необходимых в работе по синтаксису падежей.

Нам кажется важным прежде всего обратиться к терминам «функция падежа» и «значение падежа», в понимании которых разные авторы не обнаруживают полного единства.

Выше мы уже касались вопроса о понятии падежной функции. Функция падежа соответствует его месту в предложении, что подразумевает тип словосочетания, в которое входит падеж, и роль падежа — доминирующую или подчиненную — в этом словосочетании. Таким образом, функции падежа характеризуют его в синтагматическом плане, указывая на место падежа среди других слов на горизонтальной оси.

Но падежи, употребленные в одной и той же функции, могут быть различными по своему значению. Например, творительный падеж в конструкциях *иду ночью* и *иду лесом* имеет одну и ту же — адвербиальную — функцию, соответствующую маргинальному положению этих форм по отношению к детерминированному глаголу³³; однако значения этих форм различны: форма *ночью* имеет значение времени, а *лесом* — значение места. Различия в значениях падежей, употребленных в одной и той же

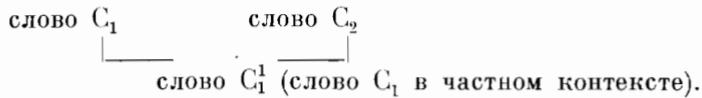
³² И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. — «Ученые записки Московского городского пед. ин-та», т. V, вып. 1, 1941, стр. 78.

³³ Центральные позиции при этом глаголе не заняты, так как глагол принадлежит к числу непереходных (субъектных). Подробнее см. об этом ниже, в разделе о приглагольных падежах.

функции, создаются лексическими особенностями контекста. В наших примерах разница в значениях падежа зависит от различий в лексической семантике определяющих членов падежных конструкций.

Но это не значит, что каждое новое сочетание глагола и творительного падежа в адвебиальной функции соответствует новому падежному значению творительного; к одному и тому же падежному значению обыкновенно относят творительный в конструкциях *иду лесом*, *иду селом*, *иду улицей* и т. п., несмотря на различия в лексическом значении их определяющего члена. Падежных значений меньше, чем контекстов, заключающих падежи с одной и той же синтаксической функцией.

Проблема заключается в том, чтобы установить, где кончаются одни условия контекста, создающие какое-либо падежное значение, и начинаются другие условия, создающие новое значение, т. е. решить вопрос о приемах выделения падежных значений. Мы считаем возможным распространить на область падежей способ разграничения значений, предложенный Е. Куриловичем для лексикологии. О методах анализа значений лексических единиц (слов) Е. Курилович пишет: «В каком же случае можно говорить о действительном влиянии контекста на значение? Изменение смысла слова внутри контекста заметно тогда, когда оно совпадает со значением другого, существующего в языке слова (или оборота), или когда образуется семантическое отношение между данным словом и другим словом, повторяемое в системе данного языка. Схема этого отношения примерно такая:

Слово C_1^1 — это, с одной стороны, C_1 со вторичной семантической функцией, с другой стороны, синоним слова C_2 , или слово, играющее по отношению к C_2 роль производного (по смыслу). Формально C_1^1 совпадает с C_1 , семантически же — с C_2 »³⁴. Примеры, предложенные Е. Куриловичем для схемы: C_1 — морда (животного), C_1^1 — морда (человека) (в специальном контексте), C_2 — лицо (человека).

Как специальные значения полисемантического слова выделяются на основании семантических соотношений данного слова с другими словами в близком контексте, так и специальные значения падежа можно выделить с учетом синонимических отношений, связывающих конструкции данного падежа и конструкции какого-либо другого падежа.

³⁴ Е. Курилович. Заметки о значении слова, стр. 175.

Например, конструкции *иду лесом*, *иду селом*, *иду улицей* и т. п. могут быть объединены в группу с общей для них падежной семантикой, так как они состоят в синонимических отношениях с конструкциями дательного с предлогом *по*: *иду по лесу*, *иду по селу*, *иду по улице* и т. п.; одно из падежных значений творительного отграничиваются таким путем от других его значений в адвербальной функции.

Очевидно, что каждое новое падежное значение создается не в каждом новом лексическом варианте падежной конструкции, а в определенном отрезке вертикального ряда конструкций, связанных смысловой близостью с определенным отрезком вертикального ряда конструкций какого-либо другого падежа. Если функции падежей разграничиваются в синтагматическом плане, то значения — в парадигматическом. Отрезки вертикальных рядов лексических вариантов, реализующие значения какого-либо падежа, обнаруживаются в функциональных синтаксических единицах, выражающих непредикативные отношения. Особенно богаты значениями прилагольные падежи с адвербальной функцией, которые имеют в старославянском языке разнообразные синонимические связи.

Конструкции какого-либо падежа, которые с полной очевидностью лишены смысловых связей с другими конструкциями, следует также объединять в особую семантическую группу. Значение падежа в этих конструкциях, как правило, не принадлежит к числу специальных или частных значений данного падежа, но является его основным или первичным значением. Сфера распространения падежа в его первичном значении обычно шире, чем в любом из специальных или частных значений, которые также можно назвать вторичными.

Два типа падежного функционирования — синтаксический и семантический

§ 15. Полемизируя с Р. Якобсоном, который построил систему падежей русского языка на противопоставлении «форма без функции: форма с функцией» (*merkmallows—merkmalhaftig*), А. В. де Грут заметил: «В действительности ситуация кажется мне более сложной. Падежи могут иметь функции синтаксические и функции семантические. Эти системы всегда базируются на противопоставлениях типа „без функции: с функцией“. Итак, всегда существуют две системы функций, которые более или менее независимы»³⁵. Различие двух типов падежного

35 A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. — «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally», Genève, 1939, стр. 122. Термин де Грута «семантическая функция» обозначает особый тип падежного функционирования, при котором падежи выступают как носители не только синтаксических отношений, но и семантических значений.

функционирования получило широкое признание и в других трудах, посвященных падежным проблемам. На необходимости этого различия настаивают Е. Курилович, А. В. Исаченко, Р. Мразек³⁶.

Две категории отношений, о которых идет речь, — достояние двух разных аспектов падежного функционирования, результат двух разных уровней абстракции.

Падежные формы в семантических значениях конкретны по типу выражаемых отношений: они обозначают место, время, причину и другие условия реальной обстановки, сопутствующие действию. Одной и той же функции падежа часто соответствуют несколько разных семантических значений. Падежи с семантическими значениями в большинстве случаев располагаются на периферии предложения и выполняют ту же самую роль, что предложно-падежные формы и наречия.

В других случаях падежи, наоборот, выступают свободными от какой бы то ни было семантической нагрузки; по этому признаку и можно узнать чисто синтаксическое употребление падежей. Такое употребление падежей вытекает или из требований управления доминирующего члена падежной конструкции, или из особенностей структуры предложения в целом.

Падежи, употребляющиеся преимущественно для выражения семантических (конкретных) значений, называются конкретными, а падежи, имеющие главным образом синтаксическое назначение, — грамматическими.

Одна и та же падежная форма может быть то чистым знаком синтаксической зависимости, то выражением различных конкретных отношений. Рассматривая употребление творительного беспредложного падежа в русском языке, Р. Мразек подчеркивает, что у этого падежа «еще более тщательно, чем у других падежей, следует различать значения и функции, т. е. семантическое (адвербальное, обстоятельственное) и несемантическое (чисто синтаксическое) употребление»³⁷.

«В любом случае своего употребления, — продолжает Р. Мразек, — творительный выполняет определенную функцию как член предложения, однако не во всех функциях он наделен тем или иным конкретным значением»³⁸.

³⁶ J. K i g u ɿ o w i c z. Le problème du classement des cas; A. B. Исаchenko. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со славяцким. Морфология, ч. 1. Братислава, 1954, стр. 127—141; R. M r a z e k. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа (по материалам русского языка). — «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», 1960, гоč. IX, стр. 40—52; R. M r a z e k. [Рец.]. «Творительный падеж в славянских языках. АН СССР, Ин-т славяноведения. Под ред. проф. С. Б. Берштейна. М., 1958.» — «Slavia», 1961, гоč. XXX, seš. 1, стр. 108—118.

³⁷ R. M r a z e k. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа, стр. 41.

³⁸ Там же, стр. 42.

Применение одной и той же падежной формы для выражения функций двух разных аспектов — семантического и синтаксического — отражает один из этапов эволюции падежей. В результате анализа винительного падежа в «Илиаде» Гомера А. В. Десницкая выяснила, что объектные (т. е. синтаксические) функции винительного падежа рядом переходов связаны с функциями обстоятельственно-определительного порядка, которые и следует рассматривать как первоначальные³⁹. Де Гроt считает подобную эволюцию характерной для всех индоевропейских падежей: «Вообще развитие таких элементов, как падежи, таково, что они имеют вначале только семантическую функцию, затем функции семантическую и синтаксическую, наконец, функцию исключительно синтаксическую»⁴⁰.

Синтаксическое функционирование падежей не отделяется от семантического четкой границей: Существует большое количество промежуточных случаев употребления, в которых падеж может быть одновременно квалифицирован и как синтаксический, и как семантический. Например, дательный падеж адресата является в русском языке управляемым падежом, распространяющим значение переходного глагола, и с этой точки зрения дательный адресата — синтаксический падеж.

Однако в отличие от винительного при переходных глаголах, который представляет собой чистый показатель синтаксической функции, дательный падеж наделен здесь значением адресата, т. е. он одновременно имеет и семантический аспект. Употребление творительного орудия при переходных глаголах также может быть охарактеризовано и как синтаксическое, и как семантическое в одно и то же время: с одной стороны — это управляемый, т. е. синтаксический падеж, с другой — он имеет семантическое значение орудия, что сближает этот творительный с конкретными падежами.

Система падежей и место падежа в системе

§ 16. Для того чтобы определить место какого-либо падежа в системе, следует прежде всего выяснить, какие синтаксические функции он способен выражать, а затем произвести сравнение сферы распространения данного падежа в каждой из его функций со сферами распространения других форм, падежных и непадежных, в тех же самых функциях. Сфера распространения падежа в каждой из синтаксических функций соответствует диапазону лексических вариантов конструкций данного падежа.

³⁹ А. В. Десницкая. О происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. — «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1947, т. VI, вып. 6, стр. 497.

⁴⁰ A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas, стр. 126.

в этих функциях. Первичное функционирование какого-либо падежа предполагает максимальную сферу его распространения относительно других форм, падежных и непадежных, в той же самой синтаксической функции. При этом для каждой синтаксической функции может быть только одна первичная форма.

Падеж в первичной функции в наибольшей части диапазона лексических вариантов его конструкций свободен от синонимов. Первичная функция того или иного падежа — это его основное назначение, наиболее характерное применение.

Падеж, являющийся первичной формой выражения какой-либо одной синтаксической функции, не может быть первичной формой выражения других функций. В последних он выполняет второстепенную роль, является носителем вторичного функционирования, так как первичную функцию здесь имеет какая-либо другая форма, падежная или непадежная.

Употребление падежа во вторичной функции всегда поддается определению; вторичность всегда так или иначе отмечена, характеризована, определена специальными условиями⁴¹.

Для иллюстрации первичности и вторичности в области падежей Е. Курилович обращается к функциям винительного падежа в индоевропейских языках. В позиции после переходных глаголов, многочисленных и не определимых с лексико-семантической точки зрения, где винительный обозначает объект, его окончание не имеет никакого семантического падежного значения и служит знаком синтаксической зависимости имени от глагола. Но, кроме этого чисто синтаксического винительного, индоевропейским языкам известен винительный в адвербильном использовании с падежными значениями цели, пространства, времени, цены и т. д. Каждое из названных падежных значений создается в особых, различных для каждого из падежных значений, лексико-семантических условиях контекста падежной формы, которые и лимитируют ее употребление в каждом значении. На этом основании Е. Курилович признает первичной функцией винительного функцию прямого объекта, вторичными же — семантические значения цены, пространства, времени и т. п.⁴² К этому нужно еще добавить, что в функции ближайшего определения глагола винительный является первичной формой, а другие падежи, возможные в этой функции, — вторичными формами.

Выше было отмечено, что некоторые синтаксические функции обслуживаются в первую очередь не беспредложными падежами имени существительного, а падежами с предлогами, наречиями, именами прилагательными, глаголами. Во всех этих синтаксических функциях роль беспредложных падежей, кото-

⁴¹ J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 136—137.

⁴² Там же, стр. 137.

ные взаимодействуют с какой-либо из перечисленных форм, вторичная. Диапазон лексических вариантов конструкций с беспредложными падежами в этих функциях более или менее ограничен.

С точки зрения первичного функционирования, признаки которого мы описали, беспредложные падежи имен существительных на каждом этапе истории языка образуют систему, тесно связанную с системами синтаксического использования других частей речи как форм словообразования.

Внутри системы падежных функций действует система падежных значений. Первичное значение падежа предполагает максимальную сферу распространения конструкций этого падежа в каком-либо семантическом значении. Сфера распространения прилагольных падежей в каком-либо семантическом значении устанавливаются, исходя из количества именных основ, способных в границах данного значения соединяться с формальными показателями каждого из падежей.

Задача настоящего исследования — выяснить первичные функции и значения падежей во взаимных отношениях между собой и другими грамматическими формами. Это означает прежде всего выяснение условий, в которых употребляются падежи и другие формы, функционально соотносительные с падежами.

Беспредложные падежи старославянского языка дают в руки исследователя богатый материал. Они используются в обоих типах падежного функционирования — синтаксическом и семантическом, между которыми находится обширная зона промежуточных употреблений. Беспредложные падежи с чисто семантическими значениями, охватываемыми рамками адвербиальной функции, представлены еще очень широко, хотя с точки зрения системы им принадлежит здесь второстепенная роль: первичными формами в адвербиальной функции являются падежи с предлогами.

В данной работе главное внимание концентрируется, естественно, на беспредложных падежах. Синтаксические функции, обслуживаемые преимущественно беспредложными падежами, описываются в начальных главах. Затем следует описание функций, обслуживаемых, главным образом, падежами с предлогами и наречиями, именами прилагательными, глаголами, т. е. функций, в которых падежи без предлогов находятся на положении вторичных форм.

О составе форм беспредложных падежей старославянского языка. Что объединяет окончания, принадлежащие одному и тому же падежу?

§ 17. В старославянском языке было семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный,

местный, звательный. В нашей работе устанавливается система падежей с точки зрения их синтаксического использования, звательный же падеж в этом отношении принципиально отличается от прочих падежей. Он не выражает никаких отношений в предложении и словосочетании, а представляет собой простое обращение⁴³. Поэтому с точки зрения системы падежей, как мы ее понимаем, интерес представляют остальные шесть падежей.

Каждый из шести падежей, рассматриваемых со стороны синтаксического использования, не предполагает единственной, собственной для него формы выражения. Как известно, одно и то же окончание имени существительного может служить для обозначения нескольких разных падежей, и несколько разных окончаний могут служить для обозначения одного и того же падежа. Что же позволяет несколько разных окончаний имен существительных считать принадлежностью какого-либо одного падежа? То, что имена существительные, принимающие эти окончания, имеют одинаковые ограничения в конструкциях и одинаковые синтаксические функции⁴⁴.

Таким образом, к одному и тому же падежу могут быть отнесены окончания единственного, множественного и двойственного чисел мужского, женского и среднего родов разных типов склонений.

Любое из имен существительных, имеющихся в языке, может выступать в форме любого из падежей, несущих ту или иную синтаксическую функцию. Иными словами, синтаксическое использование падежей не предполагает никаких ограничений в лексике имен существительных, принимающих окончания падежей с синтаксической функцией. Любое имя существительное может быть винительным прямого объекта, дательным адресата, творительным орудия и средства.

Другая картина — у падежей с семантическими значениями. В творительном времени могут выступать только имена существительные с лексическим значением времени, в винительном направления — только имена существительные со значением пространства. Падеж с семантическим значением — это необычный парадигматический падеж в полном смысле слова; его свойства близки к свойствам наречия, которое по самой своей природе не допускает неограниченного употребления, распространяющегося на все именные основы.

⁴³ А. В. де Грут определяет звательный падеж латыни, в отличие от других падежей, как падеж без синтаксической функции (см. «Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas», стр. 127). Он говорит о субъективном значении звательного падежа, ставя его по этому признаку в один ряд с междометиями (см. «Structural Linguistics and Syntactic Laws», стр. 3).

⁴⁴ A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas, стр. 120—121.

Краткие сведения об источниках

§ 18. Предметом исследования являются падежи старославянского языка в том его состоянии, которое отражено наиболее древними памятниками. Подбор текстов, из которых извлекались примеры, произведен с учетом синхронного подхода к разработке проблемы падежного синтаксиса. Мы изучали памятники X—XI вв., отразившие старославянский язык с чертами западных (македонских) говоров болгарского языка этого периода (Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассе-маниево евангелие, Синайская псалтырь, Синайский требник, Клоцов сборник), а также старославянский язык с чертами восточных говоров древнеболгарского языка (Саввина книга, Листки Ундолльского, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки). Общепризнанная архаичность в начертании букв и в языке позволила добавить к этому списку один памятник с чертами чешско-моравских говоров — Киевский миссал X в.

В исследовании уделяется внимание и различиям в области употребления падежей между памятниками македонского и восточноболгарского происхождения. (Эти различия в отдельных случаях достигают значительной глубины. Ср., например, более широкое использование родительного с предлогом отъ в функции субъекта и дательного приименного в притяжательном значении в памятниках восточноболгарского происхождения по сравнению с западными).

Язык, отраженный немногочисленными и жанрово ограниченными памятниками, перечисленными выше, дал возможность создать законченное представление о падежной системе старославянского языка X—XI вв. Только в очень редких случаях, когда мы не располагаем достаточным количеством фактического материала для иллюстрации какого-либо падежного значения, в качестве дополнительных источников привлекаются примеры из памятников с чешскими, среднеболгарскими, древнесербскими или древнерусскими чертами языка⁴⁵.

---

⁴⁵ Список источников см. на стр. 156.

Г л а в а I

ПАДЕЖИ В ФУНКЦИИ СУБЪЕКТА

§ 19. Наиболее распространенный тип простого предложения — двусоставное предложение, состоящее из субъекта и предиката, или, в более сложных случаях, из группы субъекта и группы предиката. Основа таких предложений — предикативное словосочетание — представляет собой одну из разновидностей синтаксических единиц.

Предикативное словосочетание имеет ряд отличий от словосочетаний непредикативных.

Оно состоит не менее чем из двух полнозначных слов, каждое из которых, в свою очередь, может выступать в качестве представителя того или иного непредикативного словосочетания. Последние по отношению к предикативному являются единицами другого, подчиненного порядка: предикативное словосочетание в построении предложения занимает по сравнению с ними особое, господствующее место, более самостоятельное, чем у других словосочетаний, которые группируются вокруг предикативного. Оно имеет содержание законченного предложения; такого содержания нет в других синтаксических группировках, находящихся в зависимом положении от предикативной¹.

---

¹ Ф. Ф. Фортунатов считал возможным называть предикативные словосочетания грамматическими предложениями, так как они «заключают в себе как части грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое» (Ф. Ф. Фортунатов. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. — Избранные труды, т. 2. М., 1957, стр. 454). О ведущей роли предикативных словосочетаний в структуре предложения см. также: И. И. Мещанинов. Основные виды синтаксических группировок. Предикативные группы. «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1959, т. XVIII, вып. 6, стр. 490—499. Другого мнения по этому вопросу придерживается В. В. Вилоградов, который не признает предикативные словосочетания синтаксическими единицами. По его словам, «...так называемые „предикативные словосочетания“ не относятся к синтаксическому учению о формах и типах словосочетаний»; «...широко распространенное деление словосочетаний на два главных разряда — непредикатив-

Предикативное словосочетание, в состав которого входят падежные формы имени, может быть названо предикативной падежной конструкцией.

§ 20. В индоевропейских языках наиболее широко представлен тип предикативной падежной конструкции с именительным падежом имени существительного в качестве определяемого слова, который сочетается преимущественно с личной формой глагола-сказуемого. Этот падеж, абсолютно независим: в пределах простого предложения он не может служить для определения какого-либо другого слова. «...Существительное, призванное выполнять функцию субъекта, — писал Ш. Балли, — представляет собой единственный определяемый знак, который сам не является определяющим»². Зависимый характер подчиненного члена предикативной конструкции выражается путем его согласования с формой господствующего члена.

Формальная независимость именительного падежа — определяемого члена предикативной конструкции — совпадает с независимостью смысловой. Именительный падеж указывает на непосредственного производителя признака, выражаемого сказуемым, т. е. на лицо или предмет, от которого исходит действие.

Независимый падеж лишен семантического значения. Перечисляя латинские падежи с чисто синтаксической функцией, А. В. де Грут называет среди них прежде всего именительный субъекта³.

Функционирование независимого именительного максимально свободно от лексических ограничений. Лексические значения имен существительных, выступающих в форме независимого именительного, бесконечно разнообразны; их диапазон в этой функции сдерживается, по существу, только словарными возможностями языка. С именительным падежом сочетаются в качестве сказуемого почти все глаголы, наличествующие в языке; исключением может быть только группа собственно безличных глаголов, способных сочетаться с косвенными падежами, выступающими в качестве обязательного члена безличных предложений.

Некоторые примеры старославянского независимого именительного в предикативных конструкциях: *нонъ сѣтъ бѣгъ ефратъ рѣкъ ... вѣдж.* Супр. 551₂₃; *члвкъ единъ саткои вѣчериж вѣмъ.* Лука XIV, 16, Мар. 264/265; *а тѣ сапаше* Мат. VIII, 24,

ные и предикативные — лишено внутреннего обоснования: оно возникло вследствие смешения вопросов изучения словосочетания и структуры предложений» (В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетаний. (На материале русского языка). — ВЯ, 1954, № 3, стр. 5).

² Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, стр. 137—138.

³ A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas, стр. 125.

Мар. 24;² дроузыи во ихъ издалече сѣхъ пришли. Марк VIII, 3, Мар. 144₁₁₋₁₂; не оу вѣ пришела годъ его. Ио. VII, 30, Мар. 34.²⁷

Почти полное отсутствие ограничений в лексике компонентов конструкций с именительным дополняется отсутствием параллельных — синонимичных и дублетных — форм для выражения независимого члена предикативных конструкций. Это создает картину особой устойчивости именительного в функции независимого члена предикативной конструкции, его тесной спаянности с этой функцией.

Однако предикативная конструкция с именительным падежом обладает способностью к преобразованиям. В зависимости от особенностей соотносящихся с ней и базирующихся на ней грамматических оборотов в качестве соответствий независимого именительного появляются другие, косвенные падежи. Косвенные падежи со значением деятеля не имеют при себе согласованного сказуемого, а, наоборот, выступают в форме, обычной для падежей, которые сами зависят от глагола-сказуемого. Будучи по смыслу определяемыми членами предикативных конструкций, они не являются таковыми формально. Смысловые связи в конструкциях, заключающих косвенные падежи со значением деятеля, не совпадают со связями, выраженными грамматически. К рассмотрению этих падежей мы и обращаемся.

§ 21. В славянских языках трехчленная страдательная конструкция, имеющая в своем составе страдательное причастие или возвратно-страдательный глагол, форму именительного и форму косвенного падежей имени существительного, по своему содержанию не отличается от соответствующей действительной конструкции, состоящей также из трех членов: независимого именительного, глагола-сказуемого и прямого дополнения (первого определяющего члена глагола). Ср. примеры из русского языка: *дверь открывается водителем* — *водитель открывает дверь*. В этих двух типах конструкций двумя разными языковыми способами выражается одно и то же действие⁴. Активные и пассивные обороты синтаксически соотносительны и синонимичны⁵. Формы выражения деятеля страдательных конструкций, так же как именительный падеж в действительных конструкциях, функционально им соответствующий, — носители чисто синтаксического функционирования⁶.

⁴ Е. Курилович считает, что полная (трехчленная) пассивная конструкция отличается от активной только своей стилистической функцией («Эргативность и стадиальность в языке», стр. 96).

⁵ См. В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 640.

⁶ Ср. замечание Р. Мразека о том, что в русском творительном субъекте страдательной конструкции конкретное значение отсутствует (Р. Мразек. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа, стр. 46).

Широта употребления этих двух типов конструкций не одинакова: страдательные конструкции по степени распространения заметно уступают действительным как более обычному типу, и далеко не каждая действительная конструкция с переходным глаголом и дополнением может быть преобразована в страдательную⁷.

О существовании внутренней соотносительности между действительной и страдательной конструкциями в старославянском языке можно судить уже по тому, что древние переводчики свободно употребляли один из этих оборотов на месте другого (при этом предпочтение отдавалось действительному). А. Вайан сообщает: «Как это видно из переводов с греческого языка, страдательному обороту нередко предпочитается действительный. Особенno часто заменяет форму со страдательным значением лицо множественного числа, которое выражает обычно неопределенный субъект...: ουμ(λ)ργτα... и πορφέα и. Лука XVI, 22 (вместо „он был похоронен“ греческого оригинала); не εἰδήτε δικαιοῦσθαι καὶ Лука VI, 37 (греч. „да не будете судимы“)»⁸.

Содержание понятия «страдательная конструкция» для старославянского языка было несколько иным, чем для славянских языков более позднего времени, в частности для русского. Обороты со страдательными причастиями и обороты с возвратно-страдательными глаголами еще не соединились в старославянском окончательно в пределах единой грамматической категории, но сохраняли известную обособленность. Эта обособленность поддерживалась существованием двух разных форм выражения деятеля в страдательных конструкциях: одной — преимущественно для оборотов со страдательными причастиями, другой — для оборотов с возвратно-страдательными глаголами.

Значение деятеля в страдательных конструкциях передавалось в старославянском творительным беспредложным и родительным с предлогом отъ.

Некоторые примеры употребления этих форм: *люкимъ юсъгъ вогомъкъ*, чагомъ же юсъгъ к'нидзи. Супр. 219₂₉; *да съвѣдѣтъ сѧ реченое пророкомъ*. ісанемъ глїжіемъ. Мат. VIII, 17, Мар. 23₁₂, Зогр. 9, Асsem. 73_{20—23}.

днггє не вѣдѣтъ дано емоу отъ оца моего. Ио. VI, 65, Мар. 341₁₉ (так же в Зогр., Асsem., Остр.). і кръсти сѧ отъ иоана въ юрданѣ. Марк I, 9, Мар. 116₂₅ (так же в Зогр., Савв.); И рѣждаѣтъ сѧ бѣтъ сватааго дѣха. Супр. 10₂₇⁹.

⁷ См. сб. «Творительный падеж в славянских языках», стр. 128, 129.

⁸ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 386.

⁹ Примеры падежных форм имени существительного, служащих для обозначения носителя действия в текстах евангелий, см. в кн.: К. Норальек. Evangeliaře a čtveroevangelia. Příspěvky k textové kritice a k dejinám staroslověnského překladu evangelia. Praha, 1954, стр. 142, 145—148.

Специальные изыскания, предпринятые Г. Брайером, показывают, что с точки зрения общего числа случаев употребления обе эти формы находились в отношениих приблизительно равных: в переводах евангелий форма родительного с предлогом отъ имеет незначительный перевес над творительным, тогда как в Супрасльской рукописи по количеству случаев употребления обе эти формы находятся в равновесии¹⁰.

В отдельных случаях обе формы выступают в параллельных местах евангельских текстов; здесь они полностью совпадают функционально. Например: они же *съшакъше* ꙗко жікъ юстъ и відѣнъ быстъ *єж.* не *таса* кѣры. Марк XVI, 11, Мар. 184₁₂, Зогр. 78; они же *съшакъше* ꙗко жікъ юстъ и відѣнъ быстъ *отъ нем* не *таса* кѣри. Ассем. 313₄ (так же в Остр.).

Однако в подавляющем большинстве случаев для каждой из форм выражения деятеля существовали собственные, строго определенные грамматические условия.

В переводах евангелия, в особенности в древнейших переводах — апракосах, а также в древних частях четвероевангелий творительный падеж и родительный с предлогом отъ заменяют друг друга при страдательных причастиях прошедшего времени (13 случаев с творительным, 14 — с родительным); при причастиях настоящего времени употребляется только творительный падеж, при возвратно-страдательных глаголах — почти исключительно родительный с предлогом отъ (14 случаев при одном случае творительного падежа)¹¹.

В более поздних текстах происходит некоторое изменение этих отношений, но оно не затрагивает сочетаемости форм деятеля с возвратно-страдательными глаголами; здесь по-прежнему почти исключительно наблюдается родительный с предлогом отъ (в Супрасльской рукописи эта форма встретилась 31 раз, а творительный — четыре раза). Изменение касается конструкций со страдательными причастиями настоящего времени, при которых употребление двух форм выражения значения деятеля приближается к равновесию (в Супрасльской рукописи 45 случаев с творительным и 33 с предлогом отъ); формы выражения значения деятеля при страдательных причастиях прошедшего времени в численном отношении продолжают оставаться приблизительно уравновешенными (в Супрасльской рукописи 63 случая с творительным при 70 с предлогом отъ)¹².

¹⁰ H. Bräuer. Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen. Eine syntaktische Untersuchung. «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und der Literatur in Mainz. Geistes- und socialwissenschaftliche Klasse», Wiesbaden, 1952, стр. 128.

¹¹ H. Bräuer. Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen, стр. 152.

¹² Там же, стр. 201.

В Синайском требнике творительный падеж и родительный с предлогом *отъ* имеют приблизительно равное число случаев употребления при страдательных причастиях настоящего времени (3 примера «*отъ* + родительный» и 2 примера с творительным); со страдательными причастиями прошедшего времени чаще употребляется творительный (17 примеров, тогда как с предлогом *отъ* только 3 примера), с возвратно-страдательными глаголами чаще связывается родительный с предлогом *отъ* (4 примера, в то время как творительный представлен двумя примерами)¹³.

Опираясь на эти данные, Г. Бройер констатирует существование ярко выраженной разницы в формах реализации значения деятеля при возвратно-страдательных глаголах (почти исключительно родительный с предлогом *отъ*) и страдательных причастиях (преимущественно творительный падеж, иногда и родительный с предлогом).

Распределение форм деятеля в старославянском языке не следует считать случайным. Подобное соотношение отмечено Е. А. Седельниковым в старейших древнерусских памятниках. В них ни разу не встречен творительный действующего лица при возвратно-страдательных глаголах с частицей *ся*, но употребляется только родительный с предлогом *отъ*¹⁴.

Это значит, что для древнего периода истории славянских языков свойственно употребление творительного в роли деятеля главным образом в конструкциях со страдательными причастиями (первоначально со страдательными причастиями настоящего времени), но не с возвратно-страдательными глаголами¹⁵.

Упорядоченное использование двух способов обозначения деятеля, характерное для первых переводов евангелий, сменяется в дальнейшем более смешанным употреблением двух форм, при котором обе они начинают осознаваться как равноценные, и возникает возможность выбора одной из них для преимущественного или исключительного употребления.

Наблюдения, сделанные на материале разных славянских языков Г. Бройером и Е. А. Седельниковым, позволяют заключить, что в древних славянских языках соотносительность между независимым именительным падежом действительной

¹³ H. Bräuer. Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen, стр. 205—210.

¹⁴ Е. А. Седельников. Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке. — Сб. «Вопросы изучения русского языка». Алма-Ата, 1955, стр. 155.

¹⁵ Г. Бройер полагает, что это явление вызвано ощущением глубокого различия между глагольными и причастными формами: последние в старославянском языке отчасти сохраняли свое именное значение, которое только мало-помалу утрачивалось по мере присоединения страдательных причастий к глагольной системе, в то время как возвратные глаголы до включения в систему страдательного залога были, по существу, одной из разновидностей непереходных глаголов (Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen, стр. 211—214).

предикативной конструкции и формами выражения деятеля в страдательных конструкциях не была еще окончательно сложившейся и эти две категории форм не были функциональными эквивалентами в полном смысле слова.

Формы выражения деятеля в страдательных конструкциях еще не утратили окончательно свои первоначальные конкретные значения и в известной степени воспринимались как прилагательные падежи с семантикой орудия (творительный беспредложный) или удаления, отделения (родительный с предлогом *отъ*). Но конкретные, семантические значения этих форм уже стирались, и по мере укрепления соотносительности между действительной и страдательной конструкциями эти формы переходили на позиции функциональных эквивалентов независимого именительного предикативных действительных конструкций.

§ 22. С независимым именительным предикативных конструкций соотносительны также беспредложные падежи, обозначающие носителя действия или состояния в безличных предложениях. Е. Курлович подчеркивает, что безличные построения являются разновидностью предложений, т. е. принадлежат вместе с двусоставными предложениями к одному и тому же классу языковых структур; при этом безличные предложения базируются на двусоставных¹⁶.

Объектом рассмотрения в данном случае являются распространенные безличные предложения, в которых косвенный падеж, обозначающий деятеля, служит обязательным элементом структуры предложения (эта форма в грамматиках квалифицируется чаще всего как дополнение безличного предложения, распространяющее его главный член — сказуемое¹⁷).

Безличные предложения с обязательной формой выражения деятеля существенно отличаются от односоставных предложений других типов. Анализируя немецкие предложения *mich friert* и *hier wird getanzt*, В. Г. Адмони пишет: «Здесь получаются своеобразные структуры, состоящие из двух компонентов, совершенно достаточных (при данном порядке слов) для образования предложения, хотя номинативное подлежащее здесь отсутствует. Говоря строго грамматически, мы имеем дело с односоставными предложениями, так как *mich* и *hier* выступают здесь в форме зависимых членов предложения, членов глагольной группы. Но тот факт, что именно они придают данным видам предложения завершенность (предложения *Friert. Wird getanzt* и даже *Getanzt wird* невозможны), делает их исключительно важными и необходимыми для структуры предложения и позволяет заключить, что перед нами своеобразная параллель двусоставной структуре

¹⁶ J. Kuryłowicz. La notion de l'isomorphisme, стр. 19—20; Linguistique et théorie du signe, стр. 13.

¹⁷ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., Изд-во АН ССР, 1954, стр. 15—17.

предложения. Здесь имеется сочетание двух необходимых для предложения членов, хотя и не совпадающих по своей форме с „классическими“ формами главных, необходимых членов предложения в немецком языке»¹⁸.

Для конструкций, заключающих косвенный падеж как форму выражения носителя действия, некоторые лингвисты считают неприемлемым термин «безличные». «Формально предложения этого типа можно было бы считать предложениями „безличными“, как это и делается в традиционной грамматике. Однако то обстоятельство, что они по своему значению совершенно тождественны с предложениями „личными“... не позволяет их считать безличными. Они отличаются от параллельных им „личных“ предложений только тем, что значение субъекта-объекта выражено в них не формой независимого именительного падежа, а косвенной формой имени, определяющей сказуемое и не создающей тем самым двусоставности, обычной для так называемых личных предложений», — так заключают В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская анализ русских предложений *отцом дано детям по груше, по груше упало с дерева*¹⁹.

«Собственно безличные предложения характеризуются не только односоставностью, но также и тем, что в них устранен субъект», — полагают авторы статьи²⁰.

Для того чтобы ответить на вопрос, в каких отношениях находятся косвенные надежки со значением носителя действия в распространенных безличных предложениях к именительному субъекта в двусоставных предложениях, следует установить разницу и сходство между характером конструкций, заключающих как те, так и другой. Предикативные конструкции с именительным характеризуются согласованием глагола-сказуемого с субъектом — особенность, которой лишены безличные конструкции с косвенными падежками. В последних глагол-сказуемое, наоборот, управляет формой выражения деятеля. Впрочем, здесь следует сделать ряд оговорок: это управление заметно отличается от управления глаголов в двусоставных предложениях. Название деятеля имеет лишь форму, обычную для падежей, зависимых от глагола, но многие важнейшие функциональные особенности этой формы утрачены. Так, дательный деятеля в безличных предложениях лишен значения адресата, свойственного дательному, связанному с глаголом отношениями тесной связи. Если прилагольные падежи в двусоставных пред-

¹⁸ В. Г. Адмони. О двусоставности предложения. — «Ученые записки 1-го Ленинградского гос. пед. ин-та иностранных языков. Новая серия», вып. II. Вопросы грамматики и лексикологии, 1955, стр. 170—171.

¹⁹ В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. — «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 347—348.

²⁰ Там же, стр. 348, прим. 1.

ложенииах располагаются по отношению к сказуемому — переходному глаголу — в известной внутренней последовательности (винительный, дательный, творительный), то в безличных предложениях с косвенным падежом как обязательным элементом структуры предложения такая последовательность отсутствует: здесь сказуемое обыкновенно распространяется только одним падежом (если не считать падежей, связанных с глаголом отношениями свободной связи), который, за отсутствием независимого именительного, и берет на себя его функции. К. А. Тимофеев справедливо полагает, что выражение деятеля формой косвенного падежа, или, как он пишет, его «объектное оформление», находится в противоречии с его современным пониманием как субъекта действия и является фактом пережиточного характера²¹. По мнению К. А. Тимофеева, рассматривать падежную форму выражения деятеля при безличном сказуемом как обычное дополнение и, следовательно, приписывать ей только объектное значение было бы уступкой традиционной грамматике²².

В некоторых исследованиях форма выражения деятеля безличных предложений называется косвенным субъектом безличных предложений, при этом подчеркивается его вторичность по сравнению с именительным субъектом²³.

Итак, в распространенных безличных предложениях косвенные падежи со значением носителя действия или состояния, определяющие глагол по форме, определяются им по смыслу. Употребляясь в форме, обычной для зависимых падежей, они утратили многие особенности функционирования этих падежей. Функционально они соотносительны с независимым именительным падежом обычных двусоставных предложений.

Важно установить, какие падежи служат для обозначения носителя действия или состояния в распространенных безличных предложениях в старославянском языке и каковы условия, определяющие употребление каждого из падежей.

Безличные предложения с обязательной формой выражения носителя действия или состояния имеют по славянским языкам разную степень употребительности и разный удельный вес по сравнению с двусоставными предложениями, заключающими именительный субъекта²⁴; в старославянских текстах они пред-

²¹ К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. — Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 265.

²² Там же, стр. 264.

²³ Е. С. Истрина. Субъект и подлежащее как синтаксические термины. — «Ученые записки Казахского гос. ун-та им. С. М. Кирова». Алма-Ата, т. XI, 1946, стр. 34—35.

²⁴ Б. Илек показывает существенную разницу в соотношении употребительности двусоставных и безличных предложений в русском и чешском языках (см. B. Ilék. Volba a postavení subjektu v ruštině a v češtině. — «Studie a práce lingvistické». Praha, 1954, I, стр. 275—295).

ставлены скучно. Среди безличных предложений, разбираемых Ф. Миклошичем, примеры из старославянского чрезвычайно редки²⁵.

В обследованных старославянских памятниках отсутствуют соответствия для целых разрядов безличных предложений, известных в русском языке. Здесь нет предложений с обязательным творительным падежом, которые широко распространены в русском (ср. *градом побило рожь* и т. п.); нам не удалось также найти безличные предложения с обязательным винительным падежом (типа *русскою меня знобит* и т. п.).

§ 23. Незаменимой составной частью некоторых безличных предложений в старославянском языке является дательный падеж действующего или испытывающего состояние лица (реже предмета). «Дательный падеж субъекта, — пишет А. Б. Правдин, — ... в большей или меньшей степени обусловлен характером оборота, в который он входит, безличностью подобного оборота, и часто сонерипенно не зависит от лексического значения управляющего глагола»²⁶.

Авторы специальных работ, характеризуя дательный субъекта, акцентируют внимание на противоположных свойствах его грамматической природы, что ясно свидетельствует о ее двойственности.

«Если дательный субъекта в русском языке не имеет формальных признаков подлежащего, то в семантическом отношении этот падеж обнаруживает известную близость к подлежащему, являясь выражением субъекта действия-состояния», — пишет К. А. Тимофеев²⁷.

«Обозначая субъект действия или состояния, дательный падеж в безличных оборотах все же не вполне соответствует императивному падежу субъекта. В отличие от именительного падежа, дательный падеж субъекта обозначает лицо (предмет), которое является не только производителем действия, но в какой-то мере и адресатом, лицом, которому приписывается или представляется то или иное действие или состояние, возникающее независимо от воли этого лица, в силу каких-то внешних условий. Эта особенность сближает дательный падеж субъекта в безличных предложениях с дательным падежом обычного типа, с объектным дательным падежом», — указывает А. Б. Правдин²⁸.

25 F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd IV. Syntax. Heidelberg, 1926, стр. 346—369.

26 А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956, стр. 104.

27 К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке, стр. 264.

28 А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 113—114.

Дательный действующего лица развился в славянских языках на основе дательного приглагольного. В старославянском он употребляется в безличных инфинитивных предложениях. Дательный падеж служит здесь для выражения лица или предмета — субъекта действия или состояния, обозначенного глаголом в форме инфинитива. А. Б. Правдин намечает два основных типа употребления дательного в безличных инфинитивных предложениях. «Лицо, название которого стоит в дательном падеже, может совершать или представляться совершающим действие в действительности; с другой стороны, в дательном падеже может стоять название лица, которое должно совершить какое-либо действие или совершил его с неизбежностью в будущем и т. п.; во втором случае безлично-инфinitивные предложения выражают различные модальные оттенки значения»²⁹.

К первому типу А. Б. Правдин относит следующие примеры:

Х^саша югоже глаголетъ кы крестибани быти вогоу небесъскоу-
оум³⁰. не бтъ жены ли роди са. Супр. 8_{17—19}; Пристѣжаше же ѿдини
отъ садоукен. глагште въскрѣшиши не быти. Лука XX, 27,
Мар. 290₂₅; ємоу же мѣниши быти везъ бтъца. Супр. 239_{11—12};
и се тражсѧ велика быти въ мори. Ѳко покрыкати са кораблю вѣ-
нами. Мат. VIII, 24, Мар. 24₂; йдѣаше же вѣслѣда народъ многъ.
такоже падномъ быти вѣсѣмъ стѣгнамъ. Супр. 133_{5—6}; рождѣша-
сковрадж. такоже быти єй подобанѣ бгии. Супр. 157₁₈³⁰.

Дательный в безлично-инфinitивных предложениях с модальными оттенками образует, согласно А. Б. Правдину, второй тип примеров. Сюда относятся:

1) примеры дательного падежа от названия лица, которое должно произвести какое-либо действие, например: сватоуоу-
моу господоу пешти са о томъ. Супр. 131_{20—21}; вѣсѣмъ не
покораштнимъ са заповѣди юго... залѣ съмѣрѣти съмѣрѣти. Супр.
145_{1—4};

2) примеры дательного падежа от названий лица, которое неизбежно совершил то или иное действие, например: прѣжде бо
вѣдѣаше тако семоу юсъгъ быти. Супр. 51_{1—2}; и юсъгъ такоже сто-
їти ємоу. и вѣдѣши вѣдѣши ю съмѣрѣти. Супр. 149_{26—28};

3) примеры дательного падежа в безлично-инфinitивных предложениях с вопросительными наречиями, например: почто
ми гнѣвиги ѡзыка съгадиоу. Супр. 239₂₆³¹.

К дательному падежу субъекта в безлично-инфinitивных предложениях близок дательный падеж при предикативных

²⁹ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 108.

³⁰ Там же, стр. 108—109.

³¹ Там же, стр. 110—111 (примеры А. Б. Правдина).

парениях, сочетающихся с инфинитивом. Например: не къз-
мождно есть въходити женѣ въ манастырь. Супр. 298₁₁₋₁₂³².

§ 24. Обязательным элементом структуры некоторых безличных предложений является в старославянском родительный падеж. Это — предложения, сказуемое которых выражено словом нѣстъ 'нет', и предложения, сказуемое которых выражено глаголом быти в безличном значении с отрицанием³³.

В безличных предложениях со словом нѣстъ 'нет', имеющих значение настоящего времени, родительный падеж обозначает лицо или предмет, об отсутствии которого информирует высказывание. Например: и нѣстъ неправѣды ка нема. Ио. VII, 18, Мар. 343₂₅; Нѣстъ ко дѣла ка суетѣхъ іихъ. Син. ис. CXXXIV, 17, 175₁₆; ты еши въ. и разѣ таке йного нѣстъ. Супр. 31₂₁.

Родительный падеж ставится и в тех случаях, когда слово нѣстъ подразумевается: да буже никдѣже покоя никдѣже блаженства. и въ блаждѣ слыши. въ блаждѣ печалъ. Супр. 57₄₋₇³⁴.

В предложениях с отрицанием и глаголом быти в безличном значении родительный падеж обозначает отсутствие лица или предмета в будущем или прошлом.

Например: и се жаткорѣ да и бѣстатъка и хъ не вѣдѣтъ. Супр. 79₅; и вѣдѣтъ полъза твоимъ коумиренъ. Супр. 131₆; и кѣ има мѣста ка свигѣми. Лука II, 7, Мар. 197₃; и ко вѣѣшѣ бѣ нѣго сънастѣка рѣчѣмъ. Супр. 47₁³⁵.

§ 25. Выше отмечалось, что с именительным падежом сочетаются в качестве сказуемого почти все глаголы, наличествую-

³² А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 112 (пример А. Б. Правдина).

³³ Об этом типе безличных предложений см. также: F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd IV. Syntax, стр. 357.

³⁴ В предложениях со словом нѣстъ изредка отмечается употребление именительного падежа. Например: бо льши сво ни заповѣдь нѣстъ. Марк XII, 31, Ассем. 230₉ (изо ни заповѣдь нѣстъ Мар. 165₂₆, Зогр. 69); нѣстъ ко дрѣко добра твѣрд плода зѣла. Лука VI, 43, Мар. 219₁₆₋₁₇, Зогр. 93.

³⁵ О. Грюненталь обратил внимание на колебания в выборе падежной формы в главе от Ио. VI, 24. В Мар. 337₂₁ здесь родительный падеж: видѣша народи. Бѣко иса не быстъ тоу. ни ученикъ его; в Зогр. и Ассем. — именительный падеж: ісъ не быстъ тоу. ни ученикъ его. Зогр. 146; исъ не бы-
тоу ни ученикъ его. Ассем. 21. Однако очевидно, что в этом примере замена родительного падежа на именительный происходит в разных синтаксических условиях: в Мар. безличная конструкция предложения, в Зогр. и Ассем. — личная (см. O. Grünenthal. Die Übersetzungstechnik der altkirchen-slavischen Evangelienübersetzung. — «Archiv für slavische Philologie», 1910, Bd XXXI, N. 3, стр. 349). О колебаниях между родительным и именительным падежами в других рукописях Евангелия см. также: K. Horálek, Evangeliaře a čtveroevangeliá, стр. 133.

ящие в языке; исключение в этом отношении составляют собственно безличные глаголы, при которых на месте именительного находим какие-либо косвенные падежи.

В данном случае речь идет не о безлично употребленных глаголах, появление при которых особых падежных форм субъекта вызвано грамматическими особенностями предикативной конструкции, а о безличных глаголах с особыми лексическими значениями, которые не имеют соответствий среди глаголов личных.

Таковы, например, глаголы *докблѣти* 'быть достаточным', *достонти*, *подобати*, *ключити сѧ*, *прилоучити сѧ*, *лоучити сѧ*, *с злоу-
чить сѧ*, с которыми в старославянском употребляется дательный падеж.

Некоторые примеры конструкций с этими глаголами:

покажи *нашъ отъца* и *докблѣтъ нашъ*. Ио. XIV, 8, Мар. 375₁₄₋₁₅; *докблѣтъ ученикоу* да *каждетъ* ѿкоже *сучигелъ* его и *равоу* ѿко го его. Мат. X, 25, Мар. 31₂₅; не *бо юстица цѣсаремъ* того парешти. *докблѣтъ* *ко ѹмоу* *безаконникомъ* и *прѣстѣжѣникомъ* звѣти и. Супр. 214₂.

аште *достонти* *члкоу* *поустыги* *женѣ* *свої*. по вѣткои книѣ. Мат. XIX, 3, Мар. 65₂₄; не *достонти* *тѣвѣ* *имѣти* *жены* *филипа* *братра* *своего*. Марк VI, 18, Мар. 136₁₆; *достонти* ли *нашъ* *кесареви* *дань* *дати*. Лука XX, 22, Мар. 290₁₅.

подобатъ *ємоу* ити *въз*. Мат. XVI, 21, Мар. 56₂₆; *или* подобатъ *птичи* *прежде* Мат. XVII, 10, Мар. 58₂₈; подобатъ *ємоу* *члвческоуму*. *многого пострадати* Марк III, 31, Мар. 147₁.

аште *ли* *са* *ключитъ* *са* *говою* *сумѣрѣти*. не *отъѣзжай* *са* *тсебе*. Мат. XXV, 35, Мар. 100₁₃ (въ Остр. *прилоучитъ сѧ*). Ср. повторение этого оборота в главе от Марка XIV, 31, Мар. 174₂₄ (в Зогр. в параллельном месте глагол имеет форму *лоучитъ*).

аште *ли* *да* *с злоукаше* *са* *иѣ* *бѣ* *кого* *бумоудити* *їмоу*. Супр. 206₆₋₈; аште *са* *с злоукааше* *не* *имѣти* *їмоу* *ничѣгоже*. Супр. 207₁₂₋₁₃.

Сведениями о других падежах субъекта при собственно безличных глаголах мы не располагаем.

§ 26. Рассмотрение вопроса о сферах распространения разных форм выражения субъекта в старославянском языке позволяет сделать следующие выводы.

Наибольший диапазон распространения в данной функции имеет именительный падеж.

Предикативная конструкция с именительным падежом субъекта служит базой для двух других типов предикативных конструкций: 1) трехчленных страдательных, которые в старославянском встречаются с двумя формами субъекта: или твори-

тельным беспредложным, или родительным с предлогом отъ; 2) распространенных безличных с обязательной формой выражения деятеля.

В названных двух типах предикативных конструкций, базирующихся на конструкциях с именительным падежом, формы выражения субъекта частично сохраняют особенности своего функционирования в качестве обычных прилагательных падежей. Так, по форме они зависят от сказуемого, подобно прилагательным падежам. Однако их значения как прилагательных падежей утрачиваются; эти формы выступают как носители функций субъекта.

Функциональные эквиваленты именительного падежа — косвенные падежи как формы выражения субъекта — состоят с именительным субъектом в отношениях разных типов. В одних случаях они являются вариантами именительного субъекта; появление их вызывается некоторыми грамматическими особенностями предикативной конструкции; диапазон распространения именительного субъекта они не сокращают.

В других же случаях появление особых форм выражения субъекта связано с особенностями лексического значения глагола-сказуемого. За счет этих форм диапазон распространения именительного сокращается. Именительный служит для них формой-базой, они же по отношению к именительному являются производными формами.

Г л а в а II

ПРИГЛАГОЛЬНЫЕ ПАДЕЖИ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 27. Разграничение двух сфер падежного функционирования — семантической и синтаксической — раскрывает важные особенности природы падежей и представляет собой прогресс в их изучении. Однако нередко возникают затруднения в практическом применении этого принципа. Где проходит демаркационная линия между семантическими и синтаксическими функциями прилагольных падежей? Можно ли ее обнаружить при помощи точных методов?

В тех работах, где двум названным сферам падежного функционирования удалено наибольшее внимание, определенного ответа на этот вопрос не содержится.

Е. Курилович не ставил своей целью найти точные критерии для отделения семантических функций от синтаксических и концентрировал внимание только на принципиальной стороне этого разграничения. Р. Мразек высказал мнение, что между двумя областями функций не всегда можно провести четкую грань; речь может идти только о различии двух качественных полюсов: семантического и чисто синтаксического употребления¹.

В других же известных нам исследованиях содержатся ценные соображения о реальных, базирующихся на конкретных фактах языка, различиях между двумя сферами падежного функционирования.

Рассматривая учение о падежах В. Бундта, К. Бюлер выдвинул тезис: существенный признак грамматических падежей в индоевропейских языках заключается в коннотации со стороны глаголов. На этом основании К. Бюлер относит к грам-

¹ Р. Мразек. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа, стр. 42.

матическим падежам дательный, поскольку он, вместе с винительным или без него, является падежом объекта, и родительный в тех случаях, где он выражает объект². Таким образом, тесная связь с глаголом служит, по К. Бюлеру, важнейшим признаком синтаксического функционирования падежа.

Каковы же свойства и признаки тесной связи между падежом и глаголом и какие другие виды связей возможны между ними? При разрешении поставленного вопроса следует ориентироваться на тип отношения между лексическими значениями определяемого и определяющего членов падежной конструкции.

А. М. Нешковский отмечал соединимость обстоятельственных падежных форм в русском языке с глаголами любой семантики. Рассматривая словосочетание *умер 22 февраля*, он писал: «Есть ли здесь необходимая, внутренняя связь между род. пад. . . существительного и значением глагола (вещественным или формальным)? Конечно, нет. Это сказывается в том, что на место *умер* можно подставить любой русский глагол, потому что все решительно можно проделать 22 февраля». Точно так же сочетание предлога *с* с твор. пад. хотя и может в известных случаях вступать во внутреннюю связь с глаголом (*спорю с кем, скорюсь с кем, мирюсь с кем*), но может и не вступать (*стою с кем, чихаю с кем, умираю с кем* и т. д.), потому что нельзя себе представить такого действия, которое нельзя было бы проделывать, или состояния, которое нельзя было бы переживать совместно с кем-нибудь другим. Поскольку сочетание это выражает не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно всеобще, что оно приложимо к любому глаголу»³. Ср. также наблюдения В. И. Сухотина, который отметил, что в русском языке сочетания с функциями пространства и времени не ограничены узкоспециальной сферой употребления и могут сопровождать любые другие сочетания в зависимости от конкретных условий и цели высказывания⁴.

А. Д. Григорьева, анализируя употребление местного падежа в древнерусском языке, установила в пределах локативных конструкций наличие двух типов отношений между лексическими значениями определяемого и определяющего членов конструкций:

1) отношения свободной связи, особенностью которых

² K. Bühler. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934, стр. 243.

³ А. М. Нешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 286.

⁴ В. И. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке, стр. 161.

является определимость в границах данной функции лексического состава определяющих слов при несводимости определяемых слов в лексически однородную группу;

2) отношения тесной связи, особенностью которых является лексическая неоднородность второго, определяющего члена словосочетания, и наоборот; лексическая определимость первого, определяемого члена⁵.

Сформулированная закономерность может быть отнесена не только к местному падежу, но к любому прилагольному падежу. Для каждого из них известны два основных типа употребления: употребление, вызванное особенностями лексики глагола, и употребление, вызванное особенностями лексики имени существительного в форме данного падежа⁶.

Различие в типах отношений между лексическим составом определяемого и определяющего членов представляется нам главным водоразделом в сфере функций прилагольных падежей. В соответствии с этим различием все их функции мы разделяем на две группы: 1) функции падежей, связанных с глаголом отношениями тесной связи; 2) значения падежей, связанных с глаголом отношениями свободной связи. Граница между той и другой степенью связи в известной мере совпадает с разделением прилагольных падежей по типу падежного функционирования: падежи, связанные с глаголом отношениями тесной связи, выступают как носители и синтаксических, и семантико-синтаксических функций; падежи, состоящие с глаголом в отношениях свободной связи, являются носителями семантических значений.

Падежи, связанные с глаголом отношениями тесной связи, занимают по отношению к нему центральные позиции, а падежи, связанные с глаголом отношениями свободной связи, — маргинальные (периферийные).

⁵ А. Д. Григорьева. К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке. — «Доклады и сообщения Ин-та русского языка». Вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 127—129. См. также: В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, где разграничивается локатив при глаголах «сильной» («тесной») связи и при глаголах «слабой» связи. В. Н. Топоров сообщает, что в этом вопросе он следовал принципам, изложенным в книге Г. Эртеля о синтаксисе падежей в брахманической прозе (H. Oertel. The Syntax of Cases in the Narrative and Descriptive Prose of the Brāhmaṇas, I. The Disjunct Use of Cases. Heidelberg, 1926) и имел в качестве примера анализ А. Д. Григорьевой (см. В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 8).

⁶ Подобная мысль высказывалась по поводу прилагольных падежей в русском языке. Ср.: «... типы объектных словосочетаний в отношении продуктивности обычно ограничены со стороны главного слова, а пространственных — со стороны зависимого слова» (Д. В. Уткин. К синонимии объектных конструкций в современном русском языке. — «Ученые записки Петровцовского гос. пед. ин-та», вып. IV, 1960, стр. 87).

Каждый приглагольный падеж может быть и грамматическим, и конкретным, и центральным, и маргинальным (периферийным).

Таким образом, различие в типах отношений между лексическим составом определяемого и определяющего членов в основном совпадает: 1) с различиями в типах связи между этими членами (тесная—свободная); 2) с различиями в типах падежного функционирования (синтаксическое—семантическое); 3) с различиями в позициях падежа по отношению к глаголу (центральные — маргинальные). Признавая решающую роль этого различия для падежного синтаксиса, мы кладем его в основу нашего описания функций приглагольных падежей.

I. ПАДЕЖИ, СВЯЗАННЫЕ С ГЛАГОЛАМИ ОТНОШЕНИЯМИ ТЕСНОЙ СВЯЗИ

1. Падежи в позиции первого определяющего члена глагола

§ 28. Падежная форма, выступающая в положении первого определяющего члена глагола, находится с глаголом в отношениях тесной связи. Обозначая связь этого типа термином «сильное управление», А. М. Пешковский характеризует ее следующим образом: «Под „сильным“ управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь»⁷.

Способность глагола к сильному управлению является существенной особенностью его синтаксической характеристики: управляющий член уже в себе содержит потенцию управления, «требует» дополнения синтаксически.

В то же время сочетаемость с определенными падежами составляет одну из особенностей лексико-семантической характеристики глагола. «Чтобы представить себе полностью значение того или иного слова, необходимо знать, к каким формам сильного управления оно способно», — констатирует И. С. Ильинская⁸. Из этого делается вывод, что факты управления должны

⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 285.

⁸ И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики, стр. 78. В этой связи представляет интерес точка зрения Л. В. Щербы, который склоняется к тому, чтобы усматривать в переходных глаголах лишь строевые слова, в отличие от знаменательных. «В сущности все переходные (в широком смысле) глаголы могут до известной степени трактоваться как строевые слова; во фразе *мальчик чи-*

являться предметом лексикологии, так как лексическое значение глагола во всей своей полноте раскрывается благодаря тому или иному способу управления⁹. Заметим кстати, что термин «управление» иногда признается недостаточно удачным для выражения отношений между глаголом и падежом. В. А. Богородицкий писал: «...употребление глаголов в соединении с тем или другим падежом представляет собою вовсе не управление глагола именем, а лишь сочетание глагола с данной по падежною формою, вызванное взаимным соответствием их при выражении данной мысли»¹⁰.

Глаголы, для полного раскрытия лексических значений которых необходимо указание на падежную форму имени, удобно называть объектными (в отличие от субъектных).

Субъектные глаголы для выражения своей семантики не нуждаются в падежных формах. Постановка того или иного падежа имени при субъектном глаголе обусловлена не семантикой глагола, а смыслом всего высказывания¹¹.

В старославянском языке, как и в других славянских, в зависимости от лексики управляющего глагола имя существительное может быть выражено формами разных падежей, однако в количественном отношении первое место среди них принадлежит винительному. Глаголы, сочетающиеся с винительным, составляют особую группу, которая отличается рядом своих особенностей от прочих объектных глаголов. Глаголы с винительным падежком имеют ряд своеобразных черт, например, они способны образовывать возвратные формы со страдательным звачением, а также страдательные причастия; перечисленные формы от субъектных глаголов встречаются редко.

Винительный падеж объекта является почти исключительно приглагольным, в то время как другие падежи объекта употребляются и при глаголах, и при именах. Связь между винительным падежом и переходным глаголом является настолько тесной, что отсутствие винительного падежа приводит к утрате смысловой законченности глагола.

тает книгу глагол читает выражает отношение между мальчиком и книгой. И только непереходные глаголы являются подлинно знаменательными словами» (см. Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М.—Л., 1947, стр. 80).

⁹ И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики стр. 78.

¹⁰ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 222.

¹¹ Следует учитывать, что субъектность и объектность у глаголов могут меняться в зависимости от их значений; некоторые глаголы, в определенных значениях субъектные, в других являются объектными. В. В. Виноградов указывает на зыбкость границ между прямо-переходными, косвенно-переходными и непереходными значениями глаголов в русском языке (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 642; ср. также: V. Šmilauer. Novočeská skladba, стр. 196).

Кроме винительного, в позиции первого определяющего члена глагола в старославянском могут выступать беспредложные родительный, дательный, творительный, местный, именительный падежи.

Выбор каждого из этих падежей определяется преимущественно разными лексическими условиями контекста (разной лексикой управляющего глагола). Так, если при глаголе *бити* в качестве первого определяющего употребляется винительный (и начнётъ *бити клеврѣты свої*. Мат. XXIV, 49, Мар. 91₂₁), то при глаголе *ждати* — родительный падеж (*твоего жидетъ въхождениѣ* Син. евх. 87₂₅^в), при глаголе *помочти* — дательный падеж (да никтоже *възможетъ помочти вама* Супр. 2₁₈), при глаголе *власти* 'владеть' — творительный (*ишаши въласти нокоушаите сѧ* Супр. 88_{15—16}).

В других же случаях выбор падежа первого определяющего члена глагола диктуется не лексическими, а грамматическими условиями (грамматической формой определяемого члена словосочетания). Например, страдательная форма глагола в трехчленной страдательной конструкции требует употребления имени существительного, определяющего глагол, в форме именительного падежа (*Възведенкъ искъ лхомъ въ поустыни*. Мат. IV, 1, Мар. 7₂₇).

Два типа условий употребления падежей — лексические и грамматические — следует строго разграничивать.

На этом разграничении решительно настаивает И. С. Ильинская в специальной работе, посвященной вопросам управления. Она пишет: «... необходимо выделить управление, обусловленное характером грамматического оборота, в особую группу. ... Если мы сравним факты этого типа управления с фактами сильного, т. е. обусловленного значением управляющего слова, то увидим, что первые отличаются от последних отсутствием какой бы то ни было связи с семантикой управляющего слова. Так, творительный' предикативный, творительный действующего лица, дательный лица в безличных предложениях с инфинитивом..., дательный в безличных предложениях типа «мне хочется», дательный предикативный типа «быть должна», дательный самостоятельный, родительный предикативный («он казался нрава тихого») и некоторые другие и в какой мере не зависят от значения слова, которым управляются. Они являются необходимыми средствами для осуществления того или иного грамматического оборота, входя в него как один из элементов его структуры»¹².

¹² И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики, стр. 77—78.

1) Формы выражения первого определяющего члена переходных глаголов

§ 29. Среди форм выражения первого определяющего члена глагола в старославянском языке в наиболее широком диапазоне представлен винительный падеж. Винительный падеж — это падеж прямого объекта при переходных глаголах: такова наиболее типичная сфера употребления этой формы.

А. Мейе писал, что винительный падеж служит для определения звучания глагола. «Один и тот же индоевропейский глагол, — заметил он, — переводится различно, смотря по тому, есть ли у него дополнение в винительном падеже или нет...»¹³. Таким образом, винительный падеж объекта при глаголе обозначает нечто зависимое, служащее лишь для определения другого понятия.

Функционально к формам винительного объекта присоединяются формы родительного-винительного падежа¹⁴.

Некоторые примеры винительного прямого объекта: *създа храминж скойж на камене*. Марк. VII, 24, Мар. 20₂₉; *покелѣ моси кънигы распоустыниѧ написати* Марк. X, 4, Мар. 154₁₀; *і прѣломи хлѣбы*. Марк. VI, 41, Мар. 138₂₈; *і маздахж слемъмъ многы недѣжны*. Марк. V, 13, Мар. 136₂₋₃; *вложи прѣсты своя въ оуши его*. Марк. VII, 33, Мар. 143₁₉; *да ижденетъ вѣск из даштере-та*. Марк. VII, 26, Мар. 143₃; *і прѣтѣша вѣск странж тж.* Марк. VI, 55, Мар. 140₁.

В зависимости от того, с какими глаголами сочетается винительный прямого объекта и какова лексика имени существи-

¹³ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 348.

¹⁴ Употребление формы родительного падежа в функции винительного в старославянском наиболее свойственно названиям лиц — именам существительным мужского рода с родительным падежом на -а (в особенности именам собственным), а также местоимениям, именам прилагательным, причастиям. Нормализация этой особенности в эпоху существования старославянского языка не закончилась, о чем свидетельствуют многочисленные формы винительного падежа у имен со значением лиц и, наоборот, развитие родительного-винительного у неличных имен. Появляется форма родительного во множественном и двойственном числах, преимущественно от местоимений и имен прилагательных.

Проблема родительного-винительного в старославянском исследована А. Мейе, который с полным основанием полагал, что, с точки зрения синтаксической, это типичный винительный (A. Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif — accusatif en vieux slave, Paris, 1897, стр. 24).

Примеры родительного-винительного см. также в работах: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 205—208; К. Нога́лек. Evangelia a čtverogoevangelia, стр. 127—131. Этому вопросу посвящена также диссертация М. Г. Лепцинской «Родительный-винительный в именах существительных в русском литературном языке XII—XVII вв.» (М., 1949). Библиографию вопроса см. в кн.: Е. К. Тимченко. Функции генитива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913, стр. 248—268.

тельного в форме винительного падежа, некоторые исследователи отмечают разные оттенки в его значении. Например, В. А. Силукова находит следующие оттенки в значении винительного прямого объекта в русском языке:

1. Винительный объекта физического воздействия, при котором глагол называет конкретное физическое действие, а существительное в винительном падеже обозначает конкретный предмет. Винительный объекта физического воздействия в зависимости от лексического значения глагола в свою очередь может обозначать: а) предмет, который создается в результате физического воздействия; б) предмет, который в результате физического воздействия подвергается качественным изменениям; в) предмет, который подвергается перемещению в пространстве.

2. Винительный прямого объекта при глаголах с отвлеченным лексическим значением. В сочетании с этими глаголами могут выступать существительные с конкретным и отвлеченным значением. Винительный падеж при глаголах с отвлеченным значением может обозначать: а) объект чувственного восприятия; б) объект содержания действия; в) объект обладания; г) объект отношения; д) объект речевого воздействия; е) объект психического воздействия¹⁵.

Реальность существования этих оттенков не вызывает возражений (хотя их количество можно и увеличить, и свести к меньшему числу), но в то же время и не является существенной для нашего понимания падежной системы.

Действительно, эти оттенки ничего не меняют ни в чисто синтаксическом (дистрибуционном) плане употребления винительного, так как все они помещаются в пределах синтаксической функции первого объекта, ни в плане коммутативном, так как не ассоциируются с какими-либо другими падежами в тех же самых лексико-семантических условиях. Границы между намеченными группами нечетки, так как их установление не имеет надежной опоры в системе языка. А. Мейе справедливо отмечал: «Различение винительного „внутреннего объекта“ и винительного „внешнего объекта“ — искусственно; и в том и в другом случаях мы имеем дело с определением значения глагола, и нет возможности провести границу между этими двумя употреблениями...»¹⁶. Перечисление оттенков значения винительного (или перечисление семантических групп глаголов, которые им управляют) могло бы иметь смысл только для установления диапазона лексических вариантов конструкции с винительным

¹⁵ В. А. Силукова. Винительный падеж имен существительных в современном русском литературном языке. Канд. дисс. Л., 1954, стр. 48—49.

¹⁶ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 348—349.

как функциональной единицы, если бы перед исследователем стояла цель—вместить в пределы лингвистического труда все богатство словосочетаний с винительным в роли прямого объекта.

Цели, которые мы себе поставили, позволяют ограничиться более кратким определением условий употребления этого падежа в старославянском: винительный прямого объекта употребляется в сочетаниях с теми объектными глаголами, с которыми не сочетаются родительный, дательный, творительный и местный без предлогов (если не считать тех случаев, когда какой-либо из этих последних падежей чередуется с винительным при одном и том же глаголе в качестве его первого определяющего). Считаем возможным прибегнуть к такому определению потому, что условия употребления прочих падежей в качестве объектов при глаголах ниже раскрываются с большей конкретностью: круг глаголов, которые управляют каждым из падежей, кроме винительного, в старославянском узок. Последнее дает право утверждать, что винительный прямого объекта по сравнению с другими прилагательными падежами в этой же позиции отличается в старославянском максимальным объемом употребления.

Заслуживает специального упоминания употребление винительного прямого объекта при переходных глаголах движения: *і прѣтѣша вѣск странѣ тж.* Марк VI, 55, Мар. 140₁; *Прѣти... морѣ житиниское.* Син. евх. 84^в, и т. п.¹⁷

В отличие от исследователей, которые исключают винительный этого типа из числа форм объекта, мы убеждены в том, что винительный здесь связан с глаголом отношениями тесной связи, чему не мешает семантическая близость этой формы к винительному пространства при непереходных глаголах движения¹⁸.

Винительным падежом, как правило, не управляют возвратные глаголы. Их местоимение (возвратная морфема) мешает соединению глагола с аккузативным объектом¹⁹. В качестве очень редкого исключения встречаются только отдельные случаи. Например:

землѣ плодитъ сѧ... трѣкж. Марк IV, 28, Мар. 129₁₀₋₁₁; *пеклонж сѧ бѣгъ съмркти... бѣратнѣша сѧ.* Супр. 501₂²⁰.

¹⁷ Примеры этого типа приводятся также ниже, см. стр. 100—101.

¹⁸ Винительный при переходных глаголах движения квалифицируется как форму объекта также Я. Бауэр: «Беспредложный падеж сохраняется для выражения пространственных отношений там, где он становится объектом. Ср. чеш. *projel celou zemi* и т. п.» (J. Baueř. Bezpredložkový lokál ve staroslověnských evangelích. — «Slavia», 1950, roč. XX, seš. 1, str. 44).

¹⁹ Ср., например, K. Haasen v bl. Vývoj předmětového genitivu v češtině. Praha, 1958, стр. 189.

²⁰ Ср. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 205. А. Б. Правдин указал автору настоящей работы на редкий пример вини-

§ 30. Винительный прямого объекта является членом конструкции предложения, обладающей определенными трансформационными возможностями.

Одно и то же действие может быть представлено двумя языковыми способами, двумя конструкциями: действительной и страдательной. При изменении действительной конструкции предложения с переходным глаголом и винительным падежом прямого дополнения в трехчленную страдательную главные члены, выраженные формами имени существительного, с точки зрения функциональной, меняются местами. Результатом этого преобразования является такой тип предложения, в котором для выражения функции объекта служит именительный падеж, в то время как роль субъекта отводится творительному падежу или чередующейся с ним форме родительного с предлогом отъ. Например:

Блъкедѣнъ кѣ и съ дхомъ въ поѹгынж. Мат. IV, 1, Мар. 7₂₇; да преслакитъ са ймъ твои мної. Супр. 103₂₁; Е шесты же мѣсацъ посыданъ бысъ аиїеътъ гавърилъ отъ ба въ градъ гали-ленскъ. Лука I, 26, Мар. 192₁; и кръшглажъ са вѣси въ юрж-данецки рѣ(цѣ) отъ него. Марк I, 5, Мар. 116₁₂.

Преобразования, к которым способна конструкция с винительным прямого объекта, позволяют более глубоко понять его синтаксическую специфику; выясняется важность роли этого падежа как одного из опорных элементов в каркасе предложения с переходным глаголом.

Что касается именительного падежа, то и его синтаксическая природа раскрывается с новой стороны; обнаруживается свойство именительного в особых грамматических условиях выступать в функции объекта.

Считаем целесообразным подчеркнуть, что следует говорить об особых грамматических условиях употребления именительного падежа в функции объекта. Это специальные условия страдательной конструкции предложения, которая базируется на действительной в структурном плане.

§ 31. В особых грамматических условиях, выражающихся в наличии отрицания при глаголе, с глаголами, обычно управляемыми винительным, наблюдается родительный падеж.

Если именительный падеж объекта появляется при условии коренного преобразования конструкции предложения, то родительный объекта на месте обычного при данном глаголе винительного функционирует при неизменяемой структуре предложения (если не считать добавленного отрицания). Падежная тельного падежа при возвратном глаголе движения в древнерусском языке: Тъгъда же Мъстислав перебродася Днепръ, прѣиде въ вои на сторожи Татарьскыи. Новг. I л. 6732 г. (см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стлб. 897).

форма, наблюдаемая на месте винительного, остается в границах синтаксической функции первого определяющего члена глагола не только по смыслу, но и формально.

На употребление родительного вместо винительного влияет лишь то отрицание, которое относится к глаголу; если же отрицание относится к имени существительному, то глагол сохраняет свойственное ему управление винительным падежом. Ср.: *не моги дасъгъ камъ хлѣбъ сѧ нѣкѣс.* Ио. VI, 32, Мар. 338₂₀; *не моси ли дасъгъ камъ Законъ.* Ио. VII, 19, Мар. 343₂₆.

Наиболее показательны для специальной категории родительного при отрицании те примеры, в которых объект не является одушевленным предметом мужского рода в форме единственного числа (что исключает появление родительного под влиянием категории одушевленности), а также те примеры, где глагол не управляет родительным в силу своих лексических особенностей. Например: *сихъ ко сачъ члѣкъ не иматъ кѣде глаглы подъклонити.* Клоц. 6₂₄; *а ты гифка скоемоу ѣрагроу.* не можеші отглоустити. Клоц. 8⁹₃₆; *глѣмоу пѣгрѣ.* не сумышши *ногоу мою* *ко вѣка.* Ио. XIII, 8, Мар. 371₂₁, Савв. 82; *ты же не іспраклѣши мїра.* Клоц. 9₂₄.

О. Грюненталь находит замечательными следующие примеры родительного при отрицании: *сихъ же дашгера авраммѣхъ сѣшгж.* *іжже сказа сотона...* не достоѣше ли раздрѣшити *сѧ* Лука XIII, 16, Мар. 260₁₆₋₁₉, Ассем. 121₂₂, Савв. 42 (в Зогр. 112 раздрѣшити *сѧ*); *не творите домоу отъца моего дому кѹпльнааго* Ио II, 16, Мар. 320₂₄₋₂₅, Зогр. 139, Ассем. 11₁₃₋₁₆, Савв. 146. В первом из них винительный падеж, стоящий в начале предложения, после отделяемого относительного предложения возобновляется при отрицании в виде родительного; во втором двойной родительный стоит «при отрицаемом факультативном глаголе»²¹.

Прямой объект имеет форму родительного падежа даже там, где он зависит от инфинитива, а отрицание относится к личному глаголу. Например: *не имашъ кѣде сѣбрати...* *плодъ моихъ* Лука XII, 17, Мар. 254₆₋₇, Зогр. 109, Ассем. 119₁₆₋₁₈, Савв. 40—41.

Родительный объект находим и в тех условиях, когда глагол, сопровождаемый отрицанием, имеет форму повелительного или условного наклонения. Например:

єгда творили сѣдѧ ли кечерїж. не зоки дроугъ твоихъ. *ни братрия твоѧ.* *ни рожденїѣ твоего.* *ни сѣсѣдъ богатъ* Лука XIV, 12, Мар. 264₁₆₋₁₈; никомоуже бѣгъ члѣкъ да не творите *пакости* Супр. 37₁₂; *аште бы вѣдѣла г҃ихъ храмины.* *въ кы часъ татъ* при-

²¹ O. Grünenthal. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung, стр. 348.

дэгэл. баджал оуко бы и не дадж би поджопати **домоу** *своего* Лужа XII, 39, Мар. 256₁₈, Савв. 43²².

В старославянских памятниках наблюдаются спорадически примеры замещения родительного при отрицании винительным падежом (при этом в параллельных местах текстов иногда сохраняется родительный).

Из числа грамматических факторов, влияющих на употребление винительного при глаголах с отрицанием, исследователи придают известное значение грамматическому роду имени существительного: небольшое количество имен существительных женского рода при глаголах с отрицанием выступает в форме винительного падежа²³. Например: и **женж юності твоєї** да не оставиши Клоц. 2¹⁵; **не прѣлюбы съткориши** Марк XIX, 18, Мар. 67₂₂; **гѣ паѣ іу ҳѣ** не подражай, **злобж** хоулжныиҳъ жидовъ Супр. 481₂; **не йспоугти** во **слѣзж** немощнинжъ Супр. 96₁₀; **да не когда прѣглажнеши** о камен... **ногж** **своїж** Мат. IV, 6, Зогр. 1, Савв. 146 (в Мар. и Ассем. — **ногы твоєї**); **не поштади** отъ **съмрукті дшия** іхъ Сип. пс. LXXVII 103⁸.

Такие примеры толкуются как результат влияния одной особенности, сопутствующей замене винительного от названий одушевленных предметов на родительный: существительные женского рода этой замене не подвергаются, т. е. остаются в винительном падеже²⁴.

А. Мейе обратил внимание на сохранение винительного от безударных личных местоимений в отрицательных предложениях вследствие исчезновения родительного энклитик: **клюдѣгѣ та** брага. Да не пагы **съткоритъ ви.** Жко адама Син. евх. 97¹⁰; **не вѣдѣхъ та** Клоц. 2⁴.

Не заменяется на родительный **са** возвратных глаголов: **не оукој** **са** Син. пс. и т. п. (этот глагольный показатель, подчеркивает А. Мейе, существует в форме винительного даже при супине²⁵).

Однако нередки примеры замещения родительного при отрицании винительным вне зависимости от каких-либо грамматических или лексических особенностей контекста. Например:

Іскоусіша і прогнѣкаша ба вѣшніго. і **съвѣдѣніѣ** его не съхра-

²² В современном русском языке при переходном глаголе в форме повелительного или условного наклонения с отрицанием чаще употребляется винительный, чем родительный (см. Л. А. Дерибас. Прямое дополнение при переходном глаголе с отрицанием. — «Русский язык в школе», 1956, № 3, стр. 21—25).

²³ А. Meillet. Recherches..., стр. 155.

²⁴ См. Вл. Минков. Genitivus nөgationis. — «Известия на семинара по славянска филология при Университета в София», 1911, кн. III, стр. 397.

²⁵ А. Meillet. Recherches..., стр. 154—155.

ніша Син. пс. LXXVII, 104₁₄ (съкѣдѣнії Погодинская пс., Софийская пс., съкѣдѣнії Болонская пс., съкѣдѣнії Чудовская пс., съкѣдѣнії Бухарестская пс.; в греческом оригинале множественное число: τὰ παρτόρια αὐτοῦ οὐκ ἐφύλαξατο); Не покрываите сеѧѣ съкрошига. Мат. VI, 19, Мар. 16₁₆, Зогр. 6 (но съкрошишъ Асsem., Савв., Остр.); не дадите същности пытому, ни подлагайте вискры ваша проѣдъ скинитами. Мат. VII, 6, Савв. 11 (в Мар., Зогр., Асsem. вискры вашихъ); и никтоже ёмоу можаше бг҃акѣрати слово Мат. XXII, 46, Савв. 29 (но слокеси Асsem. 98₁₀, слокесе Мар. 82₉); никтоже скѣтлника вѣжегъ. Покрываєтъ и съждомъ Лука VIII, 16, Асsem. 110_{14—19} (но покрываєтъ его Мар. 228₆, покрываєтъ его Зогр. 97); не хотѣаше очи къзкесті на ико. Лука XVIII, 13, Асsem. 134₄ (но в Мар., Зогр., Савв. очи)²⁶.

Замена родительного на винительный при глаголе с отрицанием, естественно, не осуществляется в тех условиях, которые поддерживают употребление родительного, например при глаголах определенного лексического значения, преимущественно или всегда управляющих родительным (о родительном при этих глаголах см. ниже, стр. 67—71).

§ 32. Мы рассмотрели два разных типа особых грамматических условий, при которых с переходными глаголами сочетался не винительный падеж, а другие беспредложные падежи с функцией объекта. Появление этих форм объекта не сокращает сферу употребления винительного в функции объекта.

Диапазон конструкций винительного сокращается за счет падежей, употребление которых в функции объекта продиктовано лексико-семантическими особенностями контекста.

Остановимся на выражении функции объекта теми беспредложными падежами, которые не занимают монопольного положения при определенных лексико-семантических условиях словосочетания, но чередуются в этих условиях с винительным.

Отношения, возникающие при этом между чередующимися падежами, могут быть сведены к двум типам:

1) при сопоставлении конструкций с винительным и чередующимися с ним падежом между этими падежами обнаруживается разница в значениях; 2) эта разница не выявляется.

§ 33. Отношения первого типа складываются между винительным и родительным, характеризующимся семантическим значением количества (части) вещества, охваченного действием (родительным партитивным). Со стороны лексического состава

²⁶ Примеры колебаний в выборе родительного или винительного падежей при отрицании в текстах евангелий см. в кн. К. Горалка «Evangelia a ôtvergoevangelia» (стр. 132—133). К. Горалек считает, что по сравнению с другими рукописями евангелия более частым употреблением винительного отличается Саввина книга.

конструкций родительный партитивный отличается следующими особенностями. Имя существительное в родительном падеже обозначает предмет, который может быть представлен как делимое целое. Семантика глаголов отличается тем, что действия, обозначаемые ими, могут распространяться и на весь объект, и на часть его²⁷.

При сопоставлении конструкций родительного партитивного и конструкций винительного, имеющих тождественный лексический состав, и обнаруживается специфическое значение родительного партитивного. Как родительный, так и винительный падежи употребляются при следующих глаголах.

При глаголах с корнем **-b̥t-* — и бесприставочных, и приставочных:

Родительный падеж: *бесѣдѣннаго вісѣкра досѣтннъ вѣстѣ привати* Клод. 14^п₂₄₋₂₅; *кинограда* йже насади дѣшица бжїа... и того нынѣ юмлѣтъ вѣси... Супр. 134₂₇; *погода рабы своѧ къ дѣлателамъ юматъ вина* сксёго. Мат. XXI, Савв. 28.

Винительный падеж: бгъ того жде кандала вѣзъмъ масло Супр. 562₂₉.

При глаголе *дасти*:

Родительный падеж: они же даша ємоу... отъ вѣчелъ стѣкъ Лука XXIV, 42, Мар. 311₂₅.

Винительный падеж: I даши въ Ѳду моїхъ злкчъ Син. пс. LXVIII, 84₂; Милостікъ і штедръ гѣ. *Пирж* дала естѣ вѣшннімъ якъ его Син. пс. CX, 147₂₀; даєтъ намъ вращъю Син. евх. 17₁₅; *Даєши пирж.* Син. евх. 17₃₋₄.

При глаголе *дасти*:

Родительный падеж: Бѣ бно. вѣстѣ ванни ієви. въ домѣ єдиного кандала фарисѣска. въ сѣхъотъ хлѣба *дасти* Лука XIV, Савв. 46. Ср. Мар. 263₈.

Винительный падеж: I измѣніши славжъ его. Бѣ образъ чѣлвѣца Ѳджира сѣю Син. пс. CV 139₈; сѣдоста бка ѡасги хлѣбъ Супр. 524₁₉; *оутоговаємъ ти пасхъ* ѡасти Супр. 415₂₂.

27 Ср. следующее замечание М. Богдановой: «Чередование винительного и родительного падежей при вещественных именах зависит не от различий в представлении о веществе, а от того, относится ли глагольное действие к целому его объему, или захватывает только часть его. Следовательно, это зависит не от значения объекта, а от значения глагола. Глаголы *ем*, *пью*, *даю* и пр. отличаются от *бросаю*, *поднимая* и прочих, при которых невозможен партитивный генетив, потому что они могут обозначать и «часть, известное количество». Вещественные имена, где главное есть содержание — вещество, которое может быть разделено на бесчисленные части без изменения своей сущности, — делают возможной такую частичную объективацию» (см. М. Богданова. Прилаголияят родителен и винителен падеж в славянските езици. — «Известия на семинара по славянска филология при Университета в София», 1911, кн. III, стр. 381—382).

При глаголе пить:

Родительный падеж: і **никъгоже** пика **вѣтъха** (вина. — К. Х.) акии **хонитехъ** некоуомуу Лука V, 39, Мар. 21₄₂.

Винительный падеж: **Еда** **фѣлъ** **мѣса** **юнча.** Ли **крѣкъ** **козылж** піж Син. пс. XLIX, 63^в₁₂; даша **емоу** **оцѣтъ** пить Мат. XXVII, 34, Мар. 108₅.

При глаголе къдоунжти:

Родительный падеж: **къдоиж** **намъ** **дѣхъ** **стѣаго** **ткоиего** Супр. 22₄.

Винительный падеж: да **й** **къдоунетъ** **къ** **ны** **стѣй** **доуҳъ** Супр. 321₁₅. Можно допустить, что винительный прямого объекта параллельно родительному партитивному употреблялся и при некоторых других глаголах «частичной объективации», хотя в текстах при этих глаголах мы отметили только родительный. Например, при глаголе **какоусти:** **какоуси** **архигриклини** **вина...** Ио. II, 9, Мар. 320₂; **какоуси** **браньши** Супр. 168₇; **рабоу** ... **какоушши** **масъ** **нечистыхъ** Син. евх. 22₁₀; при глаголе **насѣсти:** **й** **каконахомъ** **ныбы** и **насѣхомъ** **сланоутъка** Супр. 41₂₄; при глаголах **насрѣпти:** **насрѣпаймъ** **са** **бѣко** **й** **мы** **сѣ** **ними** **сѣ** **горы** **й** **и** **несѣскааго** **богатѣства** Супр. 327₉; приде **жене** **отъ** **сама-**
рии **поурѣтъ** **воды** Ио. IV, 7, Мар. 326₁; при глаголе **промити:** **приде** **хѣ** **пролітъ** **крѣкъ** **своевъ** Клоц. 5^в₃₃₋₃₄; при глаголе **кълити:** **кълѣ(т)** **воды...** **канжигъ** Син. евх. 21₁₃.

Семантическая разница, существовавшая между родительным партитивным и винительным в тождественных лексических условиях в старославянском иногда, по-видимому, стиралась, и эти две формы переходили на положение дублетов. Об этом свидетельствует чередование родительного и винительного в параллельных местах текстов, например: **егда же приватъ оцѣта исъ** **рече.** **съвѣти** **са** Ио. XIX, 30, Мар. 395₁₆. В Зогр. 172 в соответствующем месте винительный падеж: **Егда же приватъ оцѣтъ...** Так же в Ассем. 210₂₃.

Приде же **и**. і **приватъ** **хлѣба** и **дастъ** **имъ** Ио. XXI, 13, Мар. 401₂₁. В Савв. 152 в соответствующем месте винительный: **приде же** **и**. **й** **приватъ** **хлѣбъ.** **й** **дастъ** **имъ.** Так же в Зогр. 174.

приватъ же **хлѣбъ** **и.** **и** **хвалж** **въздахъ** **подастъ** **ученикомъ** Ио. VI, 11, Мар. 336₁₂, Ассем. 43₈ (в Зогр. 145 — **хлѣбы**); **хлѣбъ** **и** **егоже** **дамъ** **азъ** Ио. VI, 51, Ассем. 26₂₃. В древнейших четвероевангелиях — винительный падеж: **иже** **азъ** **дамъ.** См. Мар. 340₁₀, Зогр. 147.

ученици **и** **его** **ашали** **вѣахъ** **къ** **градъ** **да** **браньши** **коупатъ** Ио. IV, 8, Мар. 326₂. В Остромировом евангелии в соответствующем месте винительный падеж: **ученици** **и** **его** **ашали** **вѣахъ** **къ** **градъ** **да** **браньши** **коупатъ**, 30₁₄.

В условиях, характерных для родительного партитивного, в старославянском нередко наблюдается родительный с предлогом *отъ*. Эта форма в синтаксическом плане занимает то же самое место, что и родительный партитивный (а следовательно, то же самое, что и винительный прямого объекта), и при этом, по-видимому, не отличается от родительного партитивного по семантике. С винительным же падежом «родительный + предлог *отъ*» находится в тех же самых отношениях, что и родительный партитивный, т. е. отличается от винительного семантикой частичности.

Примеры с глаголами, имеющими корень **-ьт-*: да *отъ га-жателъ* приметъ. *отъ плодъ* кинограда Марк XII, 2, Мар. 162₂₄; *и бѣтъ масла кандильнааго вѣзъмъ* Супр. 562₁₅; *не вѣзъмъшеу бѣтъ ишеница въ рѣку скою*. Супр. 264₄;

с глаголом *да-ти*:

дастъ сѧ ємоу отъ золѣта аракїска Син. ис. LXXI, 89^в₁₀; *отъ брашкна...* Да *дастъ* Син. евх., 103^в₂₅; *адиргѣ намъ отъ олѣя* нашего Мат. XXV, 8, Мар. 92₁₅; Савв. 78; *десатинъ даатѣ отъ матки и пигаикъ и всѣхъ земли* Лука XI, 42, Мар. 250₂₃₋₂₄;

с глаголами *вѣкоусти*, *дасти*:

да га-чайѣ вѣкоусатъ бѣтъ брашкна ємоу... Супр. 58₁₁; *іко и пас подъ трапезою єдатъ отъ кроушицъ дѣтеска* Марк VII, 28, Мар. 143₈, ср. Мат. XV, 27, Мар. 53₁₄, Савв. 51; *іадѣкшѣ оѣко бѣтъ вѣсего на по малоу зѣло* Супр. 274₆;

с глаголом *пить*:

касѣкъ пібан отъ воды сѧ вѣжаждетъ за паки Ио. IV, 13, Мар. 326₁₈; *юже не имамъ пить отъ плода лозынааго...* Марк XIV, 25, Мар. 174₈. Ср. Ио. XIII, Савв. 84.

Как считает Е. Курилович, семантическое различие между винительным и родительным партитивным опирается в славянских языках на более фундаментальное синтаксическое различие между приглагольным винительным и примененным родительным. Особый семантический оттенок, возникающий при употреблении родительного на месте винительного, вторичен по отношению к функциональному различию синтаксического класса (падеж приглагольный — падеж применной)²⁸.

В этой связи важно отметить, что смысловой параллелизм между родительным беспредложным и родительным с предлогом *отъ*, наблюдавшийся в примененном употреблении, находит свое отражение и в приглагольном употреблении этих форм с партитивным значением.

§ 34. Переайдем теперь к определению условий, в которых родительный и винительный в старославянском чередуются друг с другом без заметных различий в значениях.

28 J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 142.

Прежде чем описывать эти условия, отметим, что в одних наблюдается преимущественное употребление родительного, в других — винительного.

Конструкции с конкурирующими формами можно разбить на несколько групп в зависимости от лексических особенностей их элементов (в первую очередь глаголов).

При глаголах восприятия родительный употребляется чаще, чем винительный.

Например, при глаголе *видѣти* наблюдаем родительный в следующих случаях: *Бидѣхъ дѣламъ... и землѣ бгнсемъ супенденжъ къего плода праzdъна. и мокротыныа влагы* Супр. 128₂₁; *Бидите пакы въкържена невода.* Супр. 127₂₈; *каки диклѣахъ са видаштѣ джва болистикнѣвъкиша.* Супр. 18₁₆; *и сѣѣтасего видѣти...* Супр. 129₂₉; *кикди. и... кинограда скоего* Син. евх. 100₂.

При рассмотрении некоторых параллельных мест в текстах евангелий и псалтырей обнаруживаются разные формы объекта при этом глаголе: родительный и винительный падежи. Например, в Синайской пс. находим: *храни изъклобж. і виждъ праotъкъ XXVI 48¹⁴*. Такое же управление в Ногодинской и Болонской псалтыри, но в Софийской пс. 1337 г. *правдъ* (винительный падеж), в Бухарестской пс. 1346 г. *праotоу* (винительный падеж).

В главе X от Иоанна в Мар. 358₃ читаем: *видигъ влкка граджира и сѣгаклѣатъ окциа*, в то время как в параллельном тексте Ассеманиева и Остромирова евангелий — *влккъ граджиръ*.

В некоторых текстах употребление родительного падежа при глаголе *видѣти* явно уступает место винительному. Например, в Синайской пс. находим: *виждъ съмъреиye мое IX, 8¹⁰*; *Виждъ врагы мои* XXIV, 30₁; *Бидѣ въсѧ сны члкныа* XXXII, 40₄; *Видѣти сілж твоїж и славж твоїж* LXI, 75¹⁹₂₀, и другие примеры²⁹.

При глаголе *съмотрити* родительный падеж: *съмотрите кринъ селкычъ.* како *растѣнъ* Мат. VI, 28, Мар. 17₂₃, ср. Лука XII, 27, Мар. 255₈; *съмотрите кринъ* Лука XII, 24, Мар. 254₂₅; *съмотрѣаше вѣджштааго* Супр. 92₁₈; винительный падеж: *чрѣко съмотрити* Супр. 241₁₆; *съмотрѣкъ буко цѣсарадъ мѣсто то.* Супр. 193₁₈.

При глаголах зрительного восприятия функция объекта в старославянском выражалась не только беспредложными падежами, но и оборотами «*къ + дательный*» и «*на + винительный*»³⁰, например: *пакы къзгрicha къ стоящими. и здраштимъ к пемоу...* Супр. 154₁₉,

²⁹ Об употреблении родительного и винительного падежей при глаголе *видѣти* см. А. Meillet. Recherches..., стр. 157.

³⁰ Ср. аналогичное управление глаголов зрительного восприятия в древнерусском языке. См. А. В. Правдин. Из истории предложных сочетаний в русском языке (дательный падеж с предлогом *къ*). — «Ученые записки Тартуского ун-та», вып. 43, 1956, стр. 176—180.

ср. 34₂₀; не на благодѣти зѣра глаголъ. Супр. 71₉, ср. также Супр. 444₇, 141₁₃.

При глаголах слоушати, слышати, оуслышати, послоушати родитъльный падеж: слоушати слоесе моего и кѣрж ємла послаждышюму ла. іматъ жибога вѣчнаго. Но. V, 24, Мар. 332₂₃; Овциа моя гласа моего слоушаютъ. Но. X, 27, Мар. 359₁₀; слышати гжелен Син. евх. 88⁴; вѣси же оуслышаша гласа сего Супр. 71₂; жатемъ же бѣслышавше плача младенца. Супр. 43₂₁; і оученикъ да послоушаемъ Клоц. 5⁸₃₃; послоушай твоего ласкания Супр. 156₈.

Винительный падеж при тех же глаголах: се нынѧ слышими власкиниж ёго. Мат. XXVI, Савв. 105; итре оуслышати гласъ мои. Син. ис. V, 4₁₄; Оуслышати вѣздычаніе окованыхъ Син. ис. СІ, 131₅; иже сѧтъ отъ ка гаѣ вѣй послоушатъ Но. VIII, 47, Мар. 351₁₆³¹.

При глаголе банимати родительный падеж: да вѣдече... сущи твои винемажи гласа Син. евх. 79₁₉. Винительный падеж: твои страхъ... присно банимати... Син. евх. 79₂₄ (с этим глаголом употребляется и дательный падеж: не вѣнимай добродѣть. ни искотѣ вѣздаста ёго. Супр. 546₁₁₋₁₃).

При глаголах желания первый объект преимущественно выражается родительным падежом. Винительный в этих условиях — большая редкость. Например, при глаголах желати и желѣти родительный падеж: које юстество некесаныхъ брака желѣ. Супр. 237₇; Сгда иракъ благъ съ добродѣтиемъ вѣздастъ. Большиныхъ желалъ сугражъ вскии прииметъ. Супр. 252₄. Винительный падеж: юдинъ даръ желѣкъ иѣнкъ праходѣній. Супр. 88₂.

При глаголе хотѣти родительный падеж: чѣто ли ѿ хотѣмъ. скиѣдѣтель Мат. XXVI, Савв. 105; милости хотїж. а не жрѣти. Мат. IX, Савв. 16 (в Зогр. жрѣти — дат. п.); й иснавидаште дѣло вѣнѧ кѣгаѣмъ. икъ йиѣхъ большикъ хотѣтъ. Супр. 130₄. Винительный падеж при глаголах хотѣти, вѣхонѣти мы отмечали в Сипайской псалтыри: и постыдатъ ая. хотѣтиен мнѣ зѣло. Син. ис. XXXIX, 53⁶₆. отъ гѣ сугоры чакоу іспракиатъ ая. Гпѣть его вѣхонѣтъ зѣло. Син. ис. XXXVI 47¹¹₁₁; вѣсѣ елико вѣхонѣкъ сугори Син. ис. CXIII, 150₂.

При глаголе хотѣти и производных от него в значении прямого объекта употреблялся также дательный. Кроме уже отмеченного примера дательного и родительного в главе II от Мат. в Зогр. и Савв., приведем следующие примеры: никъгоже

³¹ А. Мейе заметил, что родительный употребляется с глаголом слоушати, с глаголом же слышати — чаще винительный. См. A. Meillet. Recherches..., стр. 157.

пикъ ветхъа акие ҳоштетъ **нокоуоумоу**. Лука V, 39, Мар. 214₂₂₋₂₃; вида чловѣчески добрая жены и даштери. тѣлъ похога Супр. 7₁₈₋₂₀³². Таким образом, глагол ҳотѣти имеет в старославянском тройное управление.

Что касается таких глаголов желания, как жаждати и жадати, то в конструкциях с ними мы обнаружили родительный падеж, не чередующийся с винительным, например: Блажени душчиши и жаждчиши **правды** Мат. V, 6, Мар. 10₉; приде господъ съ некесъ. жадаа **жизни чловѣчески**. Супр. 351₁₆.

При глаголах, обозначающих эмоции, мыслительные процессы, устное и письменное общение, чаще употребляется винительный, чем родительный. Исключение составляет лишь глагол **ненавидѣти**, при котором чаще встречается родительный. Это явление, однако, вызвано, по-видимому, влиянием отрицания. Вл. Минковъ объясняет колебания между родительным и винительным при глаголе **ненавидѣти** тем, что этот глагол по форме «отрицателен», а по значению «положителен»³³. Примеры с глаголом **ненавидѣти**:

Родительный падеж: **нена... даши**. і **добра Клоц.** 1₂₅; **всѣкъко дѣлами зла**. **ненавидитъ свѣта**. Ио. III, 20, Мар. 323₂₂; **ненавиждѫ такоого дара** Супр. 87₁₈; **люкаштей гѣ ненавидите зѣла**. Син. пс. XCVI, 127₁₃; **ненавидан дишъ своеа** Ио. XII, 25, Мар. 368₁₈.

Винительный падеж: **ненавидаштага миа**. Син. пс. XVII, 20^b₁₉; **миръ вѣзненавидѣ юа**. Ио. XVII, 14, Мар. 386₅³⁴.

С глаголом разоумѣти родительный падеж: **разоумѣвши своёго зѣла** Супр. 43₂₃; винительный: **Разоумѣ зѣванье мое** Син. пс. V, 4₉. С этим глаголом известен также дательный: **разоумѣте словоу** Савв. 24.

С глаголом чытти родительный: **чыти ѿца своего и матеря** Лука XVIII, Савв. 47; винительный падеж: **Чытжиши... стыниж** Син. евх. 27₂₂.

С глаголом прѣвидѣти родительный падеж: **прѣвидѣвъ страхъ твою**. Супр. 41₂₇; винительный: **прѣвидѣвша имѧ ємоу**. Супр. 40₁₄.

При глаголах решти и глаголах отмечен родительный падеж от слова **исалмостъ** (при винительном падеже от других имен существительных). Например: **и нынѧ того рѣцѣша **Фалмоса**** Супр. 73₁₄; **и ведоми къ пакостникамъ **сего Фалма**** глаголадж. Супр. 73₁₆, см. также 73₁₀. При глаголе **писати** — родительный

³² Примеры дательного падежа с глаголом ҳотѣти и производными от него см. также в работе А. Б. Правдина «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках» (стр. 72).

³³ Вл. Минковъ. Genitivus negationis, стр. 397.

³⁴ Примеры винительного при глаголе **ненавидѣти** см. также в книге: А. Meillet. Recherches..., стр. 155.

оть слова титло: написа же и титла пилатъ Ио. XIX, 19, Мар. 394₇ (но в Зогр. и Асsem. **ТИТЛЪ**)³⁵.

Родительный и винительный чередуются без различий в значениях также при глаголах посѣтити, побѣдити. Например, при глаголе посѣтити родительный падеж: посѣті **въсѣхъ языковъ**. Син. ис. LVIII, 72₁₁; посѣти **братья наша**. Син. евх. 26₂₁; Да здрѣ **красоты гна**. и посѣши глаш цркви **святыхъ** его Син. ис. XXVI, 5,31₁₀; посѣти **кинографа** **своего** Син. ис. LXXIX, 16, 108₁₆. В Чудовской ис. в соответствующем месте винительный: **кинографъ съ**.

При глаголе побѣдити родительный падеж: побѣдимъ **твоего** **злобъзиннаго** **права** Супр. 69₂₉; азъ побѣдихъ **мира** Ио. XVI, 33, Мар. 384₁₄ (в Зогр., Асsem. — также родительный: **въсего** **мира**, в Никольском ев. — винительный: **весь миръ**, в Савв. — винительный: **миръ**). Ср. пример винительного падежа из Син. евх.: побѣдилъ **еси ... сиаж вражнижъ**. Син. евх., 29₂₄.

Отмечено употребление родительного падежа при глаголах **сакралити**, **сакроригти**, **сакрести**: **сакроригь драгаго камене**. Сип. евх. 21₃; **сакроришааго иша** і землї Син. ис. CXХ, 2, 168₁₃; **сакрореи** **и(е)ва** і землї. Син. ис. CXXXIII, 3, 174₂₀; да **ходына** **сев** **нашем** **жизни** въ **покой** **сакрописише**. конецъ бѣ **страха** **получити**. Супр. 67₂₉; не на **воздухъ** **казирашъ** и къ **сакроришауому** **въздоухъ** Супр. 140₄; иже **сакрить**. **единого многоцѣннага** **бисъка** Мат. XIII, 46, Асsem. 245₁₆ (**единъ** **многоцѣннъ** **бисъръ**. Мар. 47₂, Зогр. 19; **многоцѣнны** **бисъръ** Савв. 126). Винительный с этими глаголами: **сакрши** **емоу** **животъ** Син. евх., 95₂₀ и т. п. (более обычное управление).

Считаем необходимым остановиться особо на случаях конкуренции родительного с винительным при глаголах **иаги**, **имати**, **имѣти**, **казати**, **дати**, **принести**. Эти случаи стоят в стороне от примеров родительного партитивного; имя существительное здесь не имеет значения вещества.

Примеры родительного падежа при глаголах **иаги**, **принести**: і единъ юноша етеръ по немъ идѣ... і **иага** и **юноша**. Марк XIV, 51, Мар. 176₁₉; **бѣгъ** **съмирѣтъ** **вѣза** Супр. 66₁₄; доблѣщетъ буко аже **принагъ** **мжки**. Супр. 113₂; и **гл** **имъ** **принамѣте** **ахъ** **ста**. Ио. XX, 22. Мар. 398—399 (**ахъ** **сватъ** Асsem., Зогр., Пик.); аште не **имагъ** **принести** ... **домовъ** и **братья** и **сестры**.

35 Формы винительного падежа от слов заимствованного происхождения **исламъ** и **титло** А. Мейе рассматривает как особые случаи родительного-винительного падежа. «Встречается употребление родительного-винительного, поистине противоположное правилу», — пишет он об этих случаях (A. Meillet. Recherches..., стр. 30).

1 отца и матери и чадъ и селъ Марк X, 30, Мар. 156₂₇ (в Зогр. 65 — домы, братрыж, сестры . . . и чада, и села); тайник приведшагоу сицѣхъ. Супр. 381₄.

Винительный падеж от имен существительных указанного типа при перечисленных глаголах встречается чаще. Некоторые примеры: емъ и за ржкж Син. евх., 96₃; емъше рабы его. Догадиша имъ. Син. евх. 106₂₃; мъздж привѣши. Син. евх. 89₆.

С личными формами глагола имѣти употребляется родительный падеж от имен существительных отвлеченного значения. Впрочем, в параллельных местах часто наблюдается винительный. Ср., например, чередование при этом глаголе родительного и винительного от имени существительного живота: азъ приуда живота имѣти Ио. X, 10, Мар. 357₂₅, Зогр. 155 (винительный падеж в этом месте — в Асsem., Остр., Ник., Савв.); иматъ живота вѣчнаго. Ио. III, 15, Мар. 323₈ (животъ вѣчныи Асsem., Савв., Ник.); слоушаю слоуге моего . . . иматъ живота вѣчнаго. Ио. V, 24, Мар. 332₂₅, Зогр. 143 (животъ вѣчныи Асsem., Ник.); тѣоже ко отцу живота иматъ ка тѣкѣ. тако дасть и сюки живота имѣти ка тѣкѣ. Ио. V, 26, Мар. 333_{5, 6} (в Зогр., Асsem. животъ); каскѣвъ видан сна и вѣроути ка него. иматъ живота вѣчнаго. Ио. VI, 40, Мар. 339₁₂ (животъ вѣчныи Остр., Асsem., Ник.); и да вѣроятште живота вѣчнаго имате. Ио. XX, 31, Мар. 400₁, Зогр. 173 (в Асsem. животъ вѣчныи); и не хощете пріти ка мнѣ да живота имате. Ио. V, 40, Асsem. 19₁₉ (в Мар. и Зогр. да животъ имате); ёдь мої похоти . . . иматъ живота вѣчнаго. Ио. VI, 54, Мар. 340₁₈, Зогр. 147 (в Асsem. 27₁₉ иматъ животъ вѣчныи)³⁶.

С этим же глаголом употребляются и родительный, и винительный также от других имен существительных отвлеченного значения: приношу бѣма имы своего пространства к богоу . . . Супр. 141₂₇; да въ манѣ мира имате. Ио. XVI, 33, Мар. 384₁₂ (в Зогр., Асsem., Савв. — миръ); діре любъие имате между сокожи Ио. XIII, Савв. 89; велика чѣсти имѣдхъ бѣзъ цѣсафа. Супр. 85₂; ходан по манѣ не иматъ ходити въ грамѣ. ны иматъ свѣта животнаго. Ио VIII, 12, Мар. 348₁, Зогр. 151 (в Савв. 8 имѣти иматъ свѣтъ жизни; в Асsem. иматъ свѣтъ вѣчныи 33_{11—13}).

А. Мейе специально касается одного примера из Мариинского евангелия, где, по его мнению, первоначально при глаголе имѣти был родительный от слова тѣкѣ: донѣдѣже тѣкѣ имате. вѣроути въ свѣта. Ио. XII, 36, Мар. 369₁₉ (въ свѣтъ

³⁶ В употреблении падежной формы от слова животъ при глаголе имѣти четвероевангелия заметно отличаются от апракосов (см. об этом: O. Grünenthal. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung, стр. 345; K. Horálek. Evangeliaře a čtveroevangelia, стр. 132).

Остр., Зогр., Асsem., Савв.). А. Мейе усматривает в этом примере случайный перенос родительного склонения от глагола имѣти к глаголу кѣровати³⁷.

Чередование родительного и винительного наблюдается при глаголе дати: **хлѣбъ** бо бжии естъ съходан сибес. и даши **живота** миropy. Ио. VI, 33, Мар. 338_{22–23}, Зогр. 146 (в Асsem. 25₁₈ даши **живо^т** къемоу миropy); дастъ имъ **живота** кѣчнадаго. Ио. XVII, 2, Мар. 384₂₀, Зогр. 168 (в Асsem. жівотъ кѣчнай 195_{11–12}, ср. Савв. 98); како не обрѣтж сѧ къзкращаше сѧ дати **славы** боу. Лука XVII, 18, Мар. 277₄, Савв. 46₁ (в Зогр. и Ник. — **славѣ**). При глаголе принести: По темъ гла томѣ. принеси прѣста тко(е)го скло. Ио. XX, 27, Мар. 399₁₆ (в других кодексах — **прѣстъ ткои**)³⁸.

Некоторые случаи родительного при глаголах, управлявших обычно винительным, по объяснению А. Мейе, являются следствием персонификации названий неодушевленных предметов или отвлеченных понятий и вызваны смысловым влиянием возникавшей в старославянском языке категории одушевленности. Например: **прозакоста плода благовѣрнаго**. й нарекоша имъ юмоу кононъ. Супр. 24₂₅; **сего хлѣба** мария роди. Супр. 396₃; **кастанетъ** бо **языкъ** на **языка**. Лука XXI, 10, Зогр. 126 (ср. Марк XIII, 8) (в Мар. здесь винительный падеж); **тако лѣстиши народа**. Супр. 155₇; **молитвж** съткорж за кы. и за **всего рода** крѣстианъска. Супр. 17₂; **аъзъ же** **вашего скворца** молж Супр. 67₁₁; **приобрѣсти** **всего мира** Марк VIII, 36, Асsem. 152₉ (в Савв., Мар., Зогр. — **весь миръ**). См. и другие примеры, приведенные А. Мейе³⁹.

§ 35. Что касается дательного беспредложного, то он конкурирует с винительным прямого объекта несравненно реже, чем родительный. Выше мы констатировали тройное (трехстороннее) управление глаголов **хочѣти**, **разумѣти** и **банимати**, с которыми, кроме винительного и родительного, известен также и дательный. Добавим к этому, что при глаголе **вѣдѣти** можно встретить в роли объекта не только винительный, но и дательный падеж. Ср.: **съмертъ ... чска рода корень** вѣдѣи. Клоц. 10₃₄, но: **не дажди** юмоу вѣдѣти **пакти**. Син. евх. 42₃.

³⁷ А. Meillet. Recherches..., стр. 25—26.

³⁸ А. Мейе объясняет употребление родительного в последнем примере ошибкой писца, возникшей под влиянием одного из предыдущих стихов, где находим родительный при отрицании от слова **прѣста**: **ни вѣлож(ж)** **прѣста** **моего** Ио. XX, 25, Мар. 399₁₀. (А. Meillet. Recherches..., стр. 25).

³⁹ Там же, стр. 27—30.

2) Формы выражения определяющего члена прочих объектных глаголов

§ 36. Кроме описанных беспредложных падежей, употреблявшихся в качестве форм объекта при переходных глаголах, известны другие падежи, сочетавшиеся в качестве объекта с прочими объектными глаголами.

Глаголы, о которых идет речь, отличаются от переходных способностью чаще, чем последние, выступать свободными от каких-либо форм объекта, т. е. в виде субъектных; среди них нередко встречаются возвратные глаголы. Однако в тех сочетаниях, где они соединяются с определяющим членом, выраженным падежной формой имени существительного, эти глаголы следует расцелывать только как объектные.

Если прямой объект переходного глагола является его первым определяющим членом, за которым может следовать цепочка других падежей, связанных с глаголом отношениями тесной связи, то падежная форма при объектном глаголе рассматриваемого типа служит в подавляющем большинстве случаев его единственным определяющим членом.

Все же, несмотря на все отличия от винительного при переходных глаголах, управляемые падежи при прочих объектных глаголах имеют с ним важный общий признак: единство позиции по отношению к глаголу. И тот, и другие занимают позицию первого определяющего члена глагола — управляемой формы, имеющей чисто синтаксический тип функционирования.

«Нужно лишь обратиться к indoевропейскому синтаксису, — заметил Е. Курилович, — чтобы убедиться, что ... падежи, также, как инструментальный, ablativ и локатив, становятся после определенных глаголов grammatischen падежами. Если славянские глаголы со значениями «трясти», «размахивать» требуют творительного, но не винительного, в этом присутствует явление управления, которое лишает окончания их семантического содержания и отождествляет их, с точки зрения значимости, с окончанием винительного прямого дополнения»⁴⁰.

В старославянском языке в качестве первого определяющего члена словосочетаний с объектными глаголами (кроме переходных) употреблялись родительный, дательный, творительный и мостный падежи без предлогов. В этой синтаксической позиции известны также случаи предложно-падежных форм.

Употребление падежей в сочетании с объектными глаголами (кроме переходных) наблюдается в специальных условиях, создаваемых лексическими значениями глаголов. Ниже эти условия определяются.

⁴⁰ J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 138.

§ 37. С известным кругом глаголов первый объект в старославянском выражался только родительным падежом. Таковы глаголы со значением ожидания, просьбы, требования.

Например: и вѣща мѫде жидающіе захарія Лука I, 21, Мар. 191₁₄; твоего жидетъ вѣдохъдениї. Син. евх. 87^в₂₅; бжидающими прихода твоіго. Супр. 143₂₅; и тѣ чѣмъ церствиѣ вѣжіѣ. Марк XV, 43, Мар. 182₂₆; жкааше мнозасѣко... чахіющіхъ движениї кѹдѣ Ио. V, 3, Мар. 330₁₇; чамъ оутѣхы издривы Лука II, 25, Мар. 199₁; глан о сектѣ славки своеї иштегъ. Ио. VII, 18, Мар. 343₂₂; почго иштему градъ стояшииѣ. на тѣлѣхъ. Супр. 84₁₀; Тѣ же вѣсѹе искаша душа мѹсїа Син. ис. LXII, 76₁₇; и иже мре вѣзнишгетъ душа своеї. и спсти погоукити іж... Лука XVII, 33, Мар. 278₁₂; вѣзникати прѣлааго отечества. Син. евх. 66^в₆; вѣзникати имица завѣта Син. евх. 75₅; вѣзникати душа мѹсїа Син. евх. 77^в₇; проши тѣла иска Мат. XVII, 58, Мар. 110₁₉; преслѣдааго цѣлакиє отъ чеке Син. евх. 39₁₀; чесо проиш. она же рече главы ивана крестителѣ Марк VI, 24, Мар. 137₈; и вѣсего егоже вѣзнишите въ момитѣ вѣроуїхїе приниамете. Мат. XXI, 22, Мар. 75₂₂; и тѣкоуїшата ищленіиѣ цѣлакиє. Лука IX, 11, Мар. 234₁₆; о... тѣкоуїшахъ... помоини. Син. евх. 61₂₁.

Сильноуправляемый родительный без предлога наблюдается при некоторых глаголах, обозначающих внешние проявления душевных переживаний. К числу этих глаголов припадлежат плакати, чренетати, которые хорошо известны и без форм управления (т. е. как субъектные). Например: и се бѣдѣкаше сѣгеша сѧ, плакыште стааго. Супр. 52₂; рѣкыти же опедаше отъ неих плакалахъ мрѣжа. Лука V, 2, Мар. 210₁₃; и не отъменитъ сѧ скатало доухъ. ил чренетати юго крѣости. Супр. 115₁₈; тварь... чренетати твѣ. Син. евх. 1₂₋₃.

Есть основания квалифицировать как надеж первого объекта родительный при некоторых переосмысленных глаголах, омонимичных глаголам движения. Но лексическому значению все они близки глаголу изѣжати. Например: дахи емоу... вѣгати, всѣкою зѣловы. Син. евх. 84^в₁₆; вѣгай сласти. Супр. 354₁₃; гаїками саскесы бѣжати имаши лѣсти. Супр. 49₁₇; отъдергивъ зѣла Син. евх. 70₂₂.

В своем прямом, конкретном значении глаголы, служащие опорным элементом перечисленных конструкций, выступают как субъектные. Родительный падеж, образованный чаще всего от имен существительных конкретного значения, выполняет при них авербиональную функцию, выражая значение исходного пункта (см. об этом ниже, стр. 101—102).

Наконец, родительный беспредложный употребляется в старославянском языке в качестве обязательного определяющего члена ряда возвратных глаголов. Как отмечает А. Б. Правдин, для некоторых возвратных глаголов управление беспредложным родительным является исключительно характерным в отличие от соответствующих невозвратных глаголов, управляющих родительным с предлогом⁴¹.

При возвратных глаголах, управляющих родительным беспредложным, в качестве параллельных управляемых форм выступают родительный с предлогом отъ, творительный беспредложный или обе эти формы, чередующиеся с родительным. На это мы специально указываем в каждом отмеченном случае чередования.

Возвратные глаголы, сочетающиеся с родительным беспредложным, ниже представлены рядом групп, выделенных в зависимости от лексических значений глаголов.

Родительный при глаголах, обозначающих отказ, отделение: **всего того**. отрица́л са .и́хъ же не поманя. Син. евх. 68^в; иже не отречетъ са **всего своего ильчни**. не может мои бытии оученикъ. Лука XIV, 33, Мар. 267₁; открайши са **пти**. Клоц. 10₃₅₋₃₆; прѣжде даже кокотъ не взгладицъ. три крағы. отъвражеши са **мене**. Мат. XXVI, 75, Мар. 104₂₆, Савв. 88; букиштага ѿтъвражеши са **христосова имене**. Супр. 46₂₀; онъ отглажчи са. И братрия. Син. евх. 91₁₆; не бтължчи са **лика**. Супр. 96₁₄ (с этим глаголом отмечен также родительный с предлогом отъ: отглажчи са **отъ ждокъ** его. Син. евх. 55₂₅; бтължчикъ са **отъ насъ** дкы вода разливъ са. Супр. 77₁);

і отъмѣтали са **васъ мене** са отъмѣтали. Лука X, 16, Мар. 242₅; отъметаши ... са **родителъ**. Син. евх. 89^в₂₄; отъметаши са ... **жены**. Син. евх. 89^в₂₅; да изърѣжеши(с) **сана**. Син. евх. 102^в₁₄; послушали буко мене. й бстани са **въсокания своєго**. Супр. 115₂; бстани са **владний тѣхъ**. Супр. 156₂₆ (с этим глаголом также родительный с предлогом отъ: бстани ѿтъ сихъ. Супр. 28₄; бстани са буко поне наинѣ бтъ **боуести**. Супр. 49₁₇). показа́ть са **свои хъ** грѣхъ. Син. евх. 38^в₁₋₂ (родительный с предлогом отъ: показай са **отъ зълоби сеѧ**. Супр. 363₁₀).

Родительный падеж при страдательном причастии от глагола прѣменити са: видѣхъ й море мрѣтъ. водѣ прѣменилъ **свойя кешти**. Супр. 128₂₄ (родительный с предлогом отъ при формах от этого глагола: і са юдој прѣменила са **отъ дѣвала** къ хоу. Клоц. 11^в₃₇; не прѣменила са **бть ежим надежда**. Супр. 105₅).

⁴¹ А. Б. Правдин. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. — КСИС, № 25, 1958, стр. 43.

своего цѣленія съвратиша сѧ. Супр. 333₂₉; съклъкши сѧ. вѣтъхъаго чка. Син. евх. 94₂₁; не злалго сърада твоего ловыза-ния бѣрашга сѧ. Супр. 426₁₀; съмрѣти не бѣлонимъ сѧ. Супр. 91₁₇, (с этим глаголом отмечен также родительный с предлогом отъ: ни суклони сѧ гнѣкомъ отъ раба твоего. Син. евх. 77—78).

Родительный при глаголах, обозначающих получение, восприятие: ничто же суйметъ сѧ вѣсъ. Мат. XVII, 20, Савв. 23 (в Мар. ничтоже не възможно вѣдеть камъ 60₂₋₃). (Беспредложный родительный при глаголах этой семантики почти полностью вытеснен формой с предлогом отъ, например: придѣтъ же дание егда же отгиметъ сѧ отъ иихъ женихъ. Мат. IX, 15, Мар. 26₂₇).

Родительный при глаголах, обозначающих избавление, лишение: всѧ си сахранихъ отъ юности моѣѧ. чесого єїре лишъ сѧ. Мат. XIX, Савв. 27; страстий скойхъ бмыкати сѧ. Супр. 333₂₈; не бесѣниѧ жизни погрѣши сѧ. Супр. 93₁₃. При некоторых других глаголах избавления, лишения употребляется родительный с предлогом отъ, например: изваки сѧ бѣкъ сѣти ловызтихъ. Супр. 80₅; ищиши сѧ отъ проказы Мат. VII, 3, Мар. 21₂₃; цѣлити сѧ ... отъ недѣлъ своихъ. Лука V, 15, Мар. 21₃; азъ же власъ ... бѣразнивъ сѧ бѣкъ дѣла. Супр. 144₂₄.

Родительный при глаголах, обозначающих сокрытие, утаивание: нестъ іже сукриметъ сѧ тонасты его. Син. пс. XVIII, 7, 22₉ (родительный с предлогом отъ при этом глаголе: Оукримъ сѧ бимъ оубо отъ него. Син. пс. LIV, 13, 68₁₀; ишиѣ же сукримъ сѧ отъ очищ твою Лука XIX, 42, Мар. 287₁₈); бутайти сѧ хомитж синахъ небесъскійхъ. Супр. 247₂₅ (родительный с предлогом отъ при этом глаголе: бутай сѧ бѣкъ старца. Супр. 283₁₇; отъ тебе не сутайга сѧ. Син. евх. 76₂₄); клюдѣте сѧ врага. Син. евх. 97⁸₈₋₉ (с этим глаголом также родительный с предлогом отъ: клюдѣте сѧ отъ кѣнижъникъ. хосташтихъ въ одѣяніихъ ходити. Марк XII, 38, Мар. 166₂₂; ср. предложное управление глагола хранити сѧ: хранигте же сѧ отъ кваса фарисенка и гадукиска. Мат. XVI, 2, Мар. 55₂₅).

Родительный при глаголах, обозначающих страх, отчаяние: печати лі сѧ конгъ. Клоц. 12₁₈; боите сѧ ... мѣдростей земльныхъ. Син. евх. 45₂₁ (с этим глаголом родительный с предлогом отъ: не кой сѧ бѣкъ мѣкъ азъ єсъмъ съ тобою! Супр. 16₇); і ба іава оубоятъ сѧ. Клоц. 4₁₃; оубои сѧ имени гиѣ. Син. евх. 45⁸₁₆ (с этим глаголом родительный с предлогом отъ: Не суконъ сѧ отъ тѣмы людеі. Син. пс. 3₉). Ср. также колебания между родительным беспредложным и родительным с предлогом отъ при этом глаголе в древнейших евангелиях: не суконте сѧ

ОБИНАЖИХЪ тѣло Мат. X, 28, Мар. 32₉, Зогр. 12 — не оуконте са отъ **бикажирихъ** тѣло Асsem. 249_{19—20}, также в Остр.; не оуконте са отъ **бунажишихъ** тѣло ... оуконте са имїцааго класти Лука XII, 4, 5, Мар. 252_{18—22}, Зогр. 108, Асsem. 250_{22—27} (в Савв. это место отсутствует)⁴². **БУГРАНИИХЪ** са землиныя лжкы й мѣсти. Супр. 148₂₈ (родительный с предлогом **оѓа**): **От** гласа грома твоего **бугранитъ** са. Син. ис. СПИ, 7, 133₁₆). С глаголом **бужасати** са также чередуются беспредложное и предложное управление: **Боже** сотника **бужасе** са. Син. евх. 51₄, но: **жившагий** ко вѣ никѣстѣмъ градѣ. **бужасаніе** са отъ **бикнааго** крича й вѣпѣ. Супр. 108₂₉.

буже ко вѣкѣж бгчадамъ **своего** живота. Супр. 152₁₃ (предложное управление этого глагола: **отъ** **бикниихъ** врачиѣ **бужчайакши** са. Супр. 559₁₁).

Возвратные глаголы, обозначающие стыд, печаль, пренебрежение, управляли в старославянском как родительным, так и творительным беспредложным: **оѓа** **образа**. Син. евх. 54^в₁₉; **оѓа** **мене**. й **моихъ** словеск. Марк VII, Савв. 64 (с творительным падежом: **не** **тгѣди** са **бѣкоркими** **благими**. Супр. 436₁₈); **ба** **не** **коѣ** са **чакъ** **не** **сралама** са. Лука XVIII, Савв. 49; **оѓа** **сралама** **и** **сна** **моего**. Мат. XXI, 37, Мар. 77₁₂; **оѓа** **сралама** са **сѣдинъ** **свойхъ**. Супр. 227₈ (но: **не** **сралама** са **плактиными** **свойми** **строющи**. Супр. 503₁₃). Рахимъ плакажиши са **чилдъ** **своихъ**. Мат. II, 18, Асsem. 271_{13—14}, Савв. 139; тѣхъ **наче** **плакати** са **творашинихъ** **зло**. Клоц. 3^в₉ (ср. 3^в₂₈); **плача** са **джесточания** **срѣблца** **йчъ**. Супр. 333₁₃ (пример с творительным падежом мы отметили в Нош. Mich.: **да** **накынѣма** **негѣкати** **се** **на** **враждѣнїи** **наше**. **и** **наче** **да** **милѹщемъ** **и** **да** **плачемъ** **се** **и** **рыдаемъ** **сими**; см. Glagolita Clozuv, vydal Václav Vondrák. V Praze, 1893, стр. 53); **величаниемъ** **гноушаатъ** са. Супр. 545₁₂; **Всего** **врашна** **къзжша** са. Син. ис. CVI, 141^в₂₄ (прим. изд.: **г(н)жшилъ** са) (но с творительным падежом: **И** **не** **казижшиши** са **мною** **г҃вшаниемъ**. Син. евх. 79₆).

При возвратных глаголах с семантикой наполнения, насыщения родительный беспредложный чередуется с предложно-

⁴² К. Горалек велед за В. Вондраком объясняет употребление здесь предлога **отъ** влиянием предлога **ἀπό** греческого оригинала (ср. **καὶ μὴ φοβεῖσθε** (**φοβηθῆτε**) **ἀπὸ τῶν ἀποκτενύντων** **τὸ σῶμα** ...). Предлог **отъ**, по мнению этих исследователей, отсутствовал в древнейшем переводе и внесен при последующей переноске (см. K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 140—141).

падежной формой, заключающей родительный и предлог отг., а также с творительным беспредложным.

Родительный беспредложный: *И нападнітъ якъ славы его какъ землѣ.* Син. пс. LXXI, 19, 90₁₂; *ислани же золѣ душа моя.* Син. пс. LXXXVII, 4, 115^в₂₁; *видѣхъ якъ наоула ислани са радости.* Супр. 4₂₉; и тако къзможемъ са државенемъ насладитъ са прѣдѣстовиши трапезы. Клоц. 9^в₁₄₋₁₅; *наслаждаетъ са ... благихъ.* Син. евх. 91₂₂; *И полѣ твоѣ наслытия якъ тоука.* Син. пс. LXIV, 78₁₇; *и пиша народи. и наслытиша са воръ.* Супр. 568₂₀.

Родительный с предлогом отг.: *Храмина же испахи са отъ воня хризантины.* Ио. XII, 3; Мар. 366₁₁; *Оупицѣ са отъ обілївъ домоу твоего.* Син. пс. XXXV, 9, 45^в; и жедание насытити са отъ кроутицъ. *наслаждитъ са отъ трапезы бояттаго.* Лука XVI, 21; Мар. 273₈.

Творительный беспредложный: *ислани са дѣлъ стѣмъ смишаетъ.* Лука I, 41; Мар. 193₁₁; *Зогр. 82, Ассем. 290₁₂, Савв. 118;* *а бѣнъ вина не вкоуинкаше. занестили бѣнъ винаша са зыкаль.* Супр. 398₂₆; *мастки... всѣ чкаре напакетъ са.* Син. евх. 2₂₄.

Родительный при возвратных глаголах с семантикой начала действия, касания: *илю са пѣти вѣджиштааго въ мирѣ.* Супр. 527₂₂; *тчайѣ кое са юго прѣбѣдній.* Супр. 561₂₈; *прикоснѣ са ризы его.* Мат. IX, 21; Мар. 27₂₄; *и прикасаѣтъ ко са лине.* Супр. 165₁₄.

Родительный при глаголах касания, особенно имеющих приставку при-, в старославянском большая редкость. Более обычен в этих условиях местный падеж без предлога, например: *и прикоснѣ са рѣцѣ сѧ.* Мат. VIII, 15; Мар. 23₇. По подсчетам Я. Бауэра, беспредложный местный с глаголами прикоснѣти са и прикасати са в Мар., Зогр., Ассем. и Савв. встречается 57 раз в 22 местах, в то время как родительный беспредложный всего в двух местах⁴³.

Кроме того, наблюдается управление дательным беспредложным, например: *касадише са жѣромъимъ бѣемъ.* Супр. 476₁₇, а также дательным с предлогом къ: *прикоснѣть са къ нѣмоу.* Супр. 18₂₂.

§ 38. Сведения об употреблении в старославянском языке дательного падежа как первого определяющего члена глагола содержатся в работе А. Б. Правдина «Дательный прилагольный в старославянском и древнерусском языках»⁴⁴. Дательный

⁴³ J. Vaueg. Bezprѣdložkový lokál ve staroslověnských evangeliích, str. 46.

⁴⁴ «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956, стр. 3—10.

падеж в рассматриваемой позиции А. Б. Правдин квалифицирует как форму, которая является косвенным объектом полезного или вредного действия (дательный пользы и вреда), а также объектом психического движения. Глаголы, требующие дательного, автор исследования определяет как непереходные на том основании, что эти глаголы неспособны иметь одновременно с дательным падежом дополнения еще дополнение в винительном или родительном падежах⁴⁵.

В этой синтаксической характеристике дательного недостает, однако, важного момента: указания на степень слитности падежа с глаголом, на обязательность или необязательность их сочетаемости. Непереходные (субъектные) глаголы вовсе не нуждаются для выражения своей семантики в каких бы то ни было падежных формах; между тем, этого нельзя сказать о глаголах, управляющих дательным со значениями пользы, вреда и некоторыми другими значениями, — непереходных, но объектных. Дательный падеж здесь тесно спаян с глаголом, без этого падежа указанные семантические разряды глаголов встречаются реже, чем с ним.

Некоторые иллюстрации к употреблению дательного:
при глаголах пользы: *помози ми*. Мат. XV, 25, Мар. 53₁₁; *да никтоже взможетъ помошти вамъ*. Супр. 2₁₈; *блажите ми мало*. Супр. 30₂₃; *бзы же не блакаще имъ*. Супр. 33₂₅;

при глаголах со значением повиновения, подчинения: *те ко-лико лѣтъ работахъ тѣмъ*. Лука XV, 29, Савв. 54; *богомъ вашимъ не слоугоуемъ*. Супр. 129₁₄₋₁₅; *не можетъ бо воу слоужити и мамонѣ*. Мат. VI, 24, Савв. 13; *слоужатъ... имени твоему*. Син. евх. 9₅; *Послоужа оцю*. Син. евх. 48^b₅; *плата дашиги ироди-дина по срѣдѣ и оугоди иродови*. Мат. XIV, 6, Мар. 48₂₁; *ткора-щіе спѣхъ взгодити богоу*. Супр. 280₂₅₋₂₆; *послоушасткоуетъ емоу*. Син. евх. 10₂₁₂;

при глаголах, обозначающих вредное или неприятное действие: *тебѣ запрѣтишь* Син. евх. 50^b₆; *запрѣщаєтъ ти*. Син. евх. 45₁₇, 46₂₁, 47^b₁₃; *бни бо сѫгъ з зло страждыштии. враждбѹтиши намъ*. Супр. 406₂₃; *досаждаяши юмоу*. Супр. 104₁₃₋₁₄; *даша єй дѣла десати златаціи. й ино томико жде бѣкшигакаляшите дати єй. даште взможетъ запати вжину рабоу иаковоу*. Супр. 515₁₋₅; *молитвѣ б напасгасгвѣшии хъ вамъ*. Мат. V, 44, Савв. 9; *блажени есте югда поносатъ вамъ*. Мат. V, 11, Зогр. 3 (в Мар. 10₁₆: *поносатъ сѧ вамъ*); *Не сѫгъжи марий*. Супр. 242₂₉; *хота юмоу болѣти*. Супр. 47₅₋₆; *не оудолѣяшъ еи* Мат. XVI, 18, Мар. 56₁₈; *не враните имъ* Мат. XIX, 14, Мар. 67₁₀; *ишаинъ же*

45. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956, стр. 25—26.

къзбраниаше емъ⁶ Мат. III, 14, Мар. 7₁₆; бѣлоушаѣтъ имъ Лука XVIII, 17, Савв. 8;

при глаголах господствования: Цѣсаѳасткоуїшгоу дѣкій, римѣстѣи власти. Супр. 17₁₁; наимъ же-цѣсаѳастѣйштоу гоу нашею... Супр. 81₂₃₋₂₄;

при глаголах подражания: порекеноумъ. Древлѣюмоу влѣдъ-ноу моу сноу. Син. евх. 70₁₅; порекеноумъ ... Древлѣнии влѣдъ-ници. Син. евх. 70₁₉; вѣздреѣноумъ боговеселѣоу моу ликоу. Супр. 321₉₋₁₀;

при глаголах приказания: рѣці ми того ли прѣдаеші иже вѣсѣаскаа одржжігъ. владжштало гѣсы. Покелѣкаїшгааго міроу. Клоц. 4^в₃₄;

при глаголе сѫдити: хоштетъ сѫдити бѣ вѣсен земі прѣвѣ-доїж. Клоц. 11₄; сѫдити живыи. Син. евх. 55^в₃; не приду бо да сѫждіж міроу. Ио. XII, 47, Мар. 370₁₈; азъ не сѫждаж нико-моу же. Ио. VIII, 15, Мар. 348₁₁;

при разных глаголах психического движения: дѣтѣскоу по-звидимъ благодаренію. Супр. 340₂₀₋₂₁; вѣсѣмъ крѣстианомъ вазираєтъ. Супр. 127₁₈₋₂₀; сагрѣшихъ господеви. Супр. 360₂₅⁴⁶.

Дательный падеж соединяется до степени тесной связи с некоторыми семантическими группами возвратных глаголов.

С глаголами повиновения, подчинения: Покиноуи сѧ... вогоу. Син. евх. 56₁; Покиноуите сѧ игоуменомъ Син. евх. 82^в₄; гос-подинъ покоритъ сѧ. Супр. 238₁₄.

С глаголами вредного и неприятного действия: отъ вѣсѣхъ прогибающъ сѧ наимъ сапаси иди. Киев. мисс. 52₁; емоуже... поржгаша сѧ. Син. евх. 50₈; наца стѣй рѣгати сѧ днѹупатоу. Супр. 118₁₈.

С глаголами цѣхического движения, в соединении с которыми дательный объекта еще сохраняет смысловую близость с дательным причиной или основания совершаемого действия⁴⁷. Ср.: сѫжалиша си Мат. XVIII, 31, Мар. 65₄; именн твоему-дикимъ сѧ. Син. евх. 1₆; смышалъ же иѣ. дики сѧ емоу. Мат. VIII, 10, Мар. 22₁₇; радоуѣтъ сѧ єї. Мат. XXVIII, 13, Савв. 8 (в других кодексах — о иени); чуди сѧ емоу. Лука VII, 9, Мар. 221₁₄; смигати сѧ скласенію. Супр. 356₁₉.

⁴⁶ Некоторые иллюстрации к употреблению дательного при глаголах пользы, вреда, господствования, подражания, разных глаголах психического движения перечислены из работы А. Б. Правдиной «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках» (стр. 59—72).

⁴⁷ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 84.

С глаголами общения, сопровождаемого изъявлением чувств: **боӯ твоемоӯ** поклониши *са*. Мат. IV, 10, Мар. 8₂₀; **блага** *са* **ви**. Марк VI, 23 Мар. 137₄; не **пřѣзариши чка** молитва *са* **твѣ**. Син. евх. 42₆.

С глаголами возникновения, причинения: **існовѣдаша** **васа** **вѣсѣла** **иже** *са* **сълоучи** **ймъ**. Супр. 40₁₋₂; **размѣща** **буныши** **раждаліти** *са* **празднѣство** **вѣшній** **ймъ**. Супр. 492₂₀; **існовѣдахъ** **шемъ** **же** **ймъ** **иже** *са* **ймъ** **сѧки**. Супр. 39₂₇; **чкоӯ** **единомоӯ** **богатоӯ** **огокази** *са* **ника**. Іука XII, 16, Мар. 254₄.

Дательный падеж закрепляется в старославянском за глаголами с приставками **пřѣдъ-** и **при-**, например: **иѣди** **сѧ** **ако** **пřѣдълѣжитъ** **вамъ**. Супр. 70; **іако...** **побѣдителю** **пřѣ(ах)стобѣдъ**. Супр. 467₂₄; **богатоӯ** **и** **сѹбогогоӯмоӯ** **та** **жде** **тренеза** **пřѣдъсѣгитъ**. Супр. 491₂₈₋₃₀; **х҃сѹ** **пřѣдъгечалъ**. Супр. 467₂₅.

С глаголами, имеющими приставку **при-** (ср. **принаде** **емоӯ** **сѹтаникъ** Мат. VIII, 35, Савв. 15), дательный падеж приходит на смену местному (см. об этом ниже, в разделе, посвященном местному падежу). Употребление детального нарастает в хронологическом порядке; по свидетельству А. Б. Правдиной, наибольшее количество примеров приходится на долю старославянских памятников русского извода⁴⁸. Дательный беспредложный с глаголами, имеющими приставку **при-**, часто замещается дательным с предлогом **къ**, например: **принѣти** *са* **къ** **женѣ** **свои**. Марк X, 7, Мар. 154₁₇; **приники** *са* ... **къ** **горѣ** **слоницѣ**. Марк XI, 1, Мар. 159₃. Как дательный беспредложный, так и дательный с предлогом **къ** наблюдаются при глаголах уподобления, например: **подобітъ** *са* **и** **сімъ** **слоницѣ**. Клоц. 10₁; **плѣка** **иждигеса** **шеница** **манижъ** **вкиги**. **окразъма** **оуко** **къ** **шеници** **оунодоблѣса**...

Хианд. лист. 9₁₃₋₁₉.

Дательный падеж, связанный с глаголом отношениями тесной связи, чередуется в старославянском и с некоторыми другими падежами.

При глаголах следования употребляются и дательный, и родительный падежи. Ср., например: **послѣдоути** ... **х҃оӯ**. Син. евх. 97₉; **и** **взѣбралихомъ** **смоӯ**. **Чко** **не** **послѣдова** **намъ**. Марк IX, 38, Мар. 152₁₈, но: **взѣбоуи** **свѣта** **сего**. Супр. 283₁. Таково же чередование падежей при глаголе **сѫподобити** *са*: **сѫподобити** *са* **намъ**. **црѣвью**. Син. евх. 60₄; **сѫподобитъ** *са*. **стоумоу** **шѣценью**.

⁴⁸ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 97–98; J. Václav. Bez předložkový lokál ve staroslověnských evangeliích, стр. 47.

Син. евх. 79^в₂₄, по: *съподобитъ сѧ... стѣнии: ... деснааго*. Син. евх. 7₁₆₋₁₇; *їкскрѣснны съподобитъ сѧ*. Хиланд. лист. 8₁₋₃.

В числе глаголов вредного или неприятного действия есть управляющие и дательным, и винительным падежами: *не дажди ему вѣѣти наѣти*. Син. евх. 42^в₃, по: *съмѣртъ... чеѧ рода корень вѣѣти*. Клод. 10₃₄.

Глаголы *хѣгѣти* и *разоумѣти* имеют в старославянском трехстороннее управление: с ними, кроме дательного, употребляются также родительный и винительный (см. об этом в разделе о винительном первого объекта, стр. 61—62).

При глаголе *вѣроаваги* употребляется и дательный падеж: *їкроуемъ писанью*. Син. евх. 67^в₇; *їкроуѣши м... чийкъ кодрате богомъ*. Супр. 103₂₉, — и винительный с предлогом *къ*: *Ионеже не їкроуетъ касаѣнію ми къ ст҃ѣжъ тронціжъ*. Син. евх. 66^в₁₇.

§ 39. Творительный падеж в роли объекта встречается в старославянском в небольшом количестве конструкций; глаголы, управляющие этим падежом, легко привести в виде исчерывающего перечня. В некоторых сочетаниях сквозь объектные отношения, выражаемые творительным, как бы просвечивают значения более конкретного порядка, утраченные в результате окончательного закрепления падежной формы за глаголом⁴⁹.

Молодая и немногочисленная группа конструкций с творительным объекта заключает в себе в основном соединения с разноцветными по семантическому признаку глаголами; только немногие из них можно объединить в разряды по общему для них семантическому моменту.

Значение объекта имеет творительный падеж в конструкциях с глаголами, обозначающими владение, обладание. Творительный указывает здесь на подвластный объект, например: *їентѣй дшами власти икоущаёте сѧ*. Супр. 88₁₅; *окладаїшгоу понтиакоумоу пимагеу иѡдѣвѣжъ* Лука II, 1, Мар. 201—202; *ікладаиши всевѣжъ тварицъ*. Син. евх. 93₁₈; *фимиоу же ... четвѣрагластка-гкоуїшгоу итоуриеъжъ и трахонитѣској ст(р)анојжъ*. Лука II, 1, Мар. 202₂₋₆.

В сочетаниях с некоторыми глаголами творительный имеет значение объекта, но не является единственным способом выражения объектного значения.

Если глаголы владения, о которых речь шла выше, имеют в качестве объекта только творительный падеж, то некоторые

⁴⁹ Ср. наблюдения В. Шмилauer'a над творительным объектом в чешском языке: «В творительном границы между объектом и обстоятельственным определением очень нечетки. Отдельные примеры можно объяснить по-разному». (V. Šmilauer. Novočeská skladba, стр. 198).

глаголы движения требуют то творительного объекта, то винительного объекта. Примеры с объектом в форме творительного: иждени трағавиціж сиј ... трағициж ёкъли оу-дѣли его. Син. евх. 45₁; пограта йму ржкојж... Супр. 35₁₃; якоже магомъ касъмъ ёстъствомъ двизадшє Супр. 472₁; Заклинај та вгома ... стакомъ нечъстивыхъ пограсшемъ. Син. евх. 52^н₅.

Круг имен существительных, которые употребляются с этими глаголами в творительном падеже, неширок: сюда относятся преимущественно названия частей тела человека, а также некоторые другие имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы. Между тем, управляя винительным падежом, названные глаголы движения не имеют, по-видимому, ограничений в характере сочетающихся с ними объектов. Так, глагол *дигижти* управляет винительным падежом имен существительных с самой разнообразной лексикой. Ср.: И двіже ѿко скіца люди *свои*. Син. ис. LXXVII, 52, 103^н₁₅; Всіж ко тварк дигижжа на нихъ. Супр. 96₂₃; глака ёдиною буу *стоу*... подвигжшмоу *азкъ* мой благодѣгдѣк. Макед. глаг. лист. б и др.

Известны, кроме того, лексические условия, в которых с творительным объекта конкурируют другие способы выражения объектных отношений, не отличаясь по значению от творительного падежа. Мы уже обращали внимание на параллелизм творительного и родительного беспредложного при возвратных глаголах наполнения и насыщения, стыда, печали, пренебрежения (см. раздел о родительном объекта, стр. 70—71).

В Супрасльской рукописи творительный объект отмечен при глаголах *пѣкати* и *супѣкати* 'надеяться на что-либо'. Например: ваниде же й *стгай* кодратъ. якоже иѣкотерий докин вонъ *пѣкаа* *своїж* *силојж*. на *станигти* *ратаникъ*. Супр. 105₁₂; бни же *кидѣкъши* *староста* *илемоу* *поржгаша* *са* й *окѣшташа* *са*. *бүйзваїштє* *конъскынимъ* *ходомъ*. й *голѣнкли* *свойми*. Супр. 31₄₋₆. Есть, однако, и другие способы выражения объекта при этом глаголе: винительный с предлогом *на*, дательный с предлогом *къ*, дательный беспредложный. Например: что *са* *надѣши*. *йми* *на* *кого* *бүйзваїши*. Супр. 153₁₀; *къ* *төгѣ* *бүйзваҳомъ* *й* *не* *постыдѣхомъ* *са*. Супр. 77₂₈; *не* *ко* *ми* *иестъ* *бүйзати* *кѣнѣмъ* *рѣчемъ*. Супр. 501₄.

Творительный при глаголе *пѣчи* *са* обозначает объект заботы, беспокойства. Например: ... *растѣшіе* *страгъ* *на* *нечѣстивыхъ* *доу-сѣхъ*. якоже *йму* *й* *ницы* *дѣлати* *й* *пѣсти* *са* *вѣсѣмъ* *садомъ* *й* *нивѣкъимъ* *сѣтиемъ*. Супр. 40₁₉₋₂₂, но ср. передачу того же значения местным падежом с предлогом *о*: *а* *син* *б* *слouжъвѣ* *пекжтъ* *са*. Супр. 415₂₄; *не* *печени* *са* *ни* *б* *женѣ* *ни* *о* *дѣтехъ*.

Супр. 60—70. Наконец, отметим группу глаголов, управляющих творительным падежом, которые известны чаще как субъектные, нежели как объектные. Так, если *кыпти* без творительного значит 'находиться в состоянии кипения', то этот же глагол с творительным значит 'изобиловать чем-либо'. Ср., например: *Ба́кыпъ землѣ іхъ жавами*. Сип. пс. CIV, 30, 136¹². Глагол *тешти* с творительным отличается от своего непереходного *омонима*: он значит 'нечто источать', например: *пoчтo вѣчныѧ капли мёдомъ текшти* *источника разорити* *хонгтетe*. Супр. 388₁₈. Подобным же образом глаголы *конати* 'благоухать', *дашати*, *цѣѣсти*, связанные с управляемым ими творительным падежом, отличаются по лексическому содержанию от своих омонимов — субъектных глаголов. Примеры творительного объекта с этими глаголами: *конетъ мастиж* Син. свх. 3^b; *доушетъ гиѣвомъ*. Супр. 45₂₆; *кѣѣстъ вѣрою* *цвѣтжштъ*. *и жизниж* *вѣсмъ сиагжштъ*. Супр. 352₁₉.

§ 40. Употребление при глаголах местного падежа без предлога в значительном количестве случаев обусловлено семантикой или морфологическим составом определяемых им глаголов; при этом имя существительное может быть любым, не ограниченным рамками каких-либо лексических значений. В лексическом значении глаголов, которые связываются в старославянском с беспредложным местным падежом, трудно найти общие моменты. Существует мнение, что эти глаголы представляют собой остатки некогда более обширной группы глаголов, многие из которых исчезли еще в дописьменный период.

Обусловленность употребления падежа характером глаголов создает основу для ослабления первоначального падежного значения; местный падеж превращается в форму, выражающую синтаксическую зависимость имени от глагола; связь его с глаголом может быть охарактеризована как тесная. Субъектные глаголы в этом процессе становятся на путь превращения в объектные.

Авторы специальных исследований признают, что по количеству отмеченных примеров местный падеж в собственно приглагольной функции в старославянском явно преобладает над его адвербальным использованием; причины этого — вытеснение местного падежа (как и других беспредложных) в его адвербальных значениях предложно-падежными формами и общая тенденция закрепления за беспредложными падежами функции объекта.

Бесприставочные глаголы, управляющие местным падежом, немногочисленны. К ним относятся *кисѣти*, *коснѣти* *са*: *сено бѣю заповѣдию* *всѧ законъ и про*[¶] *кисатъ*. Мат. XXII, 40, Савв. 29 (в Мар.: *въ сено овою заповѣдию ... кисатъ*. 81₂₄; так же в Асsem.

и Зогр.); быв й знаменіа вкій висланих ѿніє познавчіє віюджтк
са. Супр. 43₇.

При глаголе **косяжти** са Я. Бауэр обнаружил пятнадцать случаев местного падежа в девятыи местах из евангелий, например: й **предстарк** ржж. **косяж** са ємъ іс гла. Мат. VIII, 3, Савв. 12 (но в Зогр., Мар. **косяж** и); тогда **косяж** са бчию **йма**. Мат. IX, 29, Савв. 19 (но в Зогр., Мар., Ассем. **косяж** ч: къ очи); да **ки** са іхъ **косяж**. Лука XVIII, 15, Зогр. 120, Мар. 280₁₈₋₁₉ и др.⁵⁰.

Уже из этих примеров видно, что конструкция **косяжти** са **комъ**, **челкъ** уступала место другой: **косяжти** кого вкъ чкто — при этом объектный глагол становился переходным.

Глагол **косяжти** с винительным, по подсчетам Я. Бауэра, употребляется в девятыи местах из евангелий двадцать четыре раза. Я. Бауэр считает эту конструкцию более поздней; винительный, полагает он, присел на смену местному уже тогда, когда последний закрепился за глаголом **косяжти** са как его объект (первоначально эта форма обозначала место касания)⁵¹. В других текстах с глаголом **косяжти** са встречаются дательный беспредложный и дательный с предлогом **къ**.

Местный падеж при некоторых глаголах, имеющих приставки на-, по-, с-, также чередуется в старославянском с другими падежами. При глаголе **належати** в текстах евангелий, кроме местного, отмечены дательный беспредложный и местный с предлогом на. Ср., например: Екъ же належашти ємъ народоу Лука V, 1, Зогр. 88; **належашти ємѹ** народоу Мар. 210₇₋₈; Екъ же пешыи и каменя **належашти** на исп. Но. XI, 38, Мар. 363₂₄₋₂₅; Зогр. 158. При глаголе **наладати** встречается беспредложный местный, например: **наладаж** ємъ Марк III, 10, Мар. 124₂₀, Зогр. 51, но чаще — винительный с предлогом на, например: і **наладж** на **храминж** тж. Мат. VII, 25, Мар. 21₂. Надежная форма при глаголах **погружити** са и **спафти** са (възвѣши вѣтри и спафша са **храминѣ** тои). Мат. VII, 27, Мар. 21₉₋₁₀; **поглаж** са **храминѣ** тои. Савв. 12) tolkнутся разными исследователями по-разному: или как местный, или как дательный падеж⁵².

Чаще всего наблюдается беспредложный местный падеж с глаголами, имеющими приставку **ци-**, выражающими контакт с предметом, а также направление или стремление к нему. Я. Бауэр объясняет эту особенность тем, что первоначально значение места у падежной формы, употребляющейся с этими глаголами, достаточно ясно подчеркивалось глагольной пристав-

⁵⁰ J. Bauer. Bezpredložkový lokál ve staroslověnských evangelích, стр. 47.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 49.

кой, которая и способствовала сохранению локатива без предлога⁵³.

Выше мы указывали (см. раздел о родительном падеже в роли первого определяющего члена глагола), что с глаголами *прикоснijти сѧ*, *прикасаլти сѧ* местный без предлога в двадцати двух местах евангелий встречается пятьдесят семь раз. Ср.: *прикоснij сѧ всенрияти ризы єго*. Мат. IX, 20, Мар. 27₂₃; и *прикоснij сѧ ржицѣ сѧ*. Мат. VIII, 15, Мар. 23₇, ср. также: кто *при(о)спожа ризахъ моихъ*, Лкст. Унд. 7—8. В. Н. Топоров приводит многочисленные примеры подобных конструкций из других текстов, например: *прикоснijши сѧ вожийхъ реврѣхъ*. Супр. 457₂₃; *прика(са)лъ сѧ горахъ*. Син. евх. 44^в₁₃ и мн. др.⁵⁴. Беспредложный местный с этим глаголом преобладает. Из форм, конкурирующих с местным при названных глаголах, отмечается беспредложный родительный. В текстах евангелий эта форма представлена двумя примерами: *прикоснij сѧ ризы єго* Мат. IX, 21, Мар. 27_{24—25}; кто *прикоснij сѧ ризѣ моихъ*. Марк V, 30, Зогр. 54. Ср. пример из Супр.: не *прикасајти ко сѧ мене* 165₁₄. Местный падеж при этом глаголе конкурирует также с дательным + предлог *ко*: *прикоснѣтъ сѧ къ немѹ*. Супр. 18₂₂.

Местный без предлога, кроме того, зафиксирован при следующих глаголах: *прилежати*, *приჭипни сѧ*, *приётати*, *причастити* сѧ, *присажнити*, *присѣдѣти*, *принадати*, *приимкнати сѧ*, *присазати* и др. Например: *причастити сѧ тѣлѣ* и *кркви гї*. Син. евх. 60₁₃; *прилежа єшъ*. Лука, X, 34, Мар. 244₁₉; *приჭипни сѧ єдиномѹ* отъ жигалъ чеса отраны. Лука XV, 15, Мар. 268₂₅; *приказаша скатааго джѣ*. Супр. 18₁₀; *присази бѣразе* Супр. 511₁₁.

В. Н. Топоров считает достойным внимания тот факт, что с местным падежком при данных глаголах в старославянском конкурирует значительное число других конструкций, причем количество их увеличивается по мере приближения к среднеболгарскому периоду⁵⁵.

В этих условиях местный падеж частично вытеснен дательным беспредложным (по происхождению дательным направле-

⁵³ J. Vaclav. Bezpredložkový lokál ve staroslověuských evangelích, стр. 46.

⁵⁴ В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 187.

⁵⁵ Дательный без предлога встречается в среднеболгарских текстах (см. В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 188), а также в древнерусских (см. А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 95).

⁵⁶ В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 189.

ния)⁵⁷, который в свою очередь в старославянском иногда замещается дательным с предлогом *къ*. А. Б. Правдин сообщает следующие примеры дательного беспредложного с глаголами, имеющими приставку *при-*: *приближи ми са тѣломъ й доуходи ми вѣрою*. Супр. 503_{5—6}; *си касе приложатъ са ватъ*. Мат. VI, 33, Мар. 18_{II}; *принадѣ емоу сугганикъ мола его*. Савв. 15; *принадаїемъ ти грекоу*. Супр. 513₁⁵⁸.

Дательный с предлогом *къ*: *принадѣ къ немоу* Марк V, 33, Мар. 133_{19—20}; *приложашши ся къ божію лицоу* Супр. 458_I и др.; *пріказати къ дрѣвоу*. Супр. 13_{10—11}.

Таким образом, закрепляющийся за отдельными глаголами местный падеж в старославянском вытесняют другие падежи. Его место занимает преимущественно дательный, часто с предлогом *къ*.

§ 41. Предложно-падежные формы старославянского языка не составляют специального предмета нашего изучения — они образуют особую систему, и мы ограничимся поэтому простым упоминанием о возможности их использования в функции первого определяющего члена глагола.

Об этой возможности свидетельствуют уже выявленные предложно-падежные формы, чередующиеся с беспредложными падежами в этой функции.

Легко заметить, что в таких сочетаниях предлоги предельно ослабили свое лексическое значение; они выступают в качестве посредника между глаголами и зависимыми от них именами существительными, представляя собой простые знаки зависимости имени от глагола⁵⁹. «Делексикализация» предлогов — любопытная параллель к утрате первоначального конкретного звучания у беспредложных падежей в позиции первого определяющего члена глагола. Это явление лишний раз убеждает в том, что формы выражения этой функции чисто синтаксические.

57 Общая форма для дательного и местного падежей у местоимений первого лица и имен существительных с основами на *-а-* в единственном числе часто не позволяет установить на основании старославянского материала, с каким падежом — местным или дательным — употреблен приставочный глагол. Ср.: *и прілагнитъ са женѣ* свободи. Мат. XIX, 5, Мар. 66₆; *юже тѣнъ дѣни присѣдатъ миhi*. Мат. XV, 32, Мар. 54₃. См. об этом: J. Vaueg. Bezpředložkový lokál ve staroslověnských evangeliích, str. 48—49.

58 А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 95—96.

59 В. В. Виноградов отмечает, что в русском языке «Во многих случаях предложное выражение косвенной переходности глагола представляется чисто формальным, лексически немотивированным» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 700).

2. Надежи дальнейшего объекта переходных глаголов

§ 42. Одной из особенностей переходных глаголов является их свойство быть связанными тесной связью с целым последовательным рядом падежей, среди которых винительному принадлежит лишь первое место.

А. М. Пешковский указывал, что в русском языке многие глаголы «управляют зараз двумя падежами... : даю **кому что**, запрещаю **кому что**, предпочитаю **чему что**, желаю **кому чего**, лишаю **кого чего**, угождаю **кому чем** и т. д.»⁶⁰. В. П. Сухотин отмечает, что в русском языке «сочетания глагола с винительным объекта передачи часто сопровождаются дательным адресата передачи: **Я дал ему книгу**; **Он что-то положил** слепому в руку (Лермонтов) и т. п. Наоборот, сочетания с винительным объекта отчуждения часто выступают в содружестве с родительным обозначения источника. Например: **Мы взяли** у рыбака **лодку**. Такие же сцепления можно обнаружить при сочетаниях с винительным объекта действия, часто сопровождаемого творительным орудия: **Пишу письмо** карандашом; **Рубили дрова** топором, и т. п.»⁶¹. Многоступенчатая сочетаемость переходного глагола-сказуемого с падежными формами имен существительных, по мысли В. П. Сухотина, зависит от характера обозначаемого действия: «... глаголы конкретного действия переходной семантики нуждаются в обозначении прямого объекта в форме винительного или родительного без предлога, а также орудия, обозначаемого творительным; глаголы обращения с просьбой обычно предполагают обозначение испрашиваемого предмета (в винительном) и адресата обращения (в родительном с предлогом *у*): **Я попросил** у брата **книгу**, и т. п.»⁶². Л. В. Щерба призывал рассматривать употребление предлогов и падежей при глаголах исходя из выраженной мысли: выражение предмета, на который переходит действие глагола, выражение лица или предмета, для которого что-то делается, выражение орудия действия и т. п.⁶³. Таким образом, при некоторых глаголах, прежде всего переходных, в русском языке отмечено существование последовательных рядов определяющих эти глаголы падежных форм. Конкретное содержание этих рядов, т. е. состав входящих в них

⁶⁰ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 288.

⁶¹ В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке, стр. 160.

⁶² Там же, стр. 160—161.

⁶³ Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе, стр. 88.

падежей, варьируется в зависимости от лексической семантики глаголов.

Старославянские беспредложные падежи в этом отношении не имеют существенных отличий от русских.

Одни переходные глаголы соединяются здесь преимущественно с одними беспредложными падежами дальнейшего объекта, другие — преимущественно с другими. Однако вместе с тем здесь явственно прослеживается некая наиболее типичная или преобладающая последовательность определяющих членов переходных глаголов, хотя в зависимости от семантики глаголов одни звенья этой цепи оказываются выраженными ярче, другие слабее⁶⁴.

Подобного рода последовательность падежей обнаружена в латыни известным голландским лингвистом А. В. де Гротом. «В предложении, которое заключает имена в различных падежах, — пишет он, — управляемый винительный является первым определяющим по отношению к глаголу, управляемый дательный — вторым, управляемый ablativ — третьим...»⁶⁵.

Эта мысль де Грота нашла решительную поддержку у Е. Курпиловича, который считал возможным констатировать в индоевропейских языках более центральные и более маргинальные позиции падежей, определяющих глагол, как различные синтаксические классы⁶⁶.

В старославянском языке есть основание выделить три последовательных положения беспредложных падежей по отношению к переходному глаголу, — внутренний порядок, который воспринимается не как результат закончившихся процессов, а как очевидная оформляющаяся тенденция. Каждое отдельное положение соответствует, по нашим представлениям, особой падежной функции.

При этом для каждого из положений наиболее характерным оказывается употребление какого-либо одного падежа, который в других положениях играет, как правило, лишь второстепенную роль.

В предшествующем разделе было установлено, что место ближайшего определяющего члена переходного глагола занимает винительный; как увидим ниже, второе место принадлежит преимущественно дательному, третье — творительному⁶⁷.

⁶⁴ Этот порядок не следует смешивать с порядком слов в предложении.

⁶⁵ A. W. de Groot. *Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas*, стр. 122.

⁶⁶ J. Kuryłowicz. *Le problème du classement des cas*, стр. 140.

⁶⁷ Непереходные объективные глаголы обычно имеют при себе только один объект в любом из косвенных падежей, кроме винительного. Последовательные ряды падежей при этих глаголах обнаруживаются очень редко и заключают обычно не более двух членов.

1) Падежи объекта-адресата и объекта отчуждения

§ 43. Падеж объекта-адресата (в широком смысле слова) и падеж объекта отчуждения в позиционном отношении следуют за винительным падежом прямого объекта или заменяющими его формами. Рассматриваемые падежи предполагают наличие падежа прямого объекта. Ср.: і паки чашж... даёшє імкъ Клоц. 7^в; даңсъ осжжденкимъ сководж даръсткоуетъ. Клоц. 13₂₀; прѣдложки ёмюу юди многы. Супр. 558₋₅; разлжчал дауҳома сыйымъ палѣккы йшенищд. Супр. 143₂₀.

У падежей второго объекта степень связанности с управляющим глаголом слабее, чем у падежей первого объекта. «Приглагольный дательный при переходных глаголах, — пишет А. Б. Правдин, — всегда связан с ними лишь относительно сильной связью управления. Так, значение переходных глаголов даяния полностью выявляется лишь при наличии прямого дополнения; эти глаголы „требуют“ винительного падежа; они „требуют“ и дательного, но это требование не столь настойчиво, — ясно, что при переходных глаголах даяния винительный падеж более необходим, чем дательный»⁶⁸. Связь падежа объекта отчуждения со своим глаголом также слабее, чем связь винительного падежа с этим глаголом.

Менее сильная степень связи падежей второго объекта с управляющими глаголами находит отражение в необязательности их употребления при тех глаголах, с которыми они могут быть связаны; обозначение второго объекта зачастую становится несущественным. Даже при глаголах даяния, для которых падеж второго объекта служит важной чертой семантической характеристики, можно обнаружить случай «пропущенного» дательного. Ср.: Аще ми не сумѣгъ. Да даств цатж. Аще ми не иматъ цаты, то отъ краинна еже имагъ. Да даств. Син. евх. 103^в₂₃₋₂₆.

Другой важной чертой употребления падежей в роли второго объекта является общее сокращение диапазона их конструкций в сравнении с диапазоном конструкций падежей первого объекта; круг глаголов, способных сочетаться с падежами второго объекта, становится менее широким; для многих переходных глаголов винительный не только первый, но и единственный объект.

Будучи совместимыми с падежом первого объекта, падежи объекта-адресата и объекта отчуждения в то же время взаимно друг друга исключают: они употребляются с переходными глаголами разного лексического значения.

Если падежи в роли первого объекта чисто синтаксичны, т. е. обозначают только отношение определяющего к опреде-

⁶⁸ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. стр. 100.

ляемому, то разные формы выражения второго объекта, кроме выражаемого ими общего синтаксического отношения, несут на себе и семантическую нагрузку, разную для каждого из падежей. Таким образом, падежи в позиции второго объекта занимают промежуточное положение между зависимыми падежами чисто синтаксическими и зависимыми падежами чисто семантическими.

§ 44. Для выражения синтаксического отношения, характеризуемого как отношение второго объекта, в старославянском языке служит преимущественно дательный падеж.

«Основное значение дательного падежа, — пишет А. Б. Правдин, — ... весьма четко выступает при переходных глаголах, управляющих, наряду с дательным, еще винительным падежом прямого дополнения. Имя в винительном падеже прямого дополнения обозначает предмет, непосредственно и полно охваченный действием, в дательном же стоит название лица (предмета), который является адресатом действия, его конечной целью, пунктом, в направлении которого совершается действие, не охватываая его, не воздействуя на него непосредственно»⁶⁹.

Дательный второго объекта известен в старославянском при весьма значительном числе переходных глаголов. Это главным образом многочисленные глаголы предоставления, причинения, сообщения, поощрения, а также некоторые другие.

Дательный при глаголах предоставления: *дастъ емоу* заповѣд(а). Син. евх. 77₈; *дажди рабоу...* *семоу*. съдржаніе. Син. евх. 26^в₂₂; *дастъ намъ брашано*. Син. евх. 17₁₅; *даєз імъ класгъ*. Син. евх. 43^н₂₁; *бни же даша емоу* рѣкы нечены часгъ. Лука XXIV, 42, Мар. 311₂₃₋₂₄; *чистотъ даючи* си. Син. евх. 81₇; *животъ всемоу* мироу дарокавъ. Син. евх. 57₂; *какъ даагъ твои* бставихъ тевѣ. Савв. 25; *да бы... послалъ земли* йхъ *даждь*. Супр. 529₂₉; *се принесъ* *емоу* ослащенъ жилами. Мат. IX, 2, Мар. 25₆; *тогда* пустыша *емоу* три сїга златицъ. Супр. 518₁₁₋₁₂; *ჭите* предъзлагаема *камъ*. Лука, X, 8, Мар. 241₁₂; *предъставикъ* *и* *волж* *и* *хлѣбъ*. Супр. 516₁₋₂⁷⁰.

Влиянием конструкций дательного при глаголах предоставления объясняется появление дательного при глаголах «отнимания» или «получения». Например: *иѣсъзъ добро отати хлѣба* чадомъ. Мат. XV, 26, Мар. 53₁₃; *отемѣштюмоу* тевѣ ризж. і *сраница* не вѣзвѣри. Лука VI, 29, Мар. 217₂₇.

Дательный при глаголах причинения: *молиғе* за твораштамъ

⁶⁹ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 26.

⁷⁰ Примеры дательного при глаголах предоставления см. в названной работе А. Б. Правдина, стр. 25—28. Некоторые примеры А. Б. Правдина повторены в нашем исследовании.

вамъ напасти. Мат. V, 44, Мар. 13₃₂; **сѧкѹтска ми бѹкои ѿй сѧткориги.** Супр. 526₃₋₄.

Дательный при глаголах сообщения: глаг. **аже** азъ глаг. **вамъ** б сеѣк не глаг. Савв. 1; **сѧкажи намъ** притчъ. пакъвъ **селзыихъ.** Мат. XIII, 36, Мар. 45₂₇₋₂₈; **вѧсликинемъ вогоу сѧпасоу нашемоу.** Супр. 319₁₁₋₁₂; показа **емоу** кѣк црѣтка вѣго мира. Мат. IV, 8, Мар. 8₁₆.

Дательный при глаголах поощрения и препятствования: се заповѣдмѣ **вамъ** да лягите дрѣгъ дрѣга. Савв. 94; запрѣти **има** гла **клидѣта** ни єдиноулоу же не рицѣта. Савв. 19.

Дательный при других глаголах: чѣ **вѣ наоучъ вѣсемоу.** Ио. XIV, 26, Мар. 377₈₋₉; **Комоу** сунодесмѣ **родосъ.** Мат. XI, 16, Мар. 35₉; **милосрѣдакъ** же глаг. **раба** тогого. поусти и и длагъ **стгнусти** **емоу.** Мат. XVIII, 27, Мар. 64₁₆.

Падежом предназначения можно назвать дательный при всех остальных переходных глаголах, с которыми этот падеж может быть употреблен в качестве второго объекта. Охарактеризовать эти переходные глаголы с точки зрения их лексики очень трудно; спорадические примеры дательного предназначения в старославянских текстах можно встретить при самых разнообразных переходных глаголах, обозначающих действие, результаты которого предназначены для какого-либо лица.

Некоторые примеры дательного предназначения: **сѧткори ѿмоу** хъзинъ бсѧкъ. Супр. 171₈₋₉; **твоитъ дрѣко** добре дгодж **емоу** добрж. Мат. XII, Савв. 19; написа **вамъ** заповѣдь сиж Марк X, 5, Мар. 154₁₃; закла **емоу** теленъ питомы. Лука XV, 30, Мар. 270₁₈; комиц...покелъ **коиномъ** скоймъ бсѧдулати **емоу** коня црѣтка. Супр. 221₁₄₋₁₈.

Употребление дательного в качестве второго объекта переходных глаголов имеет при разных глаголах разную степень обязательности: одни глаголы теснее связаны с дательным, другие слабее. Если дательный адресата предоставления является важной чертой семантической характеристики соответствующих глаголов, то дательный предназначения употребляется при глаголах, лексическое значение которых полностью выявляется и без дополнения в дательном падеже: действие, обозначаемое этими глаголами, «легко может быть представлено вне связи с каким-либо... объектом-адресатом»⁷¹.

Е. Курилович считает, что вне сочетаний с глаголами предоставления дательный падеж выступает в индоевропейских языках как падеж конкретный, «с общим значением, соответствующим смыслу французского предложного оборота *pour q.*,

⁷¹ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 99.

pour q. ch.»⁷². Между тем, какая-либо граница между дательным адресата предоставления и дательным предназначения, по-существу, отсутствует (если не считать различий в семантике управляющих ими глаголов), а о степени связи глаголов с падежом в старославянском языке можно говорить лишь на основании статистических данных: с одними глаголами дательный употребляется реже, с другими — чаще.

В конструкциях с глаголами предоставления дательный падеж является типичной формой выражения второго объекта. «Форма дательного падежа — основное и, в сущности, единственное грамматическое средство обозначения лица, которому нечто предоставляют»⁷³.

В старославянском при глаголах отнимания и получения употребление дательного, вызванное действием ассоциаций с другими типами конструкций, представлено единичными примерами; при глаголах со значением 'взять', 'отнять' чаще наблюдаются родительный с предлогом *о*гъ или родительный с предлогом *о*у, например: *оғамі* или *отъ лжакиъстка*. Киев. мисс. 51₂₁; *къто мъздѣ вазметъ отъ кого*. Спн. евх. 104₁; *азъ же не отъ члка събѣдѣтельства приемлж* Ио. V, 34, Мар. 333₂₆; *прешлаше вѣниe бѣ вѣнина прнати*. Супр. 453₁; *падѣшиша сѧ вѣзати бѣ тѣхъ*. Супр. 373₁⁷⁴.

Конструкций, находящихся в синонимических отношениях с дательным при глаголах причинения, в старославянском не отмечено. При глаголах сообщения наряду с беспредложным дательным распространен дательный с предлогом *къ*. При глаголах *речи* и глаголах эти формы часто сменяют одна другую в параллельных местах. Например: *онъ же отъѣздица рече единомоу ихъ* Мат. XX, 13, Мар. 70₂₄ — *рече къ единомоу ихъ* Ассем. 289₁₇; *рече лигри свои* Марк. VI, 24, Ассем. 311₁₅ — *къ матери свои* Мар. 137₆₋₇, Зогр. 56; *и рѣша дѣлъ г҃и* Лука XVII, 5, Мар. 275₆, Зогр. 118, Савв. 48 — *и рѣша дѣлъ къ г҃ю* Ассем. 130₁₄; *гда ис народомъ* Мат. XXIII, 1, Ассем. 93₁₁ — *и гда къ народомъ* Мар. 82₁₁.

⁷² J. Kugulowicz. Le problème du classement des cas, стр. 146.

⁷³ А. Б. Правдин. Детальный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 49.

⁷⁴ В качестве очень редких форм второго объекта при глаголах получения, отнимания отмечаются также родительный беспредложный и творительный беспредложный. Ср.: *непрѣзинна противъстка ётатъ*. Супр. 479—480 (см. А. Б. Правдин. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке, стр. 39); *привождеѧ бысть на арѣкѣ славимый херебимъ и серафимъ. и вѣскли сиалими аггельскими покланѧльше приемлъ*. Супр. 482₁ (см. К. И. Ходова. Значения творительного беспредложного в старославянском языке. — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIX, 1961, стр. 116).

А. Б. Правдин сообщает об употреблении дательного с предлогом *къ* также при глаголах *бесѣдокати*, *вѣнти*, *вѣзѣстити*; О. Грюненталь, кроме того, дает примеры с глаголами *отглѣштати*, *клекетати* и др.⁷⁵. Можно полагать, что степень семантического сближения дательного беспредложного и дательного с предлогом *къ* была столь высокой, что эти две формы, находясь при глаголах сообщения, заменяли друг друга без существенной разницы в значениях⁷⁶.

При переходных глаголах с приставкой *при-* в качестве дальнейшего объекта чаще находим местный без предлога, чем дательный. Ср.: *кѣфма естъ юже... прѣокъштиті ны тайнахъ*. Клоц. 1^в₈; *приложити тѣлесе своимъ лакота единъ* Мат. VI, 27, Мар. 17₂₀₋₂₁ (в Зогр., Ассем. — дательный падеж: *тѣлеси своемоу*).

Дательный при глаголе с приставкой *при-*: *приложи намъ кѣфж.* Лука XVII, 5, Мар. 27₅₋₆.

Местный падеж при этих глаголах — форма более древняя, чем дательный (подробнее об этом см. ниже).

Сочетаясь в позиции второго объекта с большим кругом переходных глаголов, дательный только при некоторых из них заменяется другими падежными формами, не имеющими существенных отличий в падежной семантике от дательного неполного охвата (адресата действия). Эти наблюдения и позволяют заключить, что дательный падеж без предлога был в старославянском главным средством выражения второго объекта — адресата действия.

§ 45. В более строго ограниченных условиях функцию второго объекта выполняют в старославянском другие падежи, входящие в сочетания с другими глаголами. Родительный падеж без предлога выступает в роли второго объекта при глаголах удаления, избавления. Семантика второго объекта, выражаемого родительным, отличается от семантики второго объекта, выражаемого дательным: это не объект-адресат, а объект, от которого освобождаются, удаляются.

Родительный второго объекта при переходных глаголах удаления и отделения чередуется в своем употреблении с оборотом «предлог *отъ* + родительный падеж». Ср. примеры:

при глаголе *отглажити* ‘отделить’, ‘отстранить’: *да ѿпѣ кто ископѣтъ хъ. отглаж(ченъ) сонъминита вѣдегъ*. Ио. IX, 22, Мар.

⁷⁵ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 53; O. Grünenthal. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung, стр. 508.

⁷⁶ Ср. замечание А. Б. Правдина: «В приведенных примерах дательный с предлогом *къ* используется в полном соответствии с беспредложным дательным адресата сообщения» («Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках», стр. 54). К. Горалек говорит о стилистическом значении этих двух форм в старославянском переводе, так же как и в греческом оригинале (K. Horálek. Evangeliaře a čtveroevangelia, стр. 149).

355₄; да не бѣлаженъ вѣдѣ **отъ стыдъ лжжъ.** Супр. 15₂₇₋₂₈; при глаголе отъѣрѣши 'отбросить': честънааго ти знамениѣ отъѣрѣша мѧ. Син. евх. 78^в; сѣ юстъ бѣлѣрѣгъ кы отъ ивѣсѣскынъ лѣстъ. Супр. 466₃₀;

при глаголе разлѣчати 'разделять': разлѣчада доуҳомъ стыимъ наѣкы пшеница. Супр. 143₂₀₋₂₁; какъ разлѣчите отъ любъке вѣжі. і стоумоу закону. Клоц. З₁₁;

при глаголе сѣмѣшиги параллельно употреблены и беспредложная, и предложная формы родительного падежа: ё диште ё сѣмѣшиги ма **отъ бѣдѣда.** изъ сѹко **хъ** ка нѣгоже ёсмъ бѣлаженъ. не їмаши мошти сѣмѣшиги. Супр. 50₁₃.

Родительный второго объекта при переходных глаголах, обозначающих освобождение, избавление, также очень часто имеет синтаксические параллели в виде родительного с предлогом отъ. Однако при глаголах **лишити** и **простити** родительный беспредложный выступает в качестве единственной формы выражения второго объекта. Например: лишиши ма **хота славы.** Супр. 1₃₀; **прости ма котыги** лишиште. Супр. 368₁₀; да та проштѣ грѣха Супр. 241₄.

При глаголе сѣкодити родительный беспредложный: народа сѣкодиихъ **твою пакости.** Супр. 512₈; вѣдѣкъ сѣкодѣни быша. Супр. 531₈. Случай предложного управления отмечены только с возвратным сѣкодити **са**, например: сѣкодити **са** отъ вѣса Супр. 520₁₅.

Примеры с глаголом изѣакити: Изѣакілъ ма есі... рѣсноты. Син. пе. XXX, 5, 35^в₁₈; да изѣакленъ вѣдѣтъ... **исего нечиста.** **Бѣкоушениѣ.** Син. евх. 22₁₉; замѣда изѣаклій **твою пакости.** Супр. 512₂₁; изѣаки ны отъ **неприѣзни.** Мат. VI, 13, Мар. 15₂₇, Савв. 58; ё мене грѣшилъго изѣакивъ **отъ вѣка.** Супр. 144₅; изѣакилъ **отъ пѣна.** Сип. евх. 23₂₂.

С глаголами очистити, очистити: **вѣскоа зѣловы очищенъ** Син. евх. 56₂₂; **отъ вѣсѣхъ зѣлии нашіхъ очисті нзи.** Киев. мисс. 48₅₋₆; нашж дишк како очищгаєтъ. **отъ вѣсѣкого гиѣва і фрости.** Клоц. 4₁₃.

С глаголом спасти: **спасе насъ скрѣаштийхъ насъ.** Супр. 185₄; **спаси ма отъ бѣстѣ лѣковъ.** Супр. 18₂; **отъ вѣсѣхъ проптиаціхъ сѧ намъ спасі нзи.** Киев. мисс. 52₂₂₋₂₄.

Значение родительного с предлогом отъ в конструкциях с глаголами избавления, лишения не имеет заметного отличия от значения беспредложного родительного. А. Б. Правдин отмечает лишь некоторые особенности в лексическом составе

конструкций с предлогами: они характеризуются большей конкретностью имен, принимающих форму родительного с предлогом⁷⁷.

Второй объект в форме родительного беспредложного при глаголе *сугласти*: *въсѣхъ касъ суглаенъ*. Супр. 439₇. Родительный с предлогом *отъ* при том же глаголе: *суглаихъ еси те отъ прѣмждрыхъ и разоумѣныхъ*. і *ѣвицъ ꙗ еси младенциемъ*. Мат. XI, 25, Мар. 36₁₁. Ср. Лука X, 21, Мар. 242₂₂, Савв. 41.

Родительный беспредложный второго объекта при определенных лексических разрядах переходных глаголов имеет в старославянском богатую синонимику. В этом отношении родительный второго объекта принципиально отличается от дательного второго объекта. Предложные конструкции родительного, конкурирующие с беспредложными, количественно преобладают над последними (исключение составляют падежные формы при глаголах *лишти*, *простиги*). Можно указать на некоторые глаголы с семантикой удаления, отделения, скрытия и т. п., при которых употребляется только родительный с предлогом *отъ*. Таковы глаголы *врѣшити*, *отъврашати*, *разрѣшити*, *отрѣшати*, *отъграсти*, *отати*, *изѣти*, *оврагити*, *оупразниги*, *исѣклити*, *сѣкти*, *отътрагнѣти* и др., например: і *алтѣ десна твоѣ рѣка сѣблажнала та оуѣщи іхъ и вѣзи отъ севе*. Мат. V, 30, Мар. 12₂₂; і *прахъ отъ ногъ вашихъ отъграсти*. Лука IX, 5, Мар. 233₁₈, Савв. 36; *сѣкти бѣкъ мене*. Супр. 283₂₇.

§ 46. Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы об употреблении беспредложных падежных форм в позиции второго объекта. По широте употребления в этой позиции на первом месте стоит дательный падеж. Родительный падеж второго объекта со своим особым семантическим значением употребляется в условиях весьма ограниченных. В подавляющем большинстве случаев он имеет синтаксические параллели в виде родительного с предлогом *отъ*.

Более периферийное положение второго объекта по отношению к глаголу в сравнении с положением первого определяющего члена глагола находит отражение в характере синонимических связей беспредложных падежных конструкций второго объекта. Например, родительный второго объекта никогда не взаимодействует в синонимическом плане с винительным падежом — типичной формой выражения первого объекта. Наоборот, источником синонимов и дублетов для родительного второго объекта служат формы, как правило, занимающие более периферийное положение по отношению к глаголу, — падежи с предлогами.

⁷⁷ А. Б. Правдин. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке, стр. 37.

2) Падеж орудия и средства

§ 47. В последовательном ряду падежей, определяющих переходные глаголы, специальное место принадлежит форме выражения орудия и средства. В старославянском языке это место занято, как правило, творительным падежом; лишь при небольшом количестве переходных глаголов творительный чередуется с другими формами имени существительного, преимущественно предложно-падежными.

Есть основание считать падеж орудия по отношению к глаголу следующим за падежом первого объекта и, далее, объекта-адресата (или объекта отчуждения). Об этом свидетельствует совместимость при одном и том же глаголе падежа орудия с падежами, занимающими более центральные позиции по отношению к глаголу. Правда, эта совместимость далеко не обязательна и, более того, в текстах засвидетельствована только единичными примерами, однако и эти примеры отводят падежу орудия вполне определенное место в ряду приглагольных падежей. Значительным количеством случаев представлены примеры, в которых творительный орудия употреблен при наличии винительного объекта. Ср.: *днесь нераздрѣщенъмъ жзамі скъваетъ гоупітелъ*. Клоц. 13₂₈; *ты огради море икъкомъ*. Спп. евх. 4₁₂. Меньше примеров на творительный орудия при наличии винительного первого объекта и дательного второго объекта. Ср.: *Хвамъ та... подлѣшааго десинцеј твоєї. Хлебъ твои линѣ*. Спп. евх. 36₂₀.

Степень обязательности совмещения с падежами второго объекта не была для творительного орудия одинаковой при всех переходных глаголах. Так, при глаголах наполнения, пасынцевания реже встречаются падежи второго объекта с семантикой адресата, чем при других группах переходных глаголов (например, при глаголах предоставления), и, следовательно, при этих глаголах меньше степень вероятности сосуществования дательного и творительного падежей. В отдельных случаях совместимость творительного орудия с падежами второго объекта представляется вообще невозможной. Например, такие процессы, как прием пищи, могут иметь в качестве адресата только само лицо, которое производит действие; естественно, что при выражении подобного рода ситуаций обозначение второго объекта отсутствует. Между тем творительный орудия здесь отмечается, ср.: *и видѣвши... нечистама рѣкама... ѣхъши га хлѣбъ* Марк VII, 2, Мар. 140₁₄, Зогр. 58.

Нам представляется бесспорным, что творительный орудия и средства принадлежит к числу падежей, связанных с глаголом отношениями тесной связи. Самым убедительным доводом в пользу этого утверждения служит характер отношений между лексическим составом творительного орудия и лексическим составом глагола: имена существительные, принимающие форму

творительного орудия, не ограничены со стороны их лексических значений, тогда как глаголы, сочетающиеся с творительным орудием, относятся к определенным семантическим разрядам, объединенным рамками переходных глаголов. Примеры творительного орудия при субъектных глаголах в старославянском единичны: в этих условиях творительный орудия имеет тенденцию переосмысливаться в творительный первого объекта.

Необходимо подчеркнуть, однако, что творительный орудия связан с определяемым им глаголом не столь тесно, как падежи, занимающие центральные позиции. Винительный падеж при переходных глаголах более необходим, чем творительный.

Творительный орудия сохраняет присущую ему синтаксическую позицию также при собственно возвратных глаголах, относительных с переходными. Ср.: *самъ ся լիքтиցъ. նե ոչըմք ու երօյշ*. Супр. 366₁. Места первого и второго определяющих членов глагола в таких примерах остаются незанятыми.

В страдательной конструкции падеж орудия сохраняет свою синтаксическую функцию только при том условии, если падежная форма образована от имен существительных неодушевленных. Ср.: *օսացыди և.ա.աբրաձ օքրազկանաց*. *Քյոյշ եյնեյշ*. Син. евх. 54^g₂₀. Творительный от имен существительных одушевленных в страдательной конструкции имеет синтаксическую функцию субъекта, о чем подробнее сказано в первой главе.

Если винительный падеж, обозначающий первый объект, является чисто синтаксическим, т. е. выражает только отношение определяющего к определяемому, то творительный падеж орудия и средства, находящийся в тесной связи с глаголом, несет в то же время и семантическую нагрузку, характер которой определил самое название этого падежа. Таким образом, он является семантико-синтаксическим падежом, но не чисто семантическим, т. е. не адвербальным⁷⁸.

Отдельные группы конструкций творительного с общим значением орудия и средства входят в дублетные и синонимические отношения с другими способами выражения орудийного круга значений—предложными и беспредложными падежными формами имен существительных. Орудийные значения предложно-падежных форм развиваются в процессе переосмыслиния их первоначальных конкретных значений. Функционируя в своем новом орудийном качестве, эти сочетания в известной мере еще сохраняют связь с пространственными значениями, что создает

⁷⁸ В ряде современных исследований по падежным проблемам творительный орудия в противоположность нашей точке зрения причисляется к семантическим (адвербальным) падежам (см.: J. Kigurđowicz. Le problème du classement des cas, стр. 142, 148; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 1, стр. 140; Р. Мразек. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа, стр. 43—46).

особые оттенки смысла у предложно-падежных сочетаний в сравнении с беспредложным творительным.

Конструкции творительного, синонимичные другим способам передачи орудийного значения, в соответствии с принципами, изложенными во вступительной части настоящей работы, выделяются в данном разделе в особые группы.

Собственно орудийное значение

§. 48. Предмет, обозначенный творительным орудийным, действует совместно с субъектом и по его воле. Он используется в процессе действия для создания нового объекта или уничтожения существующего, для перемещения объекта в пространстве, восприятия его и в ряде других действий над объектом.

Этот тип конструкций творительного является несравненно более многочисленным, чем какой бы то ни было другой. Примеры его в памятниках исчисляются сотнями.

Для того, чтобы показать все лексическое многообразие определяющего члена—имени существительного, ниже приводятся примеры конструкций с творительным падежом, образованным от имен существительных разных лексических групп.

а) Творительным обозначены части тела человека: ... й **лакты** ѡомж поғықадж ж наматадж бини. да тәмә не күні тадж брквли къ нәмоу. Супр. 502₁₈.

б) Творительным обозначены орудия труда, оружие, музикальные инструменты и другие неодушевленные предметы: й тқој шиғ брадниж бтаскнетж. Супр. 237₂; ёгда йсаңж **пилой** прғигирадж. Супр. 397₁; єдини отк кониц. **копиель** емсу рөкәл проходе. Ио XIX, 34, Мар. 395₂₇; на қәләпі по ғұфадж ет свѣтіхомы органы наша. сірғұқ пәлтүрж і гжел сімі во пәлтами ғесж Клоц. 7₃₅; а дикбек зөвегъ **гъслеми** и пласаци. Макед. глаг. лист. 8; пәкемж **каменийм** лица йылды кити. Супр. 74₁; искемж... **соукномык** кастрирати раны ёго. Супр. 161₁₇.

в) Форму творительного имеет название вещества: көле дүкө й **водой** башылаешин тұло бжине. Супр. 457₉.

г) Форму творительного принимают названия явлений природы или физических свойств предметов, воздействующих на объект: Днє^б. сұнандае не заходаще. **свѣтомъ** кѣл мираж сази. Син. евх. 1^б₂₃; грѣшие ї **теплостинж** ржкы сююма. Супр. 516₁₃.

д) Форму творительного имеют названия неконкретных или невещественных по значению предметов: **молітвамі**. пріено илан кәзкесеміль есі. Киев. мисс. 53₁₁₋₁₃; Тогда шедшіе фарисеи. Слѣдѣтъ сътвориша на нѣ да облестатъ і словомъ. Мат. XXII, 15. Мар. 79₂₂, Зогр. 32, Ассем. 62₅, Савв. 27.

е) Форму творительного имеет название животного или итицы: *окъца трабавшгима* блжкомъ. *бкцейж лачжтъ локъци.* Супр. 328₂₃; Гї вже вседржитемо ... при пракеднѣмъ ион. пришесткие *стадо* чюего *лхд.* Казѣтия *емоу голжвемъ.* Син. евх. 16₁₋₅.

ж) Форма творительного образована от названия лица. Это лицо в состоянии действовать самостоятельно, но в данной ситуации выступает как принадлежность субъекта, находящаяся в его распоряжении. Способность лиц к самостоятельному действию вносит в значение средства особый оттенок. По отношению к действию они выступают как истинные его исполнители, лишь направляемые волей субъекта. Например: *Ты еси въ нашъ скобожден отъ работы фарауша. мосъомъ родъ искрѣнскъ.* Син. евх. 5^в; *Семоу же ставшоу талкомъ рече мѣченику. покори ми сѧ члобѣс.* Супр. 60₂₄.

Так как существует возможность произвести действие при помощи другого лица, то случаи, когда субъект действует собственными силами, т. е. является истинным деятелем, могут быть специально подчеркнуты формой творительного падежа местоимения 3-го лица. Ср. примеры из Супрасльской рукописи: *стали же совоѣ чоудо чо.* 550₄; *й яко совоѣ носигъ стый.* бтъ єфратга рѣки поштижъ волж. 551₂₂.

Для конструкций с творительным собственно орудийным во всем их объеме в старославянском языке не было синонимов. Лишь в отдельных случаях существует возможность синонимических сближений творительного с разными предложно-падежными формами.

Так, при глаголе *мѣрити* в орудийном значении отмечен не только творительный без предлога, но и винительный с предлогом *въ.* Ср. примеры: *тоож ко мѣроиж юїжкѣ мѣрити вазмѣрити сѧ камъ.* Лука VI, 38, Мар. 218₂₈; *въ июже мѣрж мѣрити намѣрити сѧ камъ.* Марк IV, 24, Мар. 128₂₉⁷⁹.

По значению близки к орудийным некоторые конструкции с местным падежом и предлогами *въ* и *на.* Ср., например: *іаэки ваззаглажтъ нокы. і въ ржкахъ змиꙗ ваззмажтъ.* Марк XVI, 18. Мар. 185₃; *і на ржкахъ ваззмажтъ чл.* Лука IV, 11, Мар. 206₂₅.

⁷⁹ В древнерусском языке винительный с предлогом *въ* в орудийном значении известен с более обширным кругом глаголов. Ср. некоторые примеры: Тогда блаженныи поисле ударити въ било. Киево-печерский патерик 37; Вструбимъ в златокованую трубу. Моление Даниила Заточника 131; позвониша заутрьюно рано у святых Софии въ колоколы. Слово о полку Игореве, 62 (примеры взяты из работы: Р. С. Лион. Некоторые случаи развития предложных конструкций в значении орудия и средства действия в древнерусском языке: — «Ученые записки Ивановского гос. пед. ин-та», т. XVII, 1958, вып. V, ч. 2, стр. 54).

Местный падеж с предлогом *κα* мог служить для обозначения музыкального инструмента как средства действия: *καὶ ποιεῖ... κτὶ γ(λ)ασθέχτ.* Син. ис., LXX, 22, 88₁₀; *Ιπσεῖς δατε σὺ τὸ εἰκόναντον* Син. ис., XXXII, 2, 39₆ (т. е. на гусях).—*K.X.*

Ср. также использование местного с предлогом *κα* для передачи греч. ἐν τῷ ὕδατι βαπτίζω—азъ прида *въ водѣ кръста* Ио. I, 31, Мар. 317₂, Зогр. 137, Савв. 145, *въ водахъ кръста* Асsem. 281₂ (в другом месте в соответствующем обороте слово *вода* имеет форму творительного: *Αὕτη οὐκέται καὶ νεροῦ* Мат. III, 11, Мар. 7₆).

В Саввиной книге инструментальную функцию выполняет местный падеж с предлогом *ο* в примере: *διὰ οὐλής σκάλης σκαλάριον* *εἰς καμάραν*. Мат. VII, 2, 11 (в Мар.—*ιαυμένον* *κο* *εἰς λαβάν* *εἰσῆλθε*, 18₁₅; так же в Зогр., 7, Асsem., 68₁₄₋₁₅).

В Зографском кодексе эта конструкция наблюдается в следующем примере: *αἴτη μὲν τούτοις μεταλλαγαῖς βάδεται. οὐτε θεάτρῳ οὐτε στάθμῃ* Марк IX, 50, 64 (в Мар.—*чилисъ осомите*, 153₂₆); по там же в другом месте—творительный: *чилисъ осомите εἰς Ματ. V, 13, 3*⁸⁰.

Существует возможность смыслового сближения с творительным орудия некоторых конструкций родительного с предлогами *οὗτος* и *изъ*. Ср., например: *ιδεῖς τὴν ψυχὴν καὶ χαλκὸν κατεβάσαις. δασκάλης γάρ παντες οὐτὸς εἰσιν*. Мат. XXVI, 27, Мар. 99₁₉; *κακοὺς γάρ παντες οὐτὸς εἰσιν. ιδεῖς τὴν ψυχὴν οὐτοῦ*. Син. евх. 42¹⁵.

Инструментальное значение имеет родительный с предлогом *οὗτος* в примере: *πορεύεσθαι οὐτὸς στολεσκὸν πίστηντον*. Клоц. 7₃₉.

В текстах Евангелия известны колебания между оборотом «родительский + предлог *οὗтος*» и творительным падежом. Ср., на пример: *οὐτὸς στολεσκὸν καὶ σκοῖχτον*. *εὑρακαδίσθησαν* Ио. І 87₂ *οὐτὸς στολεσκὸν σκοῖχτον*. *εὑρακαδίσθησαν* Мат. XII, 37, Савв. 20. Но: *ιδεῖς στολεσκὸν σκοῖχτον* *εὑρακαδίσθησαν* Мар. 40₂₂₋₂₃, Зогр. 16, Асsem. 80₂₂ (в греческом оригинале—предложная конструкция: *ἐκ τῶν λόγων σου καταδικαζθῆσαν*).

Значение единицы обмена

§ 49. При переходных или возвратных глаголах, обозначающих продажу, а также куплю или приобретение вообще, для передачи значения средства, при помощи которого осуществлялся обмен, употреблялась форма творительного. Например: *με πάτε μι πτηνά κέντηντον εἰς πίνακαν μετέβημα*. Лука XII, 6,

⁸⁰ К. Горалек высказывает предположение, что в переводе этого оборота не был единственным уже первоначальный текст Евангелия (К. Ногáлек. Evangeliáře a čízveroevangelia, стр. 142).

Мар. 252—253, Асsem. 251; коупимъ **дѣвѣма** сътома иѣназыкъ хлѣбъ. Марк VI, 37, Мар. 138₁₇₋₁₈.

В этом значении известны также местный падеж с предлогом **на** и винительный с предлогом **за**: прѣдалъ **еси на** юхъ съ ревиркнїцѣхъ. Клоц. 7^в₂₆; чесо ради **муро** **се** не продано **кысрга** на тѣ иѣназыкъ. Ио. XII, 5, Мар. 366₁₅, Савв. 73; что **ко** дасгъ чакъ измѣнилъ **на** дши **своен**. Марк VIII, 37, Мар. 147₂₄, Марк VII, Савв. 64₉ (в Зогр. 61: **за** дашъ **свој**).

Значение присоединяемого предмета

§ 50. Форма творительного в этой группе конструкций сочетается с переходными глаголами, объединенными общим семантическим признаком активного действия, имеющего целью осложнить тот или иной предмет. Обычно это глаголы совершенного вида с приставками по-, с-, за-, оу-, къ-, съ-.

При глаголах **покрыти**, **полагти**, **помазати**, **замазати**, **посыпать** в форме творительного стоят названия различных неодувшевленных предметов, в том числе жидких и сыпучих веществ. Например: **блажж** іѡсифа й никодима... не кризмла ик **плаштаницейж** кога покрыкаша. Супр. 458₇; **крокъж** **сего** склучте помазахъ прагы дѣбрин. Клоц. 6^в₃₅; **замазаки** **слинами** і **брениемъ**. **слѣпому** рождашу сѧ. Син. евх. 33₄₋₅; **и** покрѣгашемъ сѧ на земи й **прѣстийж** **посыпакашемъ** глаглы **сюмъ**. Супр. 108₂₄.

При глаголах **вкорѣжити**, **сказати**, **прѣпотасаги** формой творительного выражаются и конкретные и абстрактные понятия: прѣтиги... море житинское. **крестомъ** **вкорѣжка** сѧ. Син. евх. 84^в₁₋₂; прѣпотѣши сѧ **терѣдниж**. **постомъ** и **вѣдѣніемъ**. Син. евх. 84₂₃.

При глаголах **склонити**, **оградити**, **осѣтати**, **ококати**, **окрѣменити**, **оквати** формой творительного обозначаются различные неодувшевленные конкретные предметы, а также отвлеченные понятия, например: **мънози** **блажи** бѣходатъ **къ** одѣждахъ **свѣачъ...** **кrottкоїж** **склонени** **кожеїж**. Хиланд. лист., 10₁₄₋₂₁; **и** **къ** тѣхъ **нивахъ** єдини **бѣаше** **бѣкта** **сланоуткомъкъ**. Супр. 40₂₄; **Придѣте** **къ** мнѣ... **къ** **сѣ** **окрѣменени** **таготоиж**. Син. евх. 85^в₁₅₋₁₆.

При глаголе **женити** (оженити) формой творительного обозначается лицо женского пола. Например: **и** **женан** **са** **поуштеновъж** отъ **мужа**. прѣлики чѣоригъ. Лука XVI, 18, Мар. 273₂; **Ты** **ко** **иродъ** **посѣлѣхъ** **матъ** **исана**. . . **иродиѣды** **ради** **жены** **филила** **братра** **своего**. **Что** **ожени** **са** **сїж**. Марк VI, 17, Мар. 136₁₅. Асsem. 310.

Мы относим конструкции с творительным при глаголах же-
нити—оженити к числу присоединительных, основываясь на
мнениях Фр. Миклошича и А. А. Потебни, считавших, что здесь
оженити означает собственно 'снабдить женой'⁸¹.

*Значение материала,
из которого создается объект действия*

§ 51. При переходных глаголах, обозначающих созидание, на-
звание материала или вещества, из которых создается объект,
имеет форму творительного падежа. Эта разновидность конструк-
ций характеризуется в старославянском страдательной формой
глагола, который определяется при помощи формы творитель-
ного. Например: *той паки глинянымъ врыннёмъ граничаремъ*
сѧткоенѣ быти. Супр. 396₂₀; *сє на колесници златомъ* покованѣ
сѧждж. Супр. 368₁₃.

Для обозначения материала в старославянском служили
также местный падеж с предлогом *къ*, родительный с предло-
гом *отъ* и родительный с предлогом *изъ*, например: *положи*
є къ ногамъ скоемъ грекъ. *іже исѣче въ камени.* Мат. XXVII,
60, Мар. 110₂₄; *сѧткои вича отъ връкни.* Ио. II, 15, Мар. 320₁₉;
Брътвъ іс камене. Клоц. 14₁₀.

Эти падежи могли быть употреблены и при страдательной
форме глагола, т. е. в условиях, полностью совпадающих с ус-
ловиями творительного, например: *і вложи і къ грекъ.* *іже въ*
исѣченъ въ камене. Марк XV, 46, Зогр. 77 (в Мар. 183₄ исѣченъ
отъ камене, во Врачанском ев. 159 ис камене).

*Значение вещества, которым наполняют
или насыщают объект действия*

§ 52. В форме творительного ставилось название вещества
при переходных глаголах наполнения или насыщения, напри-
мер: *Да бѫдхъ ѿко тѣка на зданніихъ.* *Іже прѣкде коздрѣка-*
ник исѣше. **Е**їже не испахни ржки скоемъ жанемъ. Син. пс., CXXVIII,
7, 172₇.

В названных условиях наряду с творительным в старосла-
вианском известны также родительный беспредложный и роди-
тельный с предлогом *отъ*, например: *или еси небесскъмъ піцъ*
наситілъ. Киев. мисс. 49₂₋₃; *Ништата его насытигъ хлѣба.*
Син. пс. CXXXI, 15, 173₁₅; *наполните водоносы воды.* Ио. II,

⁸¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II.
М., 1958, стр. 448.

7. Мар. 319₂₁; напланиша пештерж каменія. Супр. 216₂₈₋₂₉; і же-
лаше насытити чрѣко ское отъ рожецъ. Лука XV, 16, Мар. 269₁;
испана и отъ рыбou. Марк VI, 43, Мар. 139₅; I натроу я отъ
тouка пкшенична. Син. пс. LXXX, 17, 110₈,

*Значение предмета,
которым одевают объект действия*

§ 53. В творительном стоит название одежды при переходных глаголах одевания, например: **маньтицж...** одѣтъ са. Син. евх. 99₁₃; шаѣша **хламидож** чръвленојж. Син. евх. 49^в₂₅; **пеленамі** і саде поеваетъ са. Клоц. 14₁₂; и лице его **оуброусомъ** оказано. Но. XI, 44, Мар. 364₁₄, Зогр. 158, Савв. 71, Асsem. 162.

В тех же самых лексических условиях встречается также винительный с предлогом въ, например: одѣтъ **са въ маньтицж.** Син. евх. 97₁₇; **окиты-и въ плаштаницж.** Мар. XV, 46, Мар. 183₃; і единъ юнеша етѣръ по немъ иде. одѣнъ **въ плаштаницж...** Марк XIV, 51, Мар. 176₁₈; и **въ ризж** не облачаще са. Лука VIII, 27, Мар. 229₂₂.

**3. Падежи при глаголах движения
и глаголах состояния**

§ 54. При глаголах некоторых семантических групп отмечаются падежи со специфическими значениями, возможными только при этих глаголах.

Позиции падежей, о которых идет речь, маргинальны (периферийны). При этом центральные позиции часто остаются незанятыми, так как глаголы, к которым относятся падежи, — преимущественно субъектные, т. е. не имеющие первого определяющего члена, выраженного падежной формой.

Есть серьезное основание для того, чтобы расценивать связь, существующую между глаголом и падежом, как тесную: особенностью этой связи является лексическая однородность первого, определяемого, члена падежной конструкции (глагола).

В то же время не подлежит сомнению известное сходство отношений, сложившихся в этих конструкциях между определяемым и определяющим членами, с отношениями свободной связи. Как известно, особенностью отношений свободной связи является однородность лексического состава определяющего члена — имени существительного в пределах данной функции или значения. В тех значениях, которые будут рассмотрены ниже, лексический состав имен существительных весьма неширок; в каждом значении он ясно очерчен определенными семантическими рамками. В том случае, если при глаголе стоит несколько маргинальных

падежей, в их сплении нельзя усмотреть какого-либо внутреннего порядка. Наконец, по типу выражаемых значений эти надежи, несомненно, конкретны.

Таким образом, несмотря на некоторые признаки тесной связи надежей с глаголом, в строгом смысле их нельзя назвать грамматическими: целый ряд особенностей родит их с чисто конкретными прилагательными надежами. Обращает на себя внимание непрекное распространение конструкций данного типа в старославянском, их остаточный характер. Ясно видны и причины, вызвавшие эти результаты: развитие предложно-падежных форм, вытесняющих беспредложные, авербализация или переход в идомы беспредложных форм. В этом отношении эти конструкции полностью разделяют судьбу надежей, связанных с глаголами отношениями свободной связи.

1) Надежи при глаголах движения

Значение направления

§ 55 В значении направления движения в старославянском языке зафиксированы два беспредложных надежа — винительный и дательный, первоначально различавшиеся по смысловым оттенкам.

Смысловые различия между этими надежами в старославянском, по-видимому, уже стиралась, о чем говорят случаи взаимной мены этих двух надежей в однотипных условиях контекста. Ср.: *помежъ крагы чвєта подъкожие ногама чвєтима*. Марк XII, 36, Мар. 166₁₆, Мат. XXII, 44, Мар. 82₅; *помежъ крагъ(и) чвєта подъкожию ногама чвєтима*. Лука XX, 43, Мар. 292₅.

Известно, что винительный беспредложный направления в старославянском языке очень редок. В. Вондрек считает, что значение направления в примерах с винительным беспредложным было переосмыслено в значение места, что видно на примере из Супрасльской рукописи: *странж сѣкера бѣгъ града бѣгаштѣ чвѣло моего*. 154₂₄⁸². Винительному направления обязаны своим появлением старославянские наречия типа *вънъ*, *низъ*, *близъ* и т. п.

Более ясно значение направления ощущается в примерах из древнерусского языка, где винительный беспредложный — форма, так же, как и в старославянском, исключительно редкая — употреблялся от названий населенных пунктов⁸³. По мнению Л. П. Якубинского, функции более раннего беспредложного винительного в древнерусском языке принял на себя дательный беспредложный, после того как винительный был

⁸² В. Вондрек. Древнеруско-славянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 11.

⁸³ См. Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 173.

окончательно специализирован для выражения прямого дополнения. Лишь в соединении с глаголом *канити* винительный беспредложный заменялся не дательным беспредложным, но винительным падежом с предлогами⁸⁴.

Проследить детали замены винительного беспредложного темы или иными падежами, без предлогов или с предлогами, для старославянского языка представляется чрезвычайно затруднительным из-за большой редкости в нем беспредложных падежей, обозначавших направление. Однако несомненно то, что их утрата связана с развитием предложно-падежных форм направления — и в первую очередь винительного — с предлогами *къ* и *на*.

Что касается дательного направления, то для древнерусского и старославянского языков А. Б. Правдин различает несколько его типов в зависимости от значения слова, стоящего в дательном падеже⁸⁵. В старославянском языке встречаются два из этих типов.

1. В форме дательного падежа стоят имена существительные нарицательные, представляющие собой названия неодушевленных предметов, например: *і шеджинъ доложи скрѣгъ строковицъ лежацъ на сдрѣкъ*. Марк VII, 30, Мар. 143₁₁; *дѣбрацами съмештграцъ долоу*. Супр. 184₈. Дательные падежи этого типа — формы, в большей или меньшей мере адвебиализованные.

2. В форме дательного падежа стоят имена существительные, представляющие собой названия лиц, а также относящиеся к лицам местоимения. Дательный падеж обозначает лицо, к которому направлено движение. Например: *се церкъ чкинъ градетъ тѣвѣкъ*. Ерс текъ. Мат. XXI, 5, Мар. 73₂₁; *се цѣсацъ чкинъ градетъ ти прабѣдикъ*. Супр. 337₅₋₆; *придѣлъ ти Ѹѣ ганѣ...* Супр. 299₁₈. Особняком от отношению к указанным стоит пример: *й бѣрацъ сѧ по немъ ходицемоу народоу* рече Савв. 33, где глагол, сочетающийся с дательным, не имеет значения передвижения.

Какие предложно-падежные формы приняли на себя функции дательного направления? Ответ на этот вопрос зависит от понимания того смыслового оттенка, который присоединялся у дательного падежа к значению направления. А. Б. Правдин доказывает на ряде примеров, что «в древнерусском дательном направления содержалось не только то значение, которое впоследствии стало передаваться винительным с предлогом *въ*, но и значение места, по отношению к которому достигается пространственная близость, т. е. то, что в современном русском

⁸⁴ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 175.

⁸⁵ А. Б. Правдин. Дательный прилагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 6—12.

языке выражается дательным с предлогом *к*⁸⁶. Эта семантическая характеристика представляется нам приложимой и к старославянским примерам. Нет сомнения в том, что по отношению к лицу (см. примеры второй группы) речь могла идти только о достижении пространственной близости, в то время как по отношению к разным предметам значение направления соединяло в себе оба названных оттенка.

*Значение пространства,
полностью охватывающего движение*

§ 56. Это значение передается винительным беспредложным в сочетании с глаголами, обозначающими движение. Типичной здесь является трехчленная конструкция: имя существительное в винительном падеже уточняется с количественной стороны именем числительным или определительным местоимением. Количественная характеристика имела подразумевается и там, где согласование определение отсутствует. Есть основания говорить об идиоматизации конструкций с винительным пространства. Примеров немного: *и сама се гжжи отъ нихъ*. *Что връжение камени*. Лука XXII, 41, Мар. 300₂₋₃; и даже когда поясняет гла по си ч. *понърище единю*. *иди съ нимъ да кѣ*. Мат. V, 41, Мар. 13₂₂.

В. Вондрек определяет это значение следующим образом: «винительный здесь отвечает на вопрос „как далеко, как длинно, как широко, как высоко...“»⁸⁷. А. Вайан называет винительный данного типа «надежм пространства и меры»⁸⁸.

К данному семантическому типу близок и винительный при переходных глаголах движения, отличающихся от соответствующих непереходных своими приставками, например: *и проходжащъ всѣ галиаєж исѣ*. Мат. IV, 23, Мар. 9₂₀. В некоторых работах по винительному падежу этот тип конструкций описывается в ряду обстоятельственных по значению⁸⁹. Однако чаще винительный пространства при переходных глаголах с приставками квалифицируется как падеж прямого дополнения, и именно по той причине, что он в этих случаях сочетается с переходными

86 А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках, стр. 11.

87 В. Вондрек. Древнепечерковнославянский синтаксис, стр. 40.

88 А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 205.

89 См., например, кандидатскую диссертацию Х. М. Сайкиева «Конструкции с винительным падежом в современном русском литературном языке» (М., 1950), в которой примеры типа *Я живо проскакал Терское и Дарьльское ущелье* описываются в разделе «Пережитки в значении конструкций с винительным падежом» (стр. 118—119). В «Грамматике русского языка» АН СССР винительный пространства с непереходными и переходными глаголами также рассматривается отдельно от винительного объекта (т. II, ч. I, стр. 121).

глаголами. В. Вондрак пишет: «Многие непереходные глаголы путем прибавления приставок становятся переходными. Таковы в особенности глаголы движения, как ити, бречити, лазити, ле-тѣти, лѣсти, илоугти и т. д.: въсѣжъ жиడокъскж землѣ прошелъ. Супр. 128₁₂₋₁₃; проѣмѹкаше рѣкж Супр. 191₁₇⁹⁰. А. Вайан, повторив это утверждение, предлагает некоторые дополнительные иллюстрации: доушж пренидетж. Лука II, 35; проходжааше ... грады. Мат. IX, 35; проходите море. Мат. XXIII, 15; мимоходите сѧдъ. Лука XI, 42; проғѣща въсѣж странж Марк VI, 55⁹¹.

Особую позицию в этом вопросе занимает В. А. Богородицкий, который определяет винительный пространства (а также винительный времена) как падеж дополнения и при переходных, и при непереходных (субъектных) глаголах: «... винительный падеж может служить дополнением при глаголах как переходных, так и непереходных для показания *времени*, в продолжение которого совершается действие, или *пространства*, которое проходят, проезжают и т. п.; очевидно, в этом случае время и пространство представляются как непосредственный объект действия (напр., я шел *версту* пешком, я читал *целый час*)»⁹².

Мы полагаем, что винительный, образованный от имен существительных со значением пространства, синтаксически функционировал как прямой объект при тех переходных глаголах, обозначающих передвижение, которые не имели при себе другого имени существительного в форме винительного падежа, т. е. в примерах типа проѣмѹкаше рѣкж. При субъектных же глаголах (т. е. в примерах типа приведенного выше — і самж ог҃тжши стъ нихъ. *ко връжениe камени*), а также при переходных, имеющих при себе, кроме винительного пространства, какое-либо другое имя существительное в форме винительного падежа (т. е. в примерах типа — и аще като поимечъ ча по симъ. *попиршиe единю*), значение прямого объекта у винительного пространства отсутствует. Формы, тесно связанные происхождением и семантикой, оказываются в этом случае разобщенными в плане синтаксического функционирования.

Значение исходного пункта движения

§ 57. Родительный беспредложный, выражавший значение исходного пункта, отмечен в старославянском немногочисленным примерами. Например: да съподобиғе сѧ субѣжани. въсѣжъ сихъ. Лука LXI, 36, Мар. 296₁₄, Савв. 55; не налѣтга сѧ извѣ-

⁹⁰ В. Вондрак. Древнепечерковнославянский синтаксис, стр. 9.

⁹¹ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 205.

⁹² В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 223.

жати ржкоу моеф. Супр. 7₆; съшина ддама бтча долъ йспадана Супр. 429₂₂; апостолъска йогж(и)куз радиоу. Супр. 426₁₃; монастыра бгашадана. Супр. 290₉, срдцемъ далече отъгогорга ба. Клоц. 2₉; саганегъ его. Син. евх. 44^в₉₃.

Более авторитетной формой для выражения значения исходного пункта был родительный с предлогом отъ, например: й вѣжатъ бтъ лица ёмоу иенакидаши иего. Супр. 22₁₉; отъгѣкти отъ него. Син. евх. 46₃; і молиша и касъ народъ ... отити отъ нихъ. Лука VIII, 37, Мар. 231₃; отъгѣжити отъ мене каси дѣлаете иенракадѣ. Лука XIII, 27, Мар. 262₃.

С глаголом исасти в значении исходного пункта действия употребляется для обозначения разных оттенков пространственных отношений наряду с родительным беспредложным родительным с предлогами отъ, изъ: бтъ колика мѣста йспадѣ. Супр. 410₈; йспадѣ йс породы. Супр. 429₁₅.

С глаголом изѣкти мы отметили родительный с предлогом изъ: изѣкти із него. Син. евх. 58^в₁₉; ізѣкти ісего раба. Син. евх. 46₁.

Значение конечного пункта движения

§ 58. Родительным падежом без предлога обозначался конечный пункт движения. В этом значении родительный сочетался преимущественно с глаголами, имеющими приставку до-, например: добеди ма ѿца твоего. Син. евх. 36^в₂; й докеджше пешти. Супр. 39₆; доідѣ йкопийска града. Супр. 51₅; й дошедж бусорони вѣси Супр. 46₉.

Чаще в этом значении наблюдается родительный с предлогом до (в сочетании с бесприставочными и приставочными глаголами). Например: иетра же иѣдаша по немъ из далече. до двера архипреева. Мат. XXVI, 58, Мар. 103₂, Савв. 87; й текжити йде плачжити са до стағго лїжжа. Супр. 43₂₈; прѣдѣмъ оукъ до витлеема. Лука II, 15, Мар. 197₂₄; доідоша конакжити до скелдъ крѣчажкииыхъ. Супр. 52₁₁; лойде до стропа. Супр. 300₂₃.

Значение пространства, на одном из участков которого происходит движение

§ 59. Определяемым членом конструкций с этим значением является глагол движения (преодоления пространства). Надежная форма — творительный беспредложный — в наших примерах образована от имени существительного пажъ, например: Из-

⁹³ Здесь привлекаются примеры родительного от имен существительных конкретной семантики при глаголах движения в их прямом значении.

бно. иджею і бы пъткык. рече єдинъ къ немоу. идж въ алфах чеве. Лука IX, Савв. 40.

В лексических условиях, характеризующихся указанными выше ограничениями, употребляется также дательный с предлогом по. Например: Быстъ же иджештемъ по пъти. рече єдинъ къ немоу. идж по тевѣ. Лука IX, 57, Мар. 239₁₉.

Значение пространства, используемого как средство достижения цели

§ 60. Это значение выражалось творительным беспредложным. Форма творительного образуется от названий предметов, имеющих сквозные отверстия, которые мыслятся как средства, используемые для изменения положения предмета в пространстве. Глаголы, обозначающие продвижение или проникновение, имеют приставки *къ-* и *изъ-*. Примеры: *входань дверьми*, *пастырь сеѓь овцама*. Ио. X, 7, Мар. 357₃₋₄, Зогр. 155; *входите ждыкими враты*. Мат. VII, 13, Мар. 19₂₄, Зогр. 7, Ассем. 246; *васко* еже *входитъ въ оуста*, *къ чѣбо* *въмѣшатъ сѧ*, *и афедрономъ* *исходитъ*. Мат. XV, 17, Мар. 52₂₀; *дверьми* *ишедъ* Син. евх. 41²¹; *подкизайте сѧ* *внити*. *тѣсными враты*. *въводацими* *въ жи-
вотъ*. Син. евх. 69²²₁₈.

Творительный в этом значении заметно сближается в старославянском с оборотами «винительный + предлог *сквозь*» и «винительный + предлог *къ*». Ср. предложно-падежные формы в тех же контекстах, которые выше характеризовали употребление творительного: подкизягте *сѧ* *внити* *сквозь тѣсна(Ф)а* *врата*. Лука XIII, 24, Мар. 261₁₅, Зогр. 112, Ассем. 124 (в Савв. 44 *къ* *тес-
ная врата*); не *входитъ* *емоу* *къ* *срѣдище* *и* *къ* *чѣбо* и *сквозь* *афедронъ* *исходитъ*. Марк VII, 19, Мар. 142₁₆, Зогр. 59.

Значение средства передвижения

§ 61. Это значение выражалось формой творительного беспредложного, сочетавшейся с глаголами движения, например: *Идж въ поусъто мѣсто корабель* едини. Марк VI, 32, Мар. 137₂₉, Зогр. 57.

Более обычным для старославянского языка способом передачи значения средства передвижения была конструкция местного падежа с предлогами *въ* и *на*, например: *И съшакъ ис-
оѓиде отъ тоудѣкъ въ корабли*. Мат. XIV, 13, Мар. 49₇; *сего на
рашѣхъ...* *носитъ*. Супр. 458₉; *принесенаго на носилѣхъ*. Син.
евх. 39₈⁹⁴.

⁹⁴ Ср. примеры из древнерусского языка: *поиде Олегъ...* *на кораб-
ляхъ*. Лаврентьевская летопись, 18; *иде Ярославъ...* *въ лодьяхъ* — там же,

2) Падежи при глаголах состояния

Значение локализации состояния

§ 62. В этом типе конструкций форма творительного падежа определяет субъектные глаголы, обозначающие состояние, изменения в состоянии, а также пребывание субъекта в определенном месте. Во всех наших примерах субъектом является лицо, а падежом обозначены его физические или психические атрибуты (части тела и органы, дух, совесть, разум и т. п.), в которых локализуется состояние. Например: въ пактыж суспе. въ пактыж оумрғж. И аль къстренета. Клоц. 12^в₅₋₆, спр. Супр. 448₆; Ношташ срѣдьцемъ глоумѣхъ са. И клаџаше ахъ мої. Син. пс. LXXVI, 7, 97^в₁₅; пактиж бглажихъ са бгж тѣкѣ. из доуходомъ са твоюж юсмъ. Супр. 295₁₇; тѣлесемъ на томѣ мѣстѣ. а мыслиж на бномѣ. Супр. 343₁₂.

Творительный рассматриваемого значения часто образуется от названий заболевшей части тела и сочетается с глаголами болезни, страдания, например: иоша иѣкъи... ногама раслабѣ. Супр. 518₁₉; Мо^ж надъ главою колаіемъ. Син. евх. 28^в₃.

Отношение, выражаемое творительным локализации состояния, может быть передано и другим способом. Часть субъекта, в которой концентрируется состояние, может быть представлена как самостоятельный субъект, а отношение его как части к целому выражается с помощью дополнительных средств — приименных падежей. Например: отглѣстѣ во срѣдїе людени сихъ. Мат. XIII, 15, Мар. 43₁₄; и ако прозрѣсте има очи. Мат. XX, 34, Мар. 73₉.

Значение внутренней причины состояния

§ 63. Примеры этого типа в старославянском многочисленны. Конструкции образуются субъектными глаголами состояния и именами существительными в форме творительного падежа, обозначающими различные внутренние, присущие самому субъекту, причины этих состояний, например: и вѣдѣ миръ трасжитъ са страхомъ. Супр. 426₂₉; азъ же гладомъ гыклѣ. Лука XV, 17, Мар. 269₄, Зогр. 115, Асsem. 139, Савв. 53; бни рѣкѣностиж захъяжти са хотѣдѣж. Супр. 398₂₉; ни оуклони са гиѣкомъ отъ раба твоего. Син. евх. 77^в₂₄.

стр. 103; Твърдиславъ же бяше немощнъ и вывезоша и на санкахъ. Новгородская 1-я летопись. Синодальный список, 94 (см. Р. С. Лион. Некоторые случаи развития предложных конструкций в значении орудия и средства действия в древнерусском языке, стр. 52).

В рамках контекстов с тождественными лексическими признаками творительный стоит ближе всего по значению к родительному падежу с предлогом отъ, например: *отъ страха же его оттрасла ся страждущая*. Мат. XXVIII, 4, Мар. 112₂, Зогр. 45, Асsem. 222, Савв. 115; *що міг изнеможетъ отъ піштеты*. Син. пс. LXXVII, 10, 116₁₃; *Славяте сѧ отъ боязни око мое*. Син. пс. VI, 8, 5^в₁₆.

Другие способы выражения этого значения: родительный с предлогом ради, винительный с предлогом за, дательный с предлогом по. Ср. примеры: *закиши ради прѣдаша и архиереи*. Марк XV, 10, Мар. 179₂₃, Зогр. 76; *егда же родитъ отроча, къ томоу не помлнитъ скрѣбъ за радость*. Ио. XVI, 21, Мар. 383₆, Зогр. 167, Савв. 97; *по области дхмъ нечестивъ велики и послушающъ его*. Марк I, 27, Мар. 118₁₃, Зогр. 48.

Значение внешней причины

§ 64. Это значение выражалось творительным падежом, форма которого отмечена в сочетаниях с субъектными глаголами состояния, перехода из одного состояния в другое, существования (бытия). Имя существительное обозначает лиц, различные неодушевленные предметы, а также некоторые отвлеченные представления, которые мыслятся вне субъекта. Примеры: *женойъ възрастѣ злое*. й женойъ йстѣкающъ лоучашага. Супр. 251₇; *къ вифаний быша Христосомъ дѣлеса*. Супр. 343₁₆; *по вѣса мѣста вѣвѣжъ знаменія стѣнъ василискомъ*. Супр. 19₄; *дрѣвъ(ъ)никъ* (же) *к(р)ижъникъ* разве(и)никъ и въ рѣ вѣсели сѧ. Праж. глаг. отр. 22; *если бо приемашъ ножъ ножемъ погибнѣть*. Мат. XXVI, 52, Мар. 102₁₀, Зогр. 41, Асsem. 180, Савв. 86; *и проглагашъ вѣса*. *сѧконаша сѧ мечелъ*. Супр. 181₁; *ісъ вѣсего мира грѣхъ вѣсприимъ суретъ да сурѣткива грѣхъ вѣскрѣнетъ праждой*. Хиланд. лист. 8₃₋₈.

Значение, близкое к рассмотренному, могло быть передано наряду с творительным другими средствами: винительным с предлогом за, родительным с предлогом ради, родительным с предлогом дѣлами. Ср. примеры: *за избраниемъ же прѣкрадлагъ сѧ дамъ ти*. Мат. XXIV, 22, Мар. 89₂; *избранныхъ ради иже избра прѣкрадитъ дами*. Марк XIII, 20, Мар. 170₂; *понеже за змиꙗ блѣкохомъ сѧ Ха дѣлама сѧвицѣмъ сѧ*. Супр. 90₂₃.

§ 65. Считаем важным обратить внимание на некоторые особенности функционирования беспредложных падежей, связанных с глаголами отношениями тесной связи. Это касается их распространения и взаимоотношений с синонимичными формами.

В большинстве случаев вертикальные ряды конструкций с этими падежами весьма богато представлены лексическими вариантами. Диапазон лексических вариантов суживается от центральных позиций к более периферийным. Синонимы и дублеты беспредложных падежей — падежи с предлогами — появляются уже в позиции первого определяющего члена глагола; их количество возрастает от центра к периферии, и уже к значительной части конструкций беспредложного творительного орудия и средства в старославянском языке имеются параллельные конструкции с предложно-падежными формами.

II. ПАДЕЖИ, СВЯЗАННЫЕ С ГЛАГОЛАМИ ОТНОШЕНИЯМИ СВОБОДНОЙ СВЯЗИ

§ 66. При отношениях свободной связи между определяемым и определяющим членами падежной конструкции главным условием существования падежа является качество имени. Лексический состав определяющего члена в границах того или иного значения может быть сведен в известную ограниченную однородную группу, определяемый же член, наоборот, характеризуется лексическим многообразием. Данная особенность падежей, связанных с глаголами отношениями свободной связи, родит эти падежи с наречиями. Суффиксы наречий по самой своей природе соединяются с определенным числом корней, лексическое значение которых согласуется со значениями суффиксов.

Рассматриваемый тип отношений между определяемым и определяющим совпадает с особым — чисто семантическим — типом падежного функционирования и особым — наиболее маргинальным — положением падежа по отношению к глаголу — чертами, также сближающими падежи с наречиями.

Таким образом, вырисовывается общий адвербальный облик конкретных беспредложных падежей, отражающих древний тип падежного функционирования.

В отличие от грамматических падежей конкретные падежи не являются единственно необходимыми средствами реализации синтаксического отношения империи к управляющему им глаголу. Употребление конкретного падежа не вытекает из лексико-семантической природы глагола. Здесь возможны замены одного падежа другим в одном и том же значении, употребление наречий на месте падежей. Полностью отсутствует также какой-либо внутренний порядок в соединении одного конкретного падежа с другим при одном и том же глаголе.

Характеризуя позиции конкретных падежей, Е. Курилович указывает, что ни один из них ни более централен, ни более маргинален, чем другой. По своей позиции конкретный падеж колеблется между истинным наречием и чисто грамматической

падежной формой, занимая промежуточное место между ними; все конкретные падежи находятся в одном и том же синтаксическом классе⁹⁵. Эти замечания имеют непосредственное отношение именно к падежам, связанным с глаголами отношениями свободной связи, и только для этих падежей они действительны.

Беспредложные падежи, связанные с глаголами отношениями свободной связи, являются в старославянскомrudimentами. В одних значениях они окончательно авербализуются, в других — становятся на путь синтаксической идиоматизации. Смысловое сближение с предложно-падежными формами, возникшее задолго до описываемого состояния языка, приводит в старославянском к явному перевесу последних в семантических значениях.

Памятники дают картину активного вытеснения беспредложных падежей широко распространенным предложно-падежными дублемами. Предложно-падежные конструкции соижаются с беспредложными на всем протяжении вертикальных рядов их лексических вариантов, объединяемых рамками падежных значений. Более того, диапазоны предложно-падежных конструкций в каждом из семантических конкретных значений шире диапазонов конструкций беспредложных падежей в тех же самых значениях.

Предложные сочетания не только заменяют собой старые беспредложные формы в том или ином значении, но усиливают и развивают эти значения. «В общем, — писал А. А. Потебня, — отношение с с твор. к беспредложному социативному должно быть сходно с отношением позднейших предложных падежей — винительного, родительного (с ablativом), дательного, местного — к замененным ими беспредложным. Т. е. как напр. местный без предлога не выражает в точности именно тех отношений, какие заключены для нас в нашем предложном с в, на (напр.: жрътва же юго облацехъ са коснетъ, 1499, Бул., Гр., II, 301), так социативность нашего с с твор. не равна социативности древнего беспредложного твор. социативного, несмотря на то, что эта разница иной раз может быть для нас неощутима»⁹⁶.

Для того, чтобы с максимальной точностью решить вопрос о взаимодействии беспредложных падежей с предложно-падежными формами, следовало бы, по существу, привлечь к исследованию все старославянские падежи с предлогами. Однако подобное изучение падежей с предлогами — задача особой работы. Поставив в центр внимания беспредложные формы, мы в данной работе ограничиваемся рассмотрением только тех падежей

⁹⁵ J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 144.

⁹⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 434.

с предлогами, которые находятся в наиболее очевидном и непосредственном соприкосновении с беспредложными.

§ 67. Выражение семантических значений средствами беспредложных падежей осуществляется в старославянском двумя путями; сочетания глаголов с беспредложными падежами в семантических значениях по своему строению разделяются на два типа. В первом типе сочетаний для выражения семантического значения достаточно присутствия падежной формы без каких бы то ни было относящихся к ней определений. Во втором типе сочетаний семантическое значение создается не только лексикой имени существительного в форме падежа, но и лексикой относящегося к нему грамматического определения, например имени числительного, определительного или притяжательного местоимения. Ср.: *ношитъ сѣтъ... ноштишъ* *кодж.* Супр. 55₁₂₃, *но: єдношъ ноштишъ вѣсъ вѣка измѣнилъ.* Супр. 91₇. В последнем случае сочетание глагола с падежом приобретает более сложную структуру; по существу оно представляет собой уже два словосочетания.

В соответствии с этим различием в структуре сочетаний описание беспредложных падежей в семантических значениях делится на две части.

1. Значения, для выражения которых беспредложными падежами присутствие определений не обязательно

Значение места, в одном из пунктов которого происходит действие

§ 68. Из числа беспредложных падежных форм в этом значении в старославянском известен местный падеж.

В. Н. Топоров установил, что хотя эта форма и находилась в старославянском уже в состоянии деградации, однако оставалась все еще живым явлением: беспредложный локатив места обычно появляется в тех текстах, где особенно отчетливо выражены индивидуальные черты говора иисца⁹⁷.

Случай беспредложного местного падежа в рассматриваемом значении в текстах встречаются очень редко, и не все примеры одинаково бесспорны. В. Н. Топоров приводит в качестве наиболее надежных следующие: *сѣтаго онъ на го* *Ѳебдора архиепископа* *цириградѣ.* Ассем. 272; *въиѣшиа* *ланцианзий* Ассем. 283; *сѧконѧча* *сѣтаги* *ииси бѹсорефѣ*; *сѧкои ємоу вѣси.* Супр. 47₁₂₋₁₃; *сѧтъ сѧхра* *боги наша семик мѣстѣ.* Супр. 81₃. В этой группе примеров форма местного падежа образована от имен собственных —

⁹⁷ В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 186.

названий населенных пунктов — и от одного нарицательного — *мѣсто*.

Для обозначения места, в одном из пунктов которого происходит действие, старославянский язык располагал средствами более продуктивными и более точно изображающими положение предмета в пространстве, чем местный падеж без предлога. К ним принадлежит, в первую очередь, местный падеж с предлогами *въ* и *на*. Некоторые примеры: *въ ѿслѣхъ раждаѧ сѧ*. Клоц. 13^в₃₁; *въ водѣ* погрекенъ. Хиланд. лист., 8₁₀₋₁₁; *просѣкъши сѣлацаѧ въ тѣлѣ*. Син. евх. 63^в₂₀; *Ли въ напасти сѣхъ*. ли *въ паѣниѣ*. ли *въ тѣльници*. Син. евх. 79^в₁₄; *да ведетъ волѣ твоѣ*. *ко на ибен и на земли*. Мат. VI, 10, Мар. 15₂₂; *и иже на кроѣ да не сълазитъ взяти еже есть г҃к храмъ* его. Мат. XXIV, 17, Мар. 88₁₅₋₁₇; *просторы нозѣ скон на распонѣ*. Син. евх. 35^в₁₀.

Мы полагаем также, что беспредложный локатив места заключал в себе некогда и те значения, которые впоследствии стали передаваться при помощи местного падежка с предлогами *при* и *о*, например: *сѧ* оуко падж *при* ижти. Мат. XIII, 4, Мар. 42₁₂; *сутроу же акие быкшию*. *ста иѣ при врѣзѣ*. Ио. XXI, 4, Мар. 400₁₅; *ищъ же вѣ единъ ... иже лежаще при вратѣхъ*. Лука XVI, 20, Мар. 273₇; *Затвори о немъ двери*. Син. евх. 36₅.

Не исключена также смысловая близость к беспредложному локативу места древнего винительного с предлогом *о*: *и въ ки-тании быша об онѣ полѣ* изгдана. Ио. I, 28, Мар. 316₂₁⁹⁸.

Значение промежутка времени, в один из моментов которого происходит действие

§ 69. В этом значении в старославянском отмечено употребление приближающихся к наречиям близких между собой по значению беспредложных местного, творительного и винительного падежей, образуемых от некоторых имён существительных с темпоральной семантикой.

Местный падеж: *Полоуношті* *къстахъ*. Син. пс. CXVIII, 62, 158^в₁₂; *полоуношти* же *къпъ* *бытъ*. Мат. XXV, 6, Мар. 92₁₂; *и идетъ къ немоу полоуношти*. Лука XI, 5, Мар. 246₁₃; *не вѣстѣ ко кѣдѣ гдѣ* *дому* *приидетъ*. *вечеръ ли. ли полоуношти*. Марк XIII, 35, Зогр. 72 (в Мар. 171₁₃; *въ полоу ношти*); *да не вѣдѣтъ вѣстко* *баше зими* *ни вѣ* *свѣтъ*. Мат. XXIV, 20, Мар. 88₂₂₋₂₃ (в Ассем. 166₂₆; *въ сѣвѣтъ*); *а оутрѣ* *къ* *огнѣ* *каметомо*. Мат. VI, 30,

⁹⁸ Предлог *о*, употреблявшийся с винительным, по отношению к предлогу *о* (с местным или винительным) первоначально был семантически самостоятелен (см. об этом: В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 199).

Мар. 18₂ (в Савв. 13: **утро**); і наїхалъ отрокъ **тому часу**. Мат. XVII, 18, Мар. 59₂₁ (в Савв. 23: **утро того часа**); **тотъ почи**. Син. евх. 48^a⁹⁹.

Винительный падеж: і мимо ходашгте **утро** видаша смоковницж **сухахшъ**. Марк XI, 20, Мар. 161₈; **Утро же** възврашгъ сѧ **къ граду квадама**. Мат. XXI, 18, Мар. 75₈ (в Пик. находим **утро**): **нашъ** **сухинъ** **утро**, **пакатъ** **дѣмателъ** **кинограду** **своему**. Мат. XX, Мар. 69₁₅ (в Остр.—**сущано** **заутра**, в Савв.—**заутра**); **не вѣтре** **во** **когда** **га** **дому** **придетъ**. **вечеръ** **ли...** **и** **утро**. Марк XIII, 35, Мар. 171₁₂₋₁₄; **Мо** **на** **трамо** **вече** Син. евх. 46₁₉; **помам** **и** **вечеръ** **трици**. Син. евх. 46^a₂₄; **сътворен** **вечеръ** **прѣданіе** **свое**. Син. евх. 47^b₂; і **сухинъ** **и** **трети** **день** **блгстанетъ**. Мат. XVII, 23, Мар. 60₉ (ср. Марк X, 34, Мар. 157₉₋₁₀); **блгстягъ** **третъ** **денъ**. Син. евх. 67₂₄.

Творительный падеж: **попиткъ** **къ** **и** **въ** **врѣдлкомъ** **раждаestъ** **и** **а**. Клоц. 14₈; **Приде** **же** **и** **никодимъ** **пришеды** **къ** **исѣи** **попиткъ**. Ио. XIX, 39. Мар. 396₁₄, Зогр. 172, Ассем. 212; **Или** **попиткъ** **гла**. Син. евх. 54₈; **исаггъ** **стый** **бгъ** **ѣфрага** **рѣки** **попиткъ** **водж**. Супр. 551₂₃.

Кроме этих трех беспредложных падежей, в данном значении известен также родительный; конструкции с родительным временем требовали, однако, обязательного присутствия грамматического определения к имени существительному, поэтому они рассматриваются особо (см. ниже, стр. 117—119).

С беспредложными падежами в старославянском успешно конкурировали более продуктивные и постоянные формы выражения времени: винительный с предлогами **къ** и **и**, местный с предлогами **въ** и **на** и некоторые другие. Подбор темпоральных по значению имен существительных был здесь значительно более разнообразным, чем в конструкциях с беспредложными падежами.

Наиболее часто значение времени, в один из моментов которого происходит действие, выражалось винительным с предлогами **къ** и **и**, например: **придетъ** **гна** **раба** **чего**. **въ** **день** **въ** **ниже** **не** **чаєтъ**. **І вѣ** **часъ** **въ** **ниже** **не** **вѣтре**. Мат. XXIV, 50, Мар. 91₂₃₋₂₄; **достигнъ** **и** **въ** **совоцъ** **добро** **щкорити**. Марк III, 4, Мар. 123₂₃; **въ** **единицѣ** **же** **на** **десате** **годинѣ** **ишедъ**. **обрѣтѣ** **дроугыя** **стояштыя** **праздники**. Мат. XX, 6, Мар. 70₁₋₂; **въ** **четврткѣ** **же** **стражж** **почи**. **ідѣ** **къ** **шинахъ** **и** **зъ** **хода** **по** **морю**. Мат. XIV, 25, Мар. 50₉; **въ** **девятки** **часъ**. Син. евх. 50₁₈; **възвратитъ** **и** **на** **вѣчеръ**.

⁹⁹ Примеры местного падежа со значением времени см. в кн.: В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 186—187.

и взмачжихъ ѿко пещ. Син. пс. LVIII, 1, 72₁₄; на патиностинки денъ. показавъ намъ проображеніе. Син. евх. 64^в₁; идетъ на коладж. сноуарѣ. Син. евх. 103^в; растянутъ на вѣсъ прѣмѣна и присо. Син. евх. 34^в₂₄.

Примеры местного с предлогами къ и на в значении времени в старославянском ограничены¹⁰⁰. Вот некоторые из них: *и* заматорѣвши къ днѣдѣлъ мноозѣхъ. Лука II, 36, Мар. 199—200; *въ* житиѣтъ моявъкъ. Син. пс. LXII, 5, 76₃; мѡногашти на семъ житиѣ пакости творилъ еси. Клоц. 9₉; дашти моѣ на конъчиныѣ естъ. Марк V, 23, Мар. 132₂₁.

Для обозначения времени в старославянском известен также местный падеж с предлогом при, например: склади *съ* пама ѿко при вечерѣ естъ. Лука XXIV, 29, Мар. 310₁₅.

Как очень редкое явление в Суздальской рукописи зафиксирован родительный с предлогом къ в значении времени: глаголаше *ко* йахъ. братиша по сиғенъ вѣжѣ дружинна выхомъ. *въ* маловремененѣаго сего житиѧ. Супр. 72₈; *въ* сего *ко* днѣвъ жизни йиинань дѣло. Супр. 427₄.

Винительный падеж с предлогами ок и о в значении времени: ізидѣ *въ* горѣ мониги *са* и *вѣ* об пошти *въ* монигѣ. Лука VI, 12, Мар. 216₇; *об* пошти *въ* сїж траждаше *са* не *расомъ* ничечо. Лука V, 5, Мар. 210₂₂; *й* *въ* сїж зиж помибажиремъ памъ. юдка *и* *мѣто* взмогеша *са* прияти садокъ... Супр. 301₂₂.

В смысловой близости беспредложных и предложных форм выражения времени наглядно убеждают примеры с чередованием этих форм. Некоторые примеры: *Въ* денѣ замокѣтъ гѣ мноозѣхъ скотъ. И поирыж пѣшихъ ѿго сиға миє. Син. пс. XLI, 9, 55^в₈; *Въ* денѣ аудиаще не ожежетъ чесе. Ии лоуна поириж. Син. пс. CXХ, 6, 168₂₂; *въ* мої къзовъж *въ* денѣ і не сузынишій. и поириж і не *въ* безоумле млиѣ. Син. пс. XXI, 3, 24^в₂₁; аште кого ходитъ *въ* днѣ не потажиетъ *са*. ѿко сѣть мија *сего* видитъ. аште ли кого ходитъ поириж. потажиетъ *са*. Ио. XI, 9—10, Мар. 361₁₇, Зогр. 157, Ассем. 158—159; Савв. 68—69; *въ* же *въ* днѣ оуча *въ* цркви. а поириж въдѣрѣаше *са* исхода *къ* горѣ... Лука XXI, 37, Мар. 296₁₇, Зогр. 128.

Значение цели

§ 70. Значение цели выражалось в старославянском языке дательным падежом, который употреблялся в этом значении при глаголах как переходных, так и непереходных, с неоднородной

¹⁰⁰ См. В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках, стр. 204.

семантикой. Примеры: *шткѣса са дѣбрь покаанью*. Син. евх. 98₅; *зарі оубо дајчнаго текѣ властъ обладанью*. Син. евх. 82²₂; *глобо къзданью сатворити имаш*. Кѣ дена сграшнаго сѣда за диш его. Син. евх. 82¹⁵₁₅; *азз вѣхъ иношеною имъ*. Син. пс. CVIII, 25, 145²⁵₂₅; *бѣдакѣнишъ жже приѣ*. Супр. 246₁₄; *бѣбѣнишъ ножъ наости*. Супр. 389₁₀.

Как правило, дательный цели образуется от имен существительных отлагольных, обозначающих действие или состояние. Поэтому пример *положжъ брагг(i) твоѧ подъложио ногама твоима*. Лука XX, 43, Мар. 292₅, где в форме дательного стоит название конкретного предмета, следует, в противоположность А. Б. Правдину, трактовать как дательный направления¹⁰¹. Наше понимание этой формы поддерживает ее чередование с винительным направления: *положжъ брагги твоѧ подъложио ногама твоима*. Марк XII, 36, Мар. 166₁₆ (ср. также Мат. XXII, 44, Мар. 82₅).

Более распространенными, чем дательный беспредложный, средствами выражения значения цели в старославянском языке были некоторые предложно-падежные формы. К ним относятся прежде всего винительный с предлогом *къ* и винительный с предлогом *на*, например: *сѣ естъ кѣкъ. мѹжъ ізмѣдѣма за кѣ.* вѣ оставленье грѣхомъ. Клоц. 7¹³₃ (вѣ отъпогашеніе грѣхомъ 7¹³₃₃); *змѹнижъ рождъ са прѣятъ. змѹнижъ і вѣ погрееніе і азгоуи црѣмлетъ*. Клоц. 14₁₃; *коупиша ... сѣло скажделниково. вѣ по-грѣбание сгранчныи*. Мат. XXVII, 7, Мар. 105₁₆₋₁₈, Зогр. 42; *и прѣдадатъ і на поржгание вѣзкомъ*. Мат. XX, 19, Мар. 71₁₃₋₁₄.

Убедительно свидетельствуют в пользу смысловой близости винительного с предлогом *къ* к дательному цели случаи чередования этих форм в близких условиях контекста. Ср. примеры, отмеченные в одном и том же тексте: *Даєши намъ имѧ твоѧ цѣленію*. отъ вѣтъ недѣла. і отъ вѣтъ болѣзни. і цѣленію і онѣренію. Син. евх. 41₄; но: *Да имѣтъ жъ вѣ очищеніе душамъ и гѣломъ*. Син. евх. 5₁₆₋₁₇.

К дательному цели был близок по смыслу и винительный падеж с предлогом *за*. Ср., например: *За освѣніе вѣхъ насъ душа прѣдъ гдѣмъ. го помолимъ са*. Син. евх. 60₂; *та момичъ ... за наше спине*. Син. евх. 61¹⁸₁₈.

Уже из приведенных примеров видно, что дательный цели иногда можно рассматривать как форму, близкую к приименной, или как прилагольную и приименную в одно и то же время. Отмеченная А. М. Пешковским специфическая черта

¹⁰¹ А. Б. Правдин усматривает в этой форме «скорее дательный цели, чем дательный направления» (см. «Дательный прилагольный в старославянском и древнерусском языках», стр. 20).

слабоуправляемых падежей — их относимость то к одному, то к другому слову в предложении — находит в дательном цели яркую иллюстрацию. Любопытны чередования в одном и том же тексте дательного цели и родительного приименного: *шѣмъ спинъю приѧти*. Син. евх. 94₉; приеметъ кокоулъ. *нѣзѣловиѣ*. Шѣмъ спениѣ. Син. евх. 97₅₋₆.

К дательному цели близок по смыслу инфинитив. Ср. пример, в котором на месте инфинитива мы вправе ожидать отглагольное имя существительное в дательном падеже: *ты еси ... въ миловать и спасати*. Син. евх. 24₄ (ср. 66₁₄).

Значение совместности

§ 71. Беспредложная падежная форма — творительный падеж — в этом значении встречается в старославянском языке очень редко: мы смогли обнаружить в изученных текстах только два примера, приведенные ниже, и оба эти примера трудно считать бесспорными.

В первом примере в отсутствии предлога можно видеть и фонетическое явление, во втором — предлог, собственно, существует, хотя он и добавлен после написания строки. В памятниках других славянских языков творительный беспредложный со значением совместности или отсутствует, или встречается очень редко¹⁰².

Примеры из старославянского: *и́динъ же и́ккай сты́мъ мж-ченникомъ василеёльъ бы́кий по сакончаний и́го прѣшадъ въ ёни-понъскія сѣгданы*. Супр. 538₇; что *се тако съ мытары й грѣшники* *тастъ й пиргъ*. Марк II, Савв. 66 (в последнем примере предлог *съ* поставлен над строкой; ср. в других кодексах: *по чьто съ мытари и грѣшники* *жесте и плаете*. Лука V, 30, Мар. 213₂₀, Ассем. 103).

Глаголы, определяемые формой творительного со значением совместности, по-видимому, могли быть разнообразными по семантике¹⁰³. Если субъект действия — лицо, то для выражения значения совместности и в форме творительного должно быть название лица; отклонения от этого соответствия создавали возможность для образования у формы творительного других значений¹⁰⁴.

¹⁰² См. сб. «Творительный падеж в славянских языках», стр. 43.

¹⁰³ Ср. замечание А. М. Пешковского о том, что в русском языке сочетание творительного с предлогом *с* в значении совместности приложимо к любому глаголу (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 286).

¹⁰⁴ Ср. наблюдения Д. С. Станишевой над употреблением творительного социативного с предлогом *с* в славянских языках (см. сб. «Творительный падеж в славянских языках», стр. 46—54).

Уже в старославянском языке в качестве специальной формы для выражения значения совместности выступает творительный с предлогом *съ*. Ср. некоторые примеры: и ты *съ назарѣниномъ ислыкъ*. Марк XIV, 67, Мар. 178₉; *Фады съ мѣною хлѣбъ каздни же на ма прѣмѣненіе ское*. Ио. XIII, 18, Мар. 372₂₀.

Значение образа действия

§ 72. В этом типе конструкций форма творительного определяет глаголы, которые семантически разнородны. При субъекте-лице лексика определяющего глагол члена ограничивается именами существительными неодушевленными, чаще всего невещественного значения. Здесь мы находим целую гамму ощущений, эмоций, психических свойств, которые, будучи связаны с субъектом-лицом в момент действия, характеризуют также и его действие. Например: *кес прѣстани напаѣй слази скоѣ گraigre. сѧзали мола са*. Макед. глаг. лист. 5; *азъ же правъдоюж аблъ съ ліцю чѣкоему*. Син. пс. XVI, 15, 17₁₈; *И казарѣбъ на на гиѣволукъ скрѣба с окаменѣши گرдица ихъ*. Марк III, 5, 23—28, Ассем. 149₂₀ (в Мар., Зогр. и Савв. творительный с предлогом *съ*: *съ гиѣволукъ* Мар. 124₃, Савв. 60, *съ гиѣволукъ* Зогр. 51).

Рассматриваемое значение передается в старославянском также предлогом *къ* в сочетании с винительным падежом имени существительного; например: *г҃радечъ сѫдитъ землї. Сѫдигі каселенії въ правъдѣ. И мѡлѧчи рѣснотою своєю*. Син. пс. XCV, 12, 126⁸; *въ істинѣ же г҃ихъ вѣли ...* Лука IV, 25, Мар. 208₇. Однако этот способ возможен только в применении к словам *правда* и *истина* и, по-видимому, не может быть распространен на все случаи данной категории.

Есть основания для семантического сближения некоторых конструкций творительного беспредложного и местного с предлогом *къ* в значении образа действия. Ср., например: *въ слѧзѣ глашаетъ исходъ его...* Лука IX, 31, Мар. 236₂₀; *въ мирѣ сѫти имѣніе его*. Лука XI, 21, Мар. 248₁₂.

Во всем объеме своих конструкций творительный беспредложный со значением образа действия семантически взаимодействует с оборотом «предлог *съ* + творительный». Ср.: *и моманіе кога съ сѧзали*. Супр. 282₂₀; *съ радостию приемлѧти слово*. Лука VIII, 13, Мар. 227₁₅.

Значение временного состояния субъекта, возникшего в результате его превращения в другой предмет (существо)

§ 73. Беспредложный творительный с этой семантикой обозначает особый вид или облик, который принимает субъект-лицо в момент действия. Глаголы, с которыми творительный соче-

таются, могут быть, по-видимому, разнообразными по семантике, хотя в наших примерах отсутствуют несомненно переходные. Имена существительные, принимающие падежную форму, имеют значение различных неодушевленных предметов, а также живых существ и мифологических персонажей, в которых превращается субъект на время действия. Например: *імь самъ еси кельзъолъ.* *і невидимъ.* *Или грудъ.* *Или животынолъ.* *видѣннелъ акаѣва са.* *Или змиекомъ.* *и мъ звѣринолъ лицемъ.* *Или коурениемъ.* *Или дымомъ* *стеролик видимъ.* *Или ѿко огна вазгарата са.* *Или привидѣннелъ са* *авѣтъ.* *Что же* *може* *женеска* *пола.* *и мъ женескъ.* *Или гадомъ.* *Или птищеj.* Син. евх. 54₁₋₈; *и молашти са отбрѣзъ са* *неко.* *І съниде* *ахъ* *сты.* *тѣлесънкъимъ зракомъ.* *Что* *олже* *на* *и.* Лука III, 22, Зогр. 87, Мар. 28₁₇; *Прѣлжакъ* *ко* *и* *нечистый* *брагъ* *вжиемъ* *рдакомъ* ... *багтабъ* *на* *праведнаго* *блаждныи* *имоу* *нападе* *вѣсомъ.* Супр. 521₆; *и* *аште* *кде* *остакаиена* *выкаше* *ко* *тѣ* *свѣтомъ* *баклаше* *са.* Супр. 81₉.

Творительный падеж подобного типа известен и в современных славянских языках, хотя, можно думать, сфера его употребления здесь значительно уже, чем в древних. Так, А. В. Исаченко полагает, что в современном русском языке рассматриваемое употребление творительного падежа ограничено определенным кругом идиоматических сочетаний¹⁰⁵.

Это значение может быть выражено в старославянском также при помощи оборота с союзом *тако*. Например: *и* *киша са* *прѣдъ* *иими* *Что* *блажди* *гли* *ихъ.* *и* *не* *имѣахъ* *иахъ* *вѣры.* Лука XXIV, 11, Мар. 308₂₂ (т. е. в виде или в качестве лжи). Временное состояние субъекта выражается также и именительным падежом. Ср. пример при глаголе *иакмати са:* *и мъ самъ еси кельзъолъ...* *авѣтъ са...* *идолескъ.* Син. евх. 54₁₅.

Значение временного, но естественного для субъекта состояния в момент действия

§ 74. В отличие от значений творительного падежа в предшествующей группе конструкций, где эта форма обозначала временный облик субъекта, возникший в результате его превращения в другой предмет, творительным падежом может быть обозначено и естественное состояние субъекта, например, его возрастная или социальная характеристика. Ср.: *Матеръ* *что* *хѣ* *рождашися* *та.* *къ* *путь* *ко* *вѣмени.* *І* *дѣвокъ* *въ* *истинѣ.* *тѣ* *ти* *приходимъ* *къ* *моменту.* Син. евх. 86₂₃₋₂₆.

¹⁰⁵ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 1, стр. 140.

А. А. Потебня называл это значение творительного аппозитивным, подчеркивая, что его следует отличать от предикативного¹⁰⁶.

2. Значения, для выражения которых беспредложными падежами присутствие определений обязательно

§ 75. Выше было сказано, что определяющий член падежной конструкции — падежная форма имени существительного — в некоторых значениях наблюдается в обязательном сопровождении имени числительного, прилагательного, местоимения или в сопровождении родительного падежа отношения. Границы падежной конструкции в этих случаях расширяются, она выходит за рамки простого двучленного словосочетания.

Семантическое значение создается в таких сложных конструкциях лексическим значением не только имени существительного, но и согласованного с ним или вообще определяющего его слова.

В текстах эти сложные конструкции встречаются редко; их объем в том или ином семантическом значении обычно невелик. Есть основания для того, чтобы считать конструкции рассматриваемого типа синтаксическими идиоматизмами.

Специфика функционирования беспредложных падежей в составе сложных конструкций весьма затрудняет возможность синонимических сближений.

Значение времени, полностью охватывающего несовершенное действие

§ 76. Это значение выражалось в старославянском языке:

- 1) формой винительного падежа имени существительного темпорального значения, с которой согласовано местоимение *весь*;
- 2) формой имени существительного темпорального значения, согласуемой с именем числительным количественным в винительном падеже;
- 3) формой имени существительного темпорального значения, управляемой числительным количественным в винительном падеже.

Некоторые примеры: чадо *сѧде* весь день праздник. Мат. XX, 6, Мар. 70₄₋₅; *стоїкъ на сѧдицѣ...* вѣжъ поиѣкъ *стоу-
дашъ*. Син. евх. 48₂₃; *трѣпѣхъ весь денікъ*. Син. евх. 74⁸₁₈; *Весь
день сѧтоуя хѡждахъ*. Син. евх. 76₁₆; *и вѣжъ зимѣ помѣш-
ашъемъ на мѣ. юдка... къзмогоща сѧ приѣти садокъ*. Сунр. 301₂₂; *вѣ
нона въ чѣкѣ киркѣ. три днин и три пошти*. Мат. XII, 40,

¹⁰⁶ Об этом значении творительного см. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 489—490.

Мар. 41₅; *ноңж са. м. днин и. м. ноңни.* послѣдъ же възьмака.
Мат. IV, 2, Мар. 8₁; і вѣтъ тоу въ поустыни *къ дынъ.* искоушаемъ
согонюж. Марк I, 13, Мар. 117₄.

При отрицании на месте винительного времени встречается родительный падеж: не възможе *единого часа побудѣти сѧ мнюж.*
Мат. XXVI, 40, Мар. 101₂₋₃.

Значение времени, полностью охватывающего совершенное действие

§ 77. Это значение выражается формой творительного падежа имени существительного, которая определяется количественным числительным, уточняющим длительность времени. Имя существительное, принимающее форму творительного, обозначает отрезок времени (в наших примерах—части суток), например: можемъ *бо се сгборити.* аштѣ *хощемъ.* *единѣль дынемъ.* Клоц. 8⁸₁₈; *са рече можъ разорити црквь бжийж.* і *трьми дыньми* создати тѣж. Мат. XXVI, 61, Мар. 103₁₂, Ассем. 181, Савв. 87; *једнојж ноштиж* вѣсъ *кѣкъ* измѣнишъ. Супр. 91₆₋₇.

Значение точно определяемого промежутка времени, в один из моментов которого происходит действие.

Значение даты

§ 78. Эти значения выражаются в старославянском языке родительным падежом.

Родительный времени указывает, что действие происходит в рамках какого-либо промежутка времени, но не в течение всего этого промежутка. Структурной особенностью конструкций родительного времени является присутствие форм, согласованных с именем существительным в родительном падеже¹⁰⁷. Примеры: *събраща же сѧ мѣсяца мана.* Супр. 201₂₂; *бѣлѣрѣже сѧ потрѣбъ миросъскыи* хъ. *беслаѓо на десате скоя кресты лѣта.* Супр. 279₁₄.

Значение времени трудно поставить в связь с каким-либо другим значением родительного прилагательного. В. А. Богородицкий предполагал, что аналогичные русские конструкции типа *прошлого года* создались на почве приименных конструкций родительного со значением принадлежности, типа *в январе прошлого года*, где родительным падежом точнее определяется другое имя существительное со значением времени¹⁰⁸. По мнению

¹⁰⁷ В древнерусском языке в подобной синтаксической ситуации мог быть употреблен творительный времени. Ср. пример, отмеченный Е. С. Истриной: *приде... мртъмъ мцемъ* (Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 162).

¹⁰⁸ В. Богородицкий. Синтаксис родительного падежа в русском языке. — РФВ, 1912, т. LXVII, № 3, стр. 212.

В. А. Богородицкого, пропуск определяемого имени существительного в приименной конструкции привел в русском языке к переходу приименной формы в прилагольную.

Р. Вечерка, автор исследования о родительном беспредложном с временным значениями в старославянском языке, обращает внимание на тот факт, что в старославянских канонических памятниках, кроме Супрасльской рукописи, нет несомненных примеров родительного времени, а в Супрасльской рукописи родительный с этим значением представлен всего четырьмя случаями¹⁰⁹.

Более продуктивны в старославянском языке конструкции родительного даты, например; *Мѣсаца марта : днѧ*. Асsem. 254; *погрѣбъша поштихъ . . . мѣсаца марта въ зѣ днѧ*. Супр. 538₃₋₅; *мѣсаца марта зѣ . . . мужчинае стаихъ . . . мужчика*. Супр. 54₅; *мѣсаца марта въ зѣ . . . мужка стааго колдата*. Супр. 97₂₄. Р. Вечерка насчитывает в канонических старославянских памятниках до 350 примеров родительного даты¹¹⁰.

Со стороны состава эти конструкции отличаются следующими особенностями. Они включают название месяца в форме родительного падежа, стоящее перед порядковым числительным, которое указывает на день месяца. При этом имя существительное *днѧ* может входить в состав конструкции, но может и отсутствовать. Перед порядковым числительным, определяющим имя существительное *днѧ* или употребленным самостоятельно, может находиться предлог *къ*.

При объяснении генезиса конструкций с родительным даты Р. Вечерка опирается на работы Ф. Травничка и И. Зубатого, в которых рассматривается вопрос о номинативных предложениях со значением времени (F. Trávníček. Neslovesné věty v češtině, II. Věty nominalní, 1931; J. Zubatý. V ta doba, v ta doby atp.—Studie a články, II, Praha, 1954, стр. 44—53). Р. Вечерка считает исходными для конструкций родительного даты номинативные предложения типа *мѣсаца марта ё днѧ*, просто называющие обстоятельство времени. Одна из номинативных форм этого первоначального назывного предложения изменилась в генитивную. Порядковое числительное с именем существительным *днѧ* осталось в именительном падеже, который в ряде случаев мог быть понят как винительный. Важным основанием для такого толкования генезиса падежного значения является место, занимаемое в старославянских текстах конструкциями родительного даты. Как правило, они встречаются в заглавиях или в начале текстов, т. е. в положении, весьма

¹⁰⁹ R. Večerka. Genitiv data v staroslověnštině. — «Slavia», 1957, roč. XXVI, seš. 1, str. 38.

¹¹⁰ Там же, str. 31.

характерном также и для назывных предложений со значением времени. Случай обстоятельственного родительного времени, за- свидетельствованного в старославянском как большая редкость, Р. Вечерка считает особыми видоизменениями родительного даты. Родительный времени, зафиксированный в древнерусском и старочешском, представляется автору следствием сложного более позднего развития.

Итак, Р. Вечерка считает, что в назывных предложениях времени слово *месяцъ* в определенный период стали понимать как зависимое от слова *день*, и поэтому *месяцъ* приняло форму родительного падежа; иными словами, родительный даты был первоначально примененой, а не прилагольной формой. Такое толкование подтверждает мнение В. А. Богородицкого о генезисе родительного с временным значениями (выраженное, впрочем, в общих чертах) и представляется нам вполне правдоподобным. В свете этих данных становится объяснимой семантическая обособленность родительного даты среди других значений родительного прилагольного.

Специфичность структуры конструкций с родительным даты и их непродуктивность дают право считать эти конструкции синтаксическими идиоматизмами¹¹¹.

Значение совокупности

§ 79. Значение совокупности передается при помощи творительного падежа имени существительного собирательного без определения или при помощи имени существительного несобирательного и согласованного с ним местоимения *весь*. В последнем случае имя существительное приобретает переносное — собирательное — значение.

Конструкции со значением совокупности имеют обязательную особенность: единственное число формы творительного при множественном числе глагола. Глаголы разнообразны по семантике. Примеры: *Миромъ го помолимъ* (А. Син. евх. 98₁₈; *и всесѣдѣхъ сѧ всѣмъ деломъ*. Супр. 541₁₆; *радосаша сѧ всѣмъ домомъ*. Супр. 537₁₃).

Приведенные примеры представляют собой конструкции с не-переходными глаголами. Возможно, однако, допустить, что в старославянском был также творительный совокупности при переходных глаголах (типа: *миромъ делать что-либо*). На эту возможность указывают древнерусские примеры типа: *А боронити игумена и всех старчев всимъ Великимъ Новымъ Городомъ*. (Грамоты великого Новгорода и Пскова, 153)¹¹².

¹¹¹ В. В. Виноградов считает синтаксическим идиоматизмом родительный даты в современном русском языке (см. В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 176.)

¹¹² Пример из сб. «Творительный падеж в славянских языках», стр. 196.

*Значение причины действия или состояния,
заключенной в сфере предмета,
постороннего по отношению к субъекту*

§ 80. Творительный падеж с этим значением образуется от имен существительных отвлеченной семантики (среди них много отглагольных). Обязательным членом конструкции является определение падежной формы имени: местоимение, имя прилагательное или родительный падеж отношения. Глаголы разнообразны по семантике. Примеры: і молітвамі іхъ і заповѣдьмі твоїмі прієспікі намъ помоць твої. Киев. мисс. 52; завистиж дніаволіж сльвята вѣнице къ мира. Супр. 389.; вѣнезадатъ вѣсомъ многомъ снгекшемъ сѧ. придоша тѣштаниемъ старого мжченика конона. Супр. 38₂₈.

В плане синонимического параллелизма к творительному с этим значением близко всего стоит дательный с предлогом по. Ср., например: по жестосрѣдию вашему написа камъ заповѣдь сиѣ. Марк X, 5, Мар. 154₁₂; по глоу же твоему въвражемъ мрѣжж. Лука V, 5, Мар. 210₂₃; по воли его. вѣнѣкъ вѣдеть много. Лука XII, 47, Мар. 257₁₄.

*Значение характеристики действия
через признак субъекта*

§ 81. Творительный падеж с этим значением образуется от имен существительных, обозначающих части тела человека, его органы или психические атрибуты. Имя существительное определяется при помощи согласованного с ним имени прилагательного или страдательного причастия. Таким образом, так же, как и в предыдущих типах конструкций, зависимый член падежной конструкции может служить здесь полноценным определением доминирующего члена только как целое словосочетание.

Количество примеров в старославянском невелико. Вот некоторые из них: кроғакъ ко й кѣ здлокы вѣшшѣ рѣчиж простжж. Супр. 46₃₀; сърѣгѣ и оғз гроға чкъ. дхъмъ нечистомъ. Марк V, 2, Зогр. 53, Мар. 130₂₃.

Легко заметить, что определительное словосочетание (рѣчиж простжж, дхъмъ нечистомъ) в равной мере относится и к субъекту, и к действию, им производимому; действие характеризуется через характеристику субъекта. В этом отношении представляет интерес отмеченное нами чередование творительного разобранного типа с творительным приименным: ѹ абиє измѣз мрѣтвий. съвѣданама ржкама и ногама бўкрай. Супр. 317₆, но: изиде су-

меры. **овѣзанъ ногамъ**. Ио. XI, 44, Мар. 364₁₃, Савв. 71 (в Ас-
сем. 162; **овѣзанъ рѣкама**).

Можно полагать, что в пределах лексических ограничений, характерных для данного типа конструкций, простое словосочетание с творительным падежом (входящее в состав сложного трехчленного или четырехчленного) могло быть заменено в старославянском творительным с предлогом *съ*, имеющим при себе согласованное определение. Ср.: **добрѣка ти есть съ единѣмъ окомъ** *къ животъ бытии...* Мат. XVIII, 9, Мар. 62₈₋₉.

§ 82. Падежи, употребляемые при глаголах, отличаются богатым развитием и разнообразием сочетаний, функциональной многоплановостью, выражающейся в разных позициях падежной формы по отношению к глаголу и в разной степени ее связи с глаголом.

Картина приглагольного функционирования падежей, отразившаяся в языке старославянских текстов, при всей ее сложности позволяет обнаружить результаты некоторых важных тенденций, возникших, несомненно, в весьма отдаленные эпохи.

Беспредложные приглагольные падежи, вытесняемые в своих семантических значениях падежами с предлогами, продвинулись от периферийных позиций по отношению к глаголу к центральным позициям; произошло закрепление их за отдельными глаголами и целыми группами глаголов в качестве обязательных определяющих. При этом наблюдается полная или частичная потеря падежами первоначальных семантических значений, не отделимых от свободного типа связи, и превращение падежей в синтаксические (а также семантико-синтаксические) показатели. Окончания беспредложных падежей, перейдя за пределы сферы наречных показателей, стали знаками управления. Зона их употребления расширилась: падежное окончание как синтаксический знак может быть присоединено к любой именной основе.

Главное место в позиции первого определяющего члена глагола прочно принадлежит винительному — синтаксическому падежу, закрепление которого за глаголами делает последние переходными. Винительный, как правило, закреплен за глаголами невозвратными. Сильным конкурентом винительного при переходных глаголах является родительный падеж.

В особых лексических условиях, в целом неизмеримо реже, чем винительный, в позиции первого определяющего члена глагола, встречаются другие беспредложные приглагольные падежи: дательный, родительный, творительный, местный. Их можно наблюдать и в соединениях с возвратными глаголами, которые в этих случаях выступают как объектные. Сквозь объектные отношения, выражаемые названными падежами, иногда яв-

ственно просвечивают значения более конкретного порядка, утраченные в результате закрепления падежей за глаголами. Здесь передки колебания в выборе форм объекта (*величина* гношаєтъ сѧ — не взгніжши сѧ множ; іспадні сѧ золъ — испадни сѧ дхъмъ сткимъ и многие другие примеры).

Закрепление винительного падежа в позиции первого определяющего члена переходных глаголов отводит остальным косвенным беспредложным падежам при этих глаголах роль дальнейших объектов. Происходит упорядочение мест беспредложных падежей: уверенно намечается внутренняя перспектива в их расположении по отношению к определяемому слову — переходному глаголу. Беспредложные падежи мощно тяготеют к типу предложения с переходным глаголом и тремя последовательными определяющими его членами, характеризующемуся постепенным ослаблением связи между падежами и глаголами от центра к периферии и сокращением диапазона падежных конструкций в этом же направлении. Наибольшего размаха достигает употребление беспредложных приглагольных падежей в роли первого определяющего члена глаголов.

Процесс утверждения беспредложных падежей в центральных позициях по отношению к глаголу идет параллельно с потерей этими падежами периферийных позиций.¹¹³ Беспредложные падежи как средство выражения семантических значений переживают заключительный этап своей истории.

В выражении различных семантических значений, объединяемых рамками наиболее периферийной позиции по отношению к глаголу, широко участвуют предложно-падежные формы.

При общем сокращении диапазонов распространения беспредложных приглагольных падежей от центра к периферии в позиции первого определяющего в наибольшем диапазоне представлен винительный, в позиции второго определяющего — дательный, в позиции третьего определяющего —творительный.

Эти же падежи в типичных для них позициях выступают максимально свободными от синонимических связей¹¹³.

Максимальный диапазон конструкций и максимальная свобода от синонимов позволяют квалифицировать беспредложный винительный как падеж с первичной функцией прямого объекта,

¹¹³ Ср. аналогичное наблюдение, сделанное на материале русского языка: «Сильное... управление препятствует возникновению синонимических конструкций. Этим можно объяснить тот факт, что среди объектных конструкций сравнительно немного продуктивных, обобщенных (охватывающих большой лексический состав) синонимических рядов» (Д. В. Уткин. К синонимике объектных конструкций в современном русском языке, стр. 86).

беспредложный дательный — как падеж с первичной функцией объекта-адресата, беспредложный творительный — как падеж с первичной функцией орудия и средства. Местный падеж без предлога не имеет в старославянском первичной синтаксической функции.

Падежи с предлогами, как сказано выше, концентрируются преимущественно в периферийном положении; однако в то же время заметна тенденция передвижения их в более центральные позиции, вплоть до места первого определяющего члена глагола. Здесь употребление этих форм сопровождается утратой лексической семантики предлогов.

Г л а в а III

ПРИИМЕННЫЕ ПАДЕЖИ

§ 83. Во вступительной главе настоящей работы отмечалось, что в позициях, обслуживаемых преимущественно глаголами, именами прилагательными, наречиями, падежи имен существительных характеризуются специальными условиями употребления и в структурном плане являются производными формами.

Это замечание имеет непосредственное отношение к примененным падежам. Назначение примененных падежей состоит в том, чтобы распространять и делать более определенным понятие, обозначаемое определяемым именем существительным. Позиции, в которых находятся примененные падежи по отношению к определяемому им слову, отличаются от позиций прилагательных падежей с их ярко выраженной многоплановостью (падеж прямого объекта, падеж второго объекта и т. д.); примененные падежи занимают только первый план при имени существительном, которое они определяют. Синтаксическое употребление примененных падежей подобно синтаксическому употреблению имен прилагательных. А. Мейе писал о родительном примененном: «... родительный падеж имеет ... конструкцию во всех отношениях параллельную конструкции прилагательного, и один язык употребляет прилагательное... там, где другой употребляет родительный падеж...»¹.

Давняя конкуренция деноминативных имен прилагательных и примененных падежей в славянских языках служит лучшим доказательством того, что имя прилагательное и примененные падежи являются разными способами выражения одной и той же синтаксической функции. В древнюю пору истории славянских языков обычным средством выражения принадлежности живому существу было притяжательное прилагательное, производное от

---

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 352.

имени существительного; приименной падеж при выражении этого значения употреблялся в особых условиях². А. Мейе подчеркивал отличие в этом отношении славянских языков от других indoевропейских³.

«На протяжении истории отдельных славянских языков наблюдается лишь постепенное вытеснение словосочетаний «имя + согласуемое с ним прилагательное» словосочетаниями «имя + родительный падеж имени», и при этом не без воздействия других языков», — отмечает П. С. Кузнецов⁴.

В позиции, обслуживаемой преимущественно именами прилагательными, приименные падежи старославянского языка являются вторичными (производными) формами. Ни один из беспредложных падежей не имеет в качестве первичной синтаксической функции определяющего члена имени существительного.

Задача состоит в том, чтобы установить, какие семантические значения выражают приименные падежи без предлогов и нет ли среди них значения, являющегося первичным для какого-либо приименного падежа.

Не все конструкции с приименными падежами нужны для этих поисков. Первичное значение приименного падежа можно ожидать лишь в тех конструкциях, где определяемый член — имя существительное — выступает в своей первичной синтаксической функции — в функции субъекта — и где имя существительное имеет собственно именное (предметное) лексическое содержание.

Ниже мы даем обоснование этих ограничений.

§ 84. Во вступительной части настоящей работы в качестве важного предварительного условия было указано, что установление системы падежей по их первичному функционированию требует последовательного соблюдения следующего принципа: употребление падежей следует в первую очередь рассматривать при частях речи, выступающих в их первичных синтаксических функциях. Именно поэтому в главе, посвященной прилагательным падежам, речь шла об употреблении падежей приказуемом как первичной синтаксической функции глагола.

Исходя из этого же признака, приименным употреблением падежей следует считать в первую очередь их употребление в качестве определений независимого члена предикативной конструкции (субъекта). Приименные падежи в качестве определен-

² A. Meillet. Recherches..., стр. 145, 148; F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd IV, стр. 6—7; V. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, II. Göttingen, 1928, стр. 231; А. Вайап. Руководство по старославянскому языку, стр. 160, 209; С. Я. Макарова. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI—XVII вв. — «Труды Института языкоизучания АН СССР», т. III. М., 1954, стр. 27—29.

³ А. Meillet. Recherches..., стр. 148.

⁴ П. С. Кузнецов. Развитие indoевропейского склонения в общеславянском языке. М., 1958, стр. 29 («IV Международный съезд славистов. Доклады»).

ний имени существительного, входящего в состав сказуемого, имени существительного — объекта или имени существительного, выступающего в адвербальной функции, представляют собой случаи перенесенного употребления, так как для имени существительного как части речи названные синтаксические функции не являются первичными. Употребление же падежей при именах существительных в их вторичных синтаксических функциях должно быть предметом особого рассмотрения.

§ 85. Исходя из того же принципа, следует искать первичные значения приименных падежей среди падежей, определяющих имена существительные с собственно именным (предметным) лексическим содержанием, т. е. имена существительные, не произведенные от глаголов, имен прилагательных или наречий.

Мы особенно настаиваем на том, что падежи при отглагольных именах существительных не являются типичными приименными падежами. Действительно, в употреблении падежей при отглагольных именах существительных повторяются функции и значения падежей, характерные для их употребления при личных формах глаголов. Здесь обнаруживаются все звенья цепи падежей, зависимых от глагола в личной форме. Форма падежа, определяющего отглагольное имя существительное, может совпадать с формой падежа, определяющего глагол (ср. в русском языке *помощь отстающим, угроза миру, занятия спортом, вмешательство в чужие дела*). Отглагольные имена существительные — синтаксические дериваты глагола. Их специальные суффиксы, присоединяемые к основе с глагольным лексическим значением (значением действия или состояния), указывают на производный (в синтаксическом отношении) характер этой группы слов⁵. Эти суффиксы переносят глаголы в синтаксический класс имен, что изменяет синтаксические свойства слов, хотя и не затрагивает их лексических — глагольных — свойств⁶.

Совершенно иной характер имеет употребление падежей при именах существительных неотглагольных. Эти падежи состоят с определяемым ими словом в таких синтаксических отношениях, которые в целом не могут быть непосредственно соотнесены с отношениями между приглагольными падежами и определяемыми ими глаголами. Имея собственную сферу употребления, приименные падежи обнаруживают семантическую близость

⁵ J. Kuryłowicz. Dérivation lexicale et dérivation syntaxique, стр. 42.

⁶ Среди отглагольных имен существительных различаются два семантических типа: отглагольные имена существительные с сохранившимся значением глагольности и отглагольные имена существительные без значения глагольности (см. об этом: Г. О. Винокур. Глагол или имя? — «Русская речь». Новая серия», т. III, Л., 1928, стр. 82). В старославянском языке явно преобладает первый тип, о котором идет у нас речь.

к прилагательным лишь в незначительных участках своего распространения (например, прилагательный родительный партитивный семантически связан с приименным родительным множества).

Признание синтаксической производности отлагольных имен существительных как особой группы слов — идея, пропагандируемая Е. Куриловичем, — создает серьезное препятствие для того, чтобы расценивать какое-либо употребление беспредложного падежа при отлагольных именах существительных как первичное семантическое значение этого падежа. Первичные функции, как мы уже указывали, невозможны при синтаксически производных формах. Между тем сам же Е. Курилович считает первичными функциями родительного падежа в индоевропейских языках функции субъектную и объектную, т. е. функции падежей, употребляемых при отлагольных именах существительных⁷ (ср. конструкции типа: *пение артиста, чтение книги*).

Такое понимание первичной функции родительного в старославянском языке опровергают и сами факты языка. Родительный субъекта и объекта встречается здесь в незначительной по объему группе конструкций, в других же своих функциях и значениях этот падеж имеет более широкое распространение. Для конструкций родительного субъекта и объекта в старославянском нетрудно обнаружить синонимичные и дублетные конструкции, в которых в соответствии с родительным падежом находим имя прилагательное деноминативное (*прѣдъ гospодынemъ* Супр. 245₁₈) или дательный падеж без предлога (*слѣдѣніе... вѣроуїштіимъ*. Супр. 81_{16–17}). Таким образом, по характеру употребления родительный в функции субъекта и объекта при отлагольных именах существительных не удовлетворяет двум важным требованиям функциональной первичности: требованию максимальной широты диапазона конструкций и требованию максимальной свободы от синонимов. Материал старославянского языка не подтверждает определение функциональной первичности родительного падежа, предложенное Е. Куриловичем.

§ 86. Для того, чтобы разрешить вопрос о том, какие функции или значения приименных падежей являются первичными, нам кажется целесообразным пойти следующим путем. Надлежит сопоставить диапазоны распространения конструкций каждого из приименных падежей между собой и найти участки, свободные от синонимических соответствий; затем проследить, в каких отношениях находятся конструкции каждого из приименных падежей со словосочетаниями, заключающими имена прилагательные, и выявить группы конструкций, свободные от синонимических связей с адъективными словосочетаниями.

Для выражения отношений между именами в старославян-

⁷ J. Kuryłowicz. Le problème du classement des cas, стр. 145.

ском языке служат родительный и дательный падежи без предлогов⁸. Сфера распространения конструкций родительного шире, чем сфера распространения конструкций дательного. Поэтому конструкции с родительным падежом мы делаем отправным пунктом при описании приименных падежей.

§ 87. А. Мейе писал о родительном приименном в латыни: «Всякое дополнение к существительному ставится в родительном падеже, какова бы ни была логическая связь двух имен: лат. *metus hostium* значит, смотря по контексту „страх, испытываемый врагами“ и „страх, вспущенный врагами“; можно сказать *Marci domus, Marci pater, Marci uxor, Marci filius* „дом Марка, отец Марка, жена Марка, сын Марка“... родительный выражает только, что существительное определяет другое существительное, и было бы бесполезно — да и невыполнимо — пытаться дать обзор всех оттенков значения, которые может выражать родительный падеж»⁹. Подобным образом А. В. де Гроt считает, что традиционные семантические различия, устанавливаемые внутри приименного родительного в латыни, не более чем лексические или чисто ситуационные варианты приименного родительного, указывающего на отношение предмета к предмету¹⁰.

В старославянском языке родительный также выражает различного рода отношения, которые вообще возможны между двумя именами. Границы многочисленных семантических разновидностей родительного приименного, обычно определяемых при помощи контекста, зыбки, расплывчаты и допускают возможность субъективной интерпретации.

Для построения падежной системы тщательное разграничение этих разновидностей не представляется существенным. В применении к нашим задачам установление семантических разновидностей родительного приименного имеет только один смысл: некоторые из них являются областями взаимодействия с другими падежными формами (или отыменными прилагательными), и именно со стороны этих значений происходит сужение диапазона родительного приименного — процесс, который, в конечном счете, отражается на положении этого падежа в системе.

Все конструкции родительного приименного группируются в старославянском вокруг двух семантических полюсов: значение множества и значение владельца. Эти семантические сферы, однако, заключают очевидные общие моменты и поэтому не от-

⁸ Приименное употребление творительного падежа (именемъ мазаръ, вратъ юстъствамъ и т. п.) тесно связано с прилагательным (см. об этом: К. И. Ходова. Значения творительного беспредложного в старославянском языке, стр. 158).

⁹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 352.

¹⁰ A. W. de Groot. Classification of Cases and Uses of Cases. «For Roman Jacobson». The Hague, 1956, стр. 193.

личаются четкими грацицами, легко переходят одна в другую и накладываются одна на другую¹¹.

При описании конструкций родительного приименного представляется целесообразным исходить, в первую очередь, из лексического значения определяющего члена падежной конструкции, привлекая при этом данные о лексико-семантических свойствах определяемого члена. Этот способ позволяет выделить два главных типа приименных конструкций, которые приблизительно соответствуют двум главным семантическим полюсам в сфере приименных падежей; некоторые конструкции, не обладающие отчетливой семантикой, располагаются в пограничных областях между главными типами.

Для каждой из двух основных сфер употребления родительного приименного характерны собственные синонимические связи с другими падежными формами; взаимодействие с именами прилагательными деноминативными посит у них также различный характер.

Синонимы приименного родительного — беспредложные падежи и падежи с предлогами — имеют собственную семантическую окраску, которая всегда выражена более ярко, чем в соотносящихся с ними конструкциях приименного родительного. Синонимичные формы имеют специальные средства выражения падежной семантики: окончание или окончание + предлог, тогда как значения приименного родительного выявляются в зависимости от особенностей контекста. Синонимические связи подчеркивают и оттеняют типы семантических значений конструкций родительного приименного.

Наше описание охватывает наиболее типичные случаи употребления родительного приименного.

§ 88. Можно полагать, что семантической областью, наиболее свойственной для родительного приименного, была область отношений множества и части. Эти отношения раскрываются с максимальной наглядностью в тех конструкциях, где определяющим членом является имя существительное, обозначающее предмет без четких пространственных границ, а также имя существительное (или местоимение), обозначающее совокупность или множество предметов одного и того же вида или класса. Названия этих предметов чаще всего имеют форму множественного числа; в форме единственного числа выступают имена существительные с собирательным значением.

¹¹ А. Гейнц считает возможным констатировать присущее индоевропейскому родительному приименному фундаментальное отношение целого и части, в понятие которого вмешиваются также значение принадлежности и значение происхождения как разные аспекты одной и той же ситуации. Он пишет: «То, что является частью какого-либо предмета, может быть понято как принадлежащее ему или происходящее от него, но всегда, однако, являющееся его частью» (A. Heinz. Genetivus w indoeuropejskim systemie przypadkowym. Warszawa, 1955, стр. 103).

Родительный падеж является единственной беспредложной формой, используемой для передачи отношений множества и части. Дательный падеж в этой семантической области не употребляется¹². Из параллельных средств падежного синтаксиса используется родительный с предлогом отъ; эта форма, однако, в собственно приименном употреблении встречается не часто. Для нее более характерны связи с глаголом или двусторонняя зависимость: от глагола и от имени существительного, как в примерах: дроузі же рѣзахъ вѣтви бѣкъ дрѣка. Мат. XXI, 8, Савв. 72; прїаѣа вѣне отъ финикъ. Ио. XII, 13, Мар. 367₁₂; ни отъ кѣпини грозда обемлѧтъ. Лука VI, 44, Мар. 219_{21—22} и др., — где в родительном с предлогом отъ значение части совмещается со значением удаления. Имена прилагательные деноминативные в значении множества, часть которого обозначена определяемой формой (именем существительным), встречаются редко, а при именах числительных полностью отсутствуют¹³.

Определяемым членом конструкций с родительным падежом может быть:

а) *Имя числительное количественное.* Регулярное употребление родительного наблюдается в старославянском при количественных числительных, начиная от пяти; известны также случаи родительного падежа при числительных єдинъ, дѣка, например: ногыкаетъ єдинъ оудъ ткоунъ. Мат. V, 29, Мар. 12₁₉, Зогр. 4: Къ єдинъ же сөботъ Ио. XX, 1, Мар. 396₂₄, Зогр. 173, Асsem. 316₁₄.

С этими числительными часто наблюдается родительный с предлогом отъ: єдинъ отъ насъ прѣдастъ ма Ио. XIII, 21, Мар. 373₃, Зогр. 163; й приімъ іёдно отъ ревѣ ёго. Супр. 9₇; стояніе иоанъ і отъ оученикъ ёго дѣка. Ио. I, 35, Мар. 317₁₄, Зогр. 137.

В параллельных местах текстов нередки колебания между формой без предлога и формой с предлогом. Например: ногыда дѣка оученикъ своимъ Лука XIX, 29, Мар. 286₁₅ (в Зогр. дѣка отъ оученикъ 123); рече едінъ оученикъ ёго Лука XI, 1, Мар. 245₂₀ (рече етеръ отъ оученикъ Зогр. 105); да ногыкнѣтъ єдинъ малыхъ сихъ Мат. XVIII, 14, Савв. 8 (єдинъ отъ малыхъ сихъ Мар. 63₁, Асsem. 65_{16—18}).

¹² Ср. также наблюдения Н. М. Елкиной (Н. М. Елкина. Беспредложные конструкции приименных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках. Канд. дисс. М., 1954, стр. 328).

¹³ См. R. Večerka. Ke konkurenci adnominalního genitivu a adjektiva v staroslověnštině. — «Sborník prací filosofické fakulty brněnské univerzity», 1957, roč. VI, řada jazykovědná, str. 26—27.

¹⁴ О старославянских словосочетаниях этого типа см. также: А. Супрун. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961, стр. 74—75.

С именем числительным патъ встречаются и беспредложная форма родительного, и родительный с предлогом отъ: **съпражъ воловынъхъ** коутихъ патъ. Лука XIV, 19, Мар. 265₉ — во: патъ же еѣ отъ **иихъ** боу і патъ мѣдри. Мат. XXV, 2, Мар. 92₅, Зогр. 36.

Отмечен родительный беспредложный при имени числительном дѣвка на десяте: **ништий же въземъ ві златицъ...** бтиде. Супр. 124₅.

При числительных, состоящих из десятков, всегда родительный падеж, например: **възбрата три десяти съревѣнникъ**. Мат. XXVII, 3, Мар. 105₇, Зогр. 42; **числа юстъ блажимыйхъ тѣ сѧхъ мѣжъ** Супр. 82₁₅.

Примеры родительного беспредложного с числительными **сѧто, тысѧцѧ**: **несы съмешеніе змѣинно и алгоинно. чѣо литръ сѧто**. Ио. XIX, 39, Мар. 396₁₅, 172; **ѣдшихъ же еѣ хлѣбъ. патъ тысѧцѧ мѣжъ**. Марк. VI, 44, Мар. 139₆, Зогр. 57.

В этом типе конструкций употребление имени прилагательного на месте родительного приименного полностью исключено.

б) *Имя существительное, заключающее в своей семантике представление о количестве.* Например: **множество мрѣвлихъ Клоц.** 12₄; **множество водъ** Супр. 568₁₈; **трѣпѣнна множество** Супр. 394₁₅; показана **чколоѣвѣ** своего келикої Клоц. 3^в_{32—33}; **аште бо і тъмѣ имамъ добрыхъ дѣлъ** Клоц. 9^в₁₅; **рыбы печены части.** Лука, XXIV, 42, Мар. 311₂₄; **частъ имѣніе.** Лука XV, 12, Мар. 268₁₇; **десатинѣ даїхъ всѣго єлико притажж.** Лука XVIII, Савв. 50; **иждостѣ ... вращки** Супр. 394₃.

Имена прилагательные в таком употреблении встречаются очень редко. Ср., например: **демонъское множество Син. евх.** 53_{16—17}; **дѣгъ множестка крѣкънааго** Супр. 179₃₀.

в) *Имя существительное собирательное.* Например: **ѣ же адамѣч ... стадо скиний.** Мат. VIII, 30, Мар. 24₁₉; **бѣзѣрѣй изадамѣч пахъ келикъ народа** Супр. 146_{10—11}; **такы вѣскѣ кѣ скиниа посылаше** Супр. 476₂₁.

Ср. употребление в этих условиях имени прилагательного: **поколи намъ ити въ стадо скиниоѣ.** Мат. VIII, 31, Мар. 24₂₂; **бѣвъча стада** Мат. XXVI, 31, Савв. 84 (в Мар. **окъца стада** 100_{4—5}; так же в Зогр., Ассем.)¹⁵; **ратыническъ пахъ.** Супр. 105₁₅.

г) *Имя существительное со значением единицы измерения.* Например: **ты же колицѣмъ длеженъ еси. онъ же рече. сътомъ коренъ пышеница.** Лука XVI, 7, Мар. 271₂₄; **алакасгрь туря драгаго.** Мат. XXVI, 7, Савв. 81; **чашъ стоудены воды.** Мат. X,

¹⁵ Cp. R. Věčerka. Ke konkurenci adnominaln ho genitivu a adjektiva v staroslov n st n , str. 26—27.

42, Мар. 33₂₁; излӣти . . . к. вѣдеръ. **воды**. Син. евх. 20^в₆; кри-
шицк **мѣду** Супр. 291₈. Ср. использование в этих условиях роди-
тельного с предлогом отъ: колицѣма дуженъ еси гостодиноу
моемоу. онъ же рече. **сътому мѣръ отъ олѣа**. Лука XVI, 5—6,
Мар. 27_{18—19} (в Зогр. **олѣа** 116).

Изредка в соответствии с приименным падежом можно встре-
тить деноминативное прилагательное, например: да разорж ткоёла
смѣрти. **бѣкѣнікѣ** й лютжикѣ чашж. Супр. 469₂₁. В этом имени
прилагательном значение целого, противопоставляемое его части, силь-
но ослаблено.

д) *Имя существительное, обозначающее конкретный предмет
неживой природы, обладающий четкими пространственными
границами.* Например: приниметъ отъ плодъ **винограда**. Марк XII,
2, Мар. 162₂₄; мо на гроздами **кина** Син. евх. 14₁₀; штъ плода
пшеница и **кина** . . . сумножина **са**. Син. евх. 73₂₁; сема **смоквѣ**.
Супр. 300₇.

Имена прилагательные: подено **есчъ церсткіе нѣское**. зернуу
гороучилюу. Мат. XIII, 31, Мар. 45₆; зерно **пшеничъно** Ио. XII,
24, Мар. 368₁₄; плодосъ **кинѣкы** Син. евх. 14₁₇; скучецъ **маслинкы**.
Син. евх. 16₆; источники **воды**. Син. евх. 2₁₈. Интересный
пример колебания между родительным падежом и деноминатив-
ным прилагательным: да отъ плода **винограда** (Sic! — К. X.) да-
датъ ему Лука XX, 10, Мар. 289₆ — отъ плода **винограду** кааго
Зогр. 124.

е) *Имя существительное, обозначающее предмет, изготовлен-
ный из чего-либо человеком.* Родительный падеж в примерах
этого типа обычно называется родительным материала. Некото-
рые примеры: кино благое **покааго** **кинограда**. Супр. 143₂₃; никтоже
ко не пристакалатъ. **приставленик**. **плата не вѣлена ризѣ вѣтгасѣ**.
Мат. IX, 16, Мар. 27₁.

Ср. использование в этих условиях:

родительного с предлогами отъ и изъ: **вѣнецъ отъ трѣниѣ**.
Син. евх. 50₁; **вѣкоуи архигриклии** **кина** виезшалаго отъ **воды**.
Ио. II, 9, Мар. 320₂; **ризы . . . ѿ власъ велѣвѣждъ** Мат. III, 4,
Мар. 6₁₃, Савв. 142; **кѣтгизъ ис камене**. Супр. 451₂₃;

имен прилагательных: **трѣниѣ** **вѣнецъ**. Марк XV, 17, Мар.
180₁₃ (в Савв. **трѣниѣкъ** 111); **погасъ оусинанъ** Мат. III, 4₁, Мар.
6₁₄, Савв. 142; **пата хлѣбъ** **бачынъ**. Ио. VI, 9, Мар. 336₅; **акари**
желѣзны. Супр. 311₁₆; печати **блокѣнки** Супр. 52₁₃ и др.

ж) *Местоимение относительное, отрицательное, неопреде-
ленное, вопросительное или определительное.* Определяющий
член этих конструкций — наименование множества лиц (в форме

местоимения, имени существительного, субстантивированного прилагательного или причастия). Например: *іже васъ къз грѣхъ есть ... врѣзи каменъ ...* Ио. VIII, 7, Мар. 347₁₄; *которому и хъ вѣдѣтъ жена.* Марк XII, 23, Мар. 164₂₆; *сего же никогоже не разумѣ вѣзложишихъ.* Ио. XIII, 28, Мар. 373₁₇; *и вѣдѣмъ на вѣдѣкъ дѣнь запрѣтиши не скідѣти кого немоштѣнѣиихъ.* Клоц. 2₁₃₋₁₄; *кто сухо тѣхъ ... искрѣни манигъ сѧ вѣти.* Лука X, 36, Мар. 244₂₃; *каждо и хъ веденъ бытъ на скотѣ землѣ...* Супр. 111₁₆.

Столь же часто, как и родительный беспредложный, в этой категории отношений зарегистрирован родительный с предлогом *отъ*. Например: *котораго отъ седми вѣдѣтъ жена.* Мат. XXII, 28, Мар. 80₂₆; *никоможе бѣть чловѣкъ да не творити пакости* Супр. 37₁₂; *иѣли бѣть кѣнишникъ рѣша къ себѣ.* Мат. IX, Савв. 17; *кто отъ прѣтвѣхъ вѣскриенетъ.* Лука XVI, 31, Мар. 274₁₆; *вѣдѣкъ отъ васъ.* иже не отчречется сѧ вѣсію именіемъ, не можетъ меси вѣти ученикъ. Лука XIV, 33, Мар. 266—267.

3) *Субстантивированное прилагательное или порядковое числительное.* Определяющий член этих конструкций — местоимение в форме множественного числа, обозначающее множество лиц или предметов. Например: *величи и хъ обладающы ими.* Марк X, 42, Мар. 158₄; *дрѹзии во и хъ.* издалече сѫгъ пришли. Марк VIII, 3, Мар. 144₁₁; *какъ есѧ запокѣда прѣка вѣсѣхъ.* Марк XII, 28, Мар. 165₁₆.

Родительный с предлогом *отъ* в этих условиях: *дрѹзги же отъ ученикъ рече емоу* Мат. VIII, 20, Мар. 23₂₃; *сѫгъ дрѹзий бѣть сѧ стоящихъ.* иже не имѣтъ съмѣрти вѣкусити. Марк IX, Савв. 64₁₆.

и) *Имя существительное со значением живого существа.* В конструкциях этого типа форма родительного образована от собирательного имени существительного, обозначающего группу людей: семью, род, население города или страны, какую-либо социальную или иную группировку. Форма родительного обычно распространена при помощи адъективных определений, так как именем существительным обозначаются родовые понятия, требующие дальнейшей конкретизации. Например: *погланъ ... къ окнамъ погибшимъ домоу излкоу.* Мат. XV, 24, Мар. 53₁₀, Савв. 51; *вѣдѣкъ младенецъ мѣжъска полоу.* Лука II, 23, Мар. 198₂₀.

Параллельно с беспредложной формой используется родительный с предлогом *отъ*, например: *вѣаше отъ домоу и отъ честивѣ даѣда.* Лука II, 4, Мар. 196₁₆; *и вѣ анна пророчица дашиги фаноуилеа.* отъ колѣна асурока. Лука II, 36, Мар. 199₂₆.

еъ же филипъ. отъ видъсайды града. аньдребка и петрова. Марк III, Савв. 60; другий во отъ иноа страны еъ. Супр. 83₃₀; еда и ты отъ оученикъ его еси Ио. XVIII, Савв. 103; Еъ же члкъ отъ фарисеи. Ио. III, 1, Мар. 321₂₂.

Специфическая структура конструкций — распространенный вид определяющего члена — затрудняет возможность синонимических сближений приименного родительного с деноминативными прилагательными.

§ 89. Родительный приименой служил в старославянском также для выражения собственно определительного и притяжательного значений, легко переходящих друг в друга. В этой семантической области родительный падеж имел сильных конкурентов: дательный без предлога и деноминативные имена прилагательные.

Прежде чем переходить к описанию конструкций родительного приименного, необходимо сделать несколько замечаний об особенностях взаимоотношений с этим падежом других способов выражения определительных и притяжательных значений.

§ 90. Значения принадлежности и собственно определительное являются основными значениями приименного дательного в старославянском языке¹⁶.

Использование дательного беспредложного в качестве определения имени чаще, чем в других старославянских памятниках, наблюдается в текстах восточноболгарского происхождения: Саввиной книге и Супрасльской рукописи.

А. Вайан обращает внимание на примеры дательного падежа в Саввиной книге на месте других способов определения имени существительного, отмеченных в других текстах евангелий. «Этот оборот, обычный уже с самого начала, — пишет он, — еще более распространяется в таких памятниках, как Саввина книга: къ землѣ Гергесиномъ. Мат. VIII, 28, Савв. вм. ѡергесинскѣ Мар. и др....»¹⁷.

Еще более возрастает количество конструкций с дательным приименным в среднеболгарских памятниках. Н. М. Елкина констатирует: «Одна из основных функций родительного падежа — посессивная — переходит к дательному падежу, который в наиболее древних памятниках отмечается еще довольно редко, но постепенно с течением времени усиливается, и можно с уверенностью сказать, что в конце среднеболгарской эпохи кон-

¹⁶ Примеры приименного дательного в славянских языках приводятся в книге Фр. Миклонича «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen», Bd IV, стр. 605 и далее. См. также: V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 279—280.

¹⁷ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 215.

структуре приименного дательного почти полностью вытеснили приименный родительный»¹⁸.

Дательный падеж, подобно винительному, является в первую очередь прилагольным падежом, и в конструкциях приименного дательного иногда заметны семантические оттенки, характерные для дательного при глаголах (адресата, предназначения, направления, цели). Выявлению этих оттенков способствуют некоторые особые позиции дательного приименного по отношению к другим словам в предложении. В старославянском передки примеры двусторонней зависимости дательного падежа: от глагола и от имени существительного. Например: *нача́тъ сумъкати нозѣ оученикомъ*. Ио. XIII, 5, Мар. 371₁₄. На фоне определительно-притяжательного отношения, выражаемого приименным дательным в этом примере, ясно заметен оттенок значения адресата или предназначения, присущего дательному при глаголах. Употребление дательного в качестве определения имени существительного, входящего в именное сказуемое, также может поддерживать и сохранять некоторые значения, присущие этому надежку в прилагольном употреблении¹⁹.

Однако в качестве определения независимого члена предикативной конструкции (субъекта), т. е. в синтаксической позиции, которая нас интересует в первую очередь, а также в целом ряде употреблений при зависимых именах существительных дательный падеж употребляется для передачи определительного и притяжательного значений наравне с приименным родительным²⁰.

В этом отношении представляют интерес предложения, в которых родительный и дательный при именах употреблены параллельно, без различия в значениях, например: *јегда личеса Ѹтыцъ плачемъ прѣмѣнила сѧ вѣдажъ и матеремъ срѣдьца болѣзни ѿѣвила сѧ*. Супр. 397_{18–20}.

Для иллюстрации функциональной близости приименных родительного и дательного падежей особенно показательны два примера, где в разных евангельских текстах употребляются в одном и том же значении то притяжательное прилагательное, то конструкция с родительным или дательным падежами:

¹⁸ Н. М. Елкина. Беспредложные конструкции приименных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках, стр. 339.

¹⁹ Как считает А. Б. Правдин, определительное значение формы дательного падежа в этих условиях отходит на второй план, однако в какой-то мере постоянно сохраняется (А. Б. Правдин. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке. — «Ученые записки Тартуского гос. ун-та», вып. 51, 1957, стр. 111).

²⁰ В русском языке, по наблюдениям А. Б. Правдина, дательный падеж никогда не был вполне равнозначен родительному определительному (А. Б. Правдин. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке, стр. 106–107).

1) *настѣпати... на всѣх сиѧх вражиij.* Лука X, 18, Савв. 127, Зогр. 103; *на всѣх сиѧх врага.* Мар. 242_{15–16}; *на всѣх сиѧх врагоу.* Остр. 232.

2) *нагоитъ единого отъ малзіх сиѧх... къ іма оучениче.* Мат. X, 42, Зогр. 13; *къ іма оученика.* Мар. 33₂₂; *къ йма оученикоу.* Савв. 18²¹.

Процесс расширения функций дательного приименного при одновременном сужении функций родительного приименного в значениях, которые мы определили выше, по-разному проявился в конструкциях с именами существительными и в конструкциях с местоимениями в качестве определяющего члена. В текстах восточноболгарского происхождения отмечается большое количество сочетаний с энклитическими формами личных местоимений, употребленных в дательном падеже. Ср. примеры из Саввиной книги: *бгроќъ ми лежитъ въ храминѣ.* Мат. VIII, 6, 15 (в Мар. и Зогр. *сгроќъ моя*); *слышаі ми словеса* Мат. VII, 26, 12 (в Мар., Зогр. *словеса моя*); *бгъдаатъ ти са грѣси.* Мат. IX, 2, 17 (в Мар., Зогр. *грѣси твои*) и др.²²

§ 91. Вопрос о взаимоотношении деноминативных имен прилагательных и родительного приименного в старославянском языке освещен в ряде исследований²³.

Установив, что употребление приименного падежа или прилагательного не было связано с какими-либо определенными правилами, но во многом зависело от индивидуального понимания писца, Р. Вечерка тем не менее очерчивает области, принадлежавшие — в сфере притяжательных и определительных отношений — по преимуществу деноминативным прилагательным и родительному падежу.

Имя прилагательное служит чаще всего для выражения притяжательного отношения нераспространенного имени существительного, обозначающего одушевленный предмет, — как собственного, так и нарицательного. Кроме того, в старославянском встречаются имена прилагательные относительные, образованные от названий неодушевленных предметов.

Родительный падеж в общей массе случаев характеризуется более специальными условиями употребления.

1. Эта форма употребляется в тех случаях, когда отсутствует соответствующее имя прилагательное (имеются в виду конструкции с родительным от субстантивированного прилагатель-

²¹ Цит. по указанной выше работе Н. М. Елкиной (стр. 306).

²² См. также O. Grünenthal. Die Übersetzungstechnik der altkirchen-slavischen Evangelienübersetzung, стр. 354—355; K. Horálek. Evangelíe a čtveroevangelia, стр. 135—136.

²³ См. A. Meillet. Recherches..., стр. 148—150; R. Večerka. Ke konkurenici adnominalnho genitivu a adjektiva v staroslověnštině, стр. 25—35.

ного или причастия, а также от некоторых местоимений): *сестра* *оу́мे́ръша́го*. Ио. XI, 39, Мар. 363₂₆; *ко́леса́вше́ниe праке́дкы́хъ*. Лука XIV, 14, Мар. 264₂₅; *жиги́е єю* Син. евх. 8^в₂₀²⁴.

2. Родительный падеж употребляется и в том случае, если определительное выражение состоит более чем из одного слова: при определяющем имени находится приложение или определяющее имя распространено адъективным определением или относительным предложением, например: *Ещеді къ дому. єгера* *къна́зъ. Фарисе́йска*. Син. евх. 31₁₉²⁵ (по ср. примеры с именами прилагательными: *Клини́ го́рьде́ства іс хъба. сноу* *Давы́дова. сноу* *аврами́чъ*). Мат. I, 1, Савв. 131; *събраша са... на дкоръ архи́еребѣкъ. парица́емаго. кайла́фы*. Мат. XXVI, 3, Савв. 81)²⁶.

3. Если в ряду распространенных определений находится имя существительное, не имеющее собственного определения, то оно ставится в родительном падеже «для сохранения гармонии всего оборота». Например: *бгъ въси мариа. и мархы сестры* ёй. Супр. 313₁ (но ср. пример, где собственное имя существительное кладется в основу прилагательного: *отъ китанина градцил мариинна. і млртъ сестры* я. Ио. XI, 1, Мар. 360₁₉₋₂₀).

4. Родительный падеж употребляется, наконец, в тех случаях, если необходимо отчетливо выразить грамматическое число определяющего имени. Например, в старославянском языке не было специального притяжательного местоимения со значением двойственного числа, поэтому в соответствующих условиях всегда употреблялся родительный падеж от местоимения: *не срди́е ли наю гора* *къ* *наю*. Лука XIV, 32, Мар. 310₂₂. Пример родительного падежа от имени существительного в двойственном числе: *зъничи бчию*. Супр. 473₁₄.

Для выражения множественного числа определяющего имени существительного одушевленного родительный падеж предпочитался именам прилагательным на том основании, что прилагательные, образуемые от одушевленных имен существительных при помощи суффиксов *-ск-* и *-ин-*, выражали принадлежность отдельному лицу. Суффикс прилагательных *-ск-* не нес в себе специального указания на число, но имел родовое, относительное значение. Принадлежность некоторым лицам требовалось

²⁴ См. также: A. Meillet. Recherches..., стр. 149.

²⁵ В современном русском языке родительный приименний, имеющий собственное определение, также не может быть заменен именем прилагательным (см. В. Богородицкий. Синтаксис родительного падежа в русском языке, стр. 211).

²⁶ См. также: A. Meillet, Recherches... стр. 148. Н. М. Елкина заметила, что количество примеров приименного родительного без определения возрастает от евангельских текстов к Супрасльской рукописи и Синайской псалтыри (Н. М. Елкина. Беспредложные конструкции приименных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках, стр. 321).

выражать каким-либо другим средством, что и приводило к употреблению приименного родительного. Например: *дѣкы тѣжъникъ испрѣръже*. Мат. XXI, 12, Мар. 74₂₀.

Для выражения единственного числа определяющего имени существительного неодушевленного (ср., например: *камъ же и класи главы быси иғътѣни сѫтъ*. Мат. X, 30, Мар. 32₁₅) родительный падеж предпочтительнее именам прилагательным по той причине, что имена прилагательные, образованные от имен существительных неодушевленных, имели не индивидуализирующее, но родовое значение.

Р. Вечерка замечает, что он учитывает лишь основные тенденции употребления родительного приименного, к которому обращались для обозначенного, подчеркнутого выражения грамматического числа. Понимание же необходимости подчеркнуть грамматическое число не было единственным у писцов, что приводило к ряду разночтений с родительным падежом и именем прилагательным²⁷.

§ 92. Перейдем теперь к описанию конструкций родительного приименного с собственно определительным и притяжательным значениями. Так же, как при характеристике функционирования родительного со значением множества, группы конструкций выделяются в зависимости от лексических особенностей определяющего и определяемого членов.

1) *В конструкциях первого типа определяющим членом является имя существительное, обозначающее неодушевленный конкретный предмет.*

а) Определяемый член — также имя существительное со значением неодушевленного конкретного предмета. Значения притяжательно-определенного порядка в ряде конструкций этого типа ощутимо совмещаются со значением целого, от которого берется часть. Некоторые примеры: *Юже ко сѣкыра при корении дрѣва лежитъ*. Лука III, 9, Мар. 203₅, Зогр. 86, Асsem. 278 (в Савв. 144 сѣкыра при корене. и дрѣко лежитъ); *приклики сѧ къ кратомъ града*. Лука VII, 12, Мар. 221₂₄, Зогр. 94, Асsem. 104 (в Остр. къ кратомъ градоу); и паджта къ острини меча. Лука XXI, 24, Мар. 295₇, Зогр. 127; *поймаше же ёго конни вѣдоша надъ бѣғъ рѣкы*. Супр. 154₂; *нѣсма достоинъ отрѣшити ремене сапогъ юго*. Лука III, 16, Мар. 204₂ (*сапога ёго* Савв. 144, *сапогоу ёго* Зогр. 87, Асsem. 279₂₀); *отъѣвали камень отъ дѣреи гроба*. Мат. XXVIII, 2, Мар. 111₂₃ (*бѣга гроба* — Савв. 115, отъ дѣреи гробоу — Остр.); *ко ёго дѣба листвиѣ вѣзли*. Супр. 347₂₉; *сладка юста плодъ смокве* Супр. 350₂₅ и др.

²⁷ Примеры разночтений из текстов евангелий Р. Вечерка приводит в работе «Ke konkurenči adnominalního genitivu a adjektiva v staroslovenštině», стр. 34.

В описываемом разряде контекстов можно наблюдать на месте родительного беспредложного родительный с предлогом *съ*. Ср.: и *власть главы* не погибнетъ Лука XXI, 18, Мар. 294₁₉, Зогр. 127, Савв. 126; но: *власть отъ главы* Ассем. 243₁₁₋₁₂.

В то же время здесь нередки случаи с дательным беспредложным, например: *коинъ са въскриими ризы его*. Лука VIII, 44, Мар. 232₁, но в Зогр. 98 *ризѣ его*, в Савв. 35 *ризѣ ѝго*; *възьмал каменъ веліи на дѣлѣ гроба* Мат. XXVII, 60, Мар. 110₂₅, Зогр. 45, но: *привали каменъ на дѣлѣ гробоу*. Марк XV, 46, Мар. 183₅ (в Зогр. 77 на *дѣлѣ гроба*). Ср. пример из Супр.: *бѣгали камы отъ дѣлѣй гробоу* 444₂₃₋₂₄. Случаев дательного падежа много в Супрасльской рукописи, вот некоторые из них: *дѣлѣ тѣмнини*. 184₂₂; *брата врѣтъ поу*. 459₉; *срѣдліце дѣбоу*. 399₂₆.

«В то время как родительный принадлежности от названий лиц регулярно замещается прилагательными, родительный от названий предметов употребляется часто», — констатирует А. Мейе. Он говорит о свободе употребления родительного и отыменных прилагательных в этих случаях²⁸.

Некоторые имена прилагательные образованы от имен существительных неодушевленных: *на крѣвѣ црквищеемъ*. Лука IV, 9, Мар. 206₂₀; *съвѣтѣ оуши игѣлииѣ* Мат. XIX, 24, Мар. 68₁₄; *въ доуникѣ пештерынижѣ* Супр. 218₁₆; *жазлиѣ шипъчано* Супр. 358₁₅₋₁₆; *мистѣ смоквицѣ* Супр. 350₂₂; *пѣсѧкъ моръскій* Супр. 179₁₉.

б) Определяемый член — *имя существительное, обозначающее лицо*. В этой группе конструкций общее значение отношения, свойственное приименному падежу, лишено каких-либо семантических оттенков. Некоторые примеры: *господинъ дому*. Лука XIV, 21, Мар. 265₁₆, Савв. 44₃; *господыни села* того Супр. 18₂₃; *владыкамъ земла* Клоц. 1^в₂₁₋₂₂; *господінъ йинки тол* Супр. 218₁₋₂.

В параллельных местах евангельских текстов конструкции родительного приименного чередуются с конструкциями дательного приименного. Ср., например: *аще бы кѣдѣль гнъ храма*. въ кжѣ *стражъ татъ* придется. Мат. XXIV, 43, Мар. 91₄, но в Савв. *гнъ храминѣ* 77; *єгда же* *оуко* *придется* *гнъ кинограда* Мат. XXI, 40, Мар. 77₁₈₋₁₉, но: *гнъ киноградоу*. Савв. 28; *гнъ жатвѣ* Лука X, 2 Ассем. 228₂₅, но: *гнѹ жатвѣ* Мар. 240₁₇₋₁₈.

Значительное количество примеров дательного падежа этого типа зафиксировано в Супрасльской рукописи: *госпожд... селоу* *тому* 18₅; *владыка имѣнию* *многоу*. 150₂; *робъ грѣхоу* 57₂₆ и др.

²⁸ A. Meillet. Recherches..., стр. 149.

в) Определяемый член выражается именем существительным с отвлеченным значением или со значением субстантивированного признака, например: *самотрикъ во юсгъство тօл земка* Супр. 89₃; *разумѣкъ . . . лѣпотж тѣла скoбкo*. Супр. 140₂₈; *г҃ѣхъ мира всего*. Ио. I, 29, Мар. 316₂₄.

В этих условиях возможен и дательный падеж, например: *съткорицъ на лѣпотж моки глагѣ*. Супр. 392₆₋₈.

Если определяемое — имя существительное отглагольное со значением действия, именная конструкция по смыслу может быть сближена с глагольной, а родительный падеж — с подлежащим глагольной конструкции: *скрѣка о окаменени срдица ихъ*. Марк. III, 5, Мар. 124₄; *по къзмѣштгени воды*. Ио. V, 4, Мар. 330₂₀, Зогр. 142; *и лие ота токъ крѣве ея*. Лука VIII, 44, Мар. 232₁.

Могут употребляться и деноминативные прилагательные, например: *запѣти вѣтроу. і влнє(н)ио водѣкоумоу*. Лука VIII, 24, Мар. 229₁₀ (в Зогр. *морѣкоумоу* 97); *течение крѣгкое*. Супр. 179₂₈.

г) Определяемым членом является имя существительное с темпоральным значением, например: *испытъ ѿ нихъ крѣма таѣшиє са звѣзды*. Мат. II, 7, Мар. 4₁₅; *Ез прѣкъ же днѣ бѣрѣснѣка. пристѣжниа сученици къ ісѣи* Мат. XXVI, Савв. 82.

Паряду с этим употребляется дательный беспредложный: *иे ко єкъ крѣма смокѣвамъ*. Мат. XI, 13, Мар. 160₁₆; *прикинки са крѣма плодомъ*. Мат. XXI, 34, Мар. 77₄.

д) Определяемым членом является имя существительное с пространственным значением. Например, родительный падеж: *да на пѣти єлисопнта йдажите бѣзѣкѣхъ глагѣ єю*. Супр. 114₁₅.

Дательный падеж: *землѧ зауленна. ѹ землѧ нефтадимлѣ. пѣть мороу*. Мат. IV, 16, Савв. 147, Мар. 9₁.

2) В конструкциях второго типа определяющим членом является существительное, обозначающее отвлеченное понятие, чающе всего — субстантивированное качество или действие.

а) Определяемый член — имя существительное, обозначающее неодушевленный конкретный предмет, например:

родительный падеж: *егда садечъ ѿнъ чмѣскы. на прѣстолѣ славы скoбкo*. Мат. XIX, 28, Мар. 69, Савв. 10₂₁; *дивлѣахъ са о словесехъ благодати. исходаштихъ изъ суста его*. Лука IV, 22, Мар. 207₂₄; *шемѣцѣ са ка ризж спинѣ* Син. евх. 97¹⁵;

дательный падеж: *начатъка осажденю Клоц.* 10⁸₃₈; *коренѣ вѣсемоу зѣлуу* Супр. 412₂; *камена трѣпѣнью*. Син. евх. 92¹⁵; *храмъ молитвѣ* Марк. XI, 17, Мар. 160₂₇;

имена прилагательные: *сущицѣ праѣдѣио*. Супр. 244₂₃; *при-*

иметьтъ **свѣтъ животыни**. Син. евх. 33^в₅; лоза **животына** Супр. 353₁₉²⁹.

б) Определяемый член выражается *именем существительным, обозначающим лицо*. Например: родительный падеж: **цѣсаѳъ славы** Супр. 322₁₋₂; да **тюкѣ сѣѧта** вѣдѣте. Ио. XII, 36, Савв. 122 (в Мар. дательный падеж: **тнѣкѣ сѣѧтоу** 369₂₀₋₂₁);

дательный падеж: **вѣжѣ высотамъ**. Син. евх. 21₁₈; **вѣже... вѣжикон славѣ** Син. евх. 101^в₈; **дѣлателье неправѣдѣ**. Лука XIII, 27, Мар. 262₃ (в Савв. имя прилагательное: **дѣлателье неправѣдѣніи** 45). Много примеров конструкций с дательным в Супрасльской рукописи: **сѣѧтоу...** кладыка 365₉₋₁₁; **дѣлательникъ вашимъ словесемъ** 474₂₉; **цѣсаѳъ славѣ** 466₂₀ и другие;

имена прилагательные: **славынѣй цѣсаѳъ** Супр. 481₂₇₋₂₈; **цѣла славыни**. Клоц. 1₄₀.

в) Определяемый член — *имя существительное с отвлеченным значением*. Примеры:

с родительным падежом: **наслади сѧ. дѣни је приконошеній топлоты** Супр. 93₁₄; **й палладж сѧ тѣжанити бѣзъ колѣни пилѣнія**. Супр. 39₁₅;

с дательным падежом: **сѧ знамение молѣнію** Супр. 309₁₁₋₁₂; **бѣзъшакъ гласта плачоу** Супр. 44₄.

Интересны колебания между родительным и дательным падежами: **ко вѣскрѣшение живота** Ио. V, 29, Ассем. 18₁₈; **ко вѣскрѣшение сѣѧ** Ио V, 29, Ассем. 18₂₂ — **ко вѣскрѣшение животоу**, **ко вѣскрѣшение сѣѧтоу** Мар. 333_{13, 15}, Зогр. 144; **ко отглѣдление грѣховъ** Марк I, 4, Ассем. 276₂₃₋₂₄ — **ко отглѣдление грѣхомъ** Мар. 116₈, Зогр. 47, Савв. 142.

г) Определяемый член — *имя существительное с темпоральным значением*. Примеры:

с родительным падежом: **дѣни очищениѣ єѡ**. Лука II, 22, Мар. 198₁₆; **ко дѣну погреѣшиї моего** Ио. XII, 7, Мар. 366₁₉, Савв. 73₁₃; **ко дѣну авлениѣ** ского Лука I, 80, Мар. 196₆; **дѣни елоуживы** его Лука I, 23, Мар. 191₂₀; **ко чегд҃рѣгтое мѣсто маркіана цѣсаѳѣства** Супр. 279₃; **Ез вѣмѣна ко гоненіи** нечастника до бѣктигиана. Супр. 534₂₃;

с дательным падежом; **дѣни мѣштенію** Лука XXI, 22, Мар. 295₂; **Бѣ вѣмѣна прѣношенію** Син. евх. 105₃; **не разоумѣ вѣмѣни. Посѣженію твоемоу**. Лука XIX, 44, Мар. 287₂₄; **ко вѣмѣна жатвѣ**. Супр. 43₁₄; дошедшую же вѣмѣни **вракоу**. Супр. 25₁₋₂;

²⁹ Р. Вечерка заметил, что родительный падеж предпочтается именам прилагательным «в риторических образных речениях, где в родительном стоит название предмета, образное наименование которого является его управляющим словом» (R. Věčerka. Ke konkurenci adnomi-nálního genitívnu a adjektiva v staroslověnštině, стр. 27).

с именами прилагательными: *кѣмъ же жадѣющій* вѣдш. Супр. 568₈₋₉; *кѣмъе врачиааго* жиджштѣ. Супр. 246₂₆₋₂₇.

3) В третьем типе конструкций определяющий член выражается именем существительным, обозначающим живое существо (чаще всего лицо).

а) Определяемый член — имя существительное со значением конкретного неодушевленного предмета. Примеры с родительным падежом: *къ дому симона прокаженаго* Мат. XXVI, 6, Мар. 97₁₅₋₁₆; *къ домъ етера кѣнаѣи Фарисѣйска*. Син. евх. 31₁₉; *сѧжды скїделника сакроуши*. Син. пс. II, 9, 2^в; *сакры скреѣро гиа* скїделника. Мат. XXV, 18, Мар. 93₁₉.

Ср. употребление дательного падежа: *къ же сѧткористѣ и вратилъ разбонникомъ*. Марк. XI, 17, Мар. 161₁; *иедина же пренесла й богатоу й бѣзбогомоу*. Супр. 491₂₂₋₂₃; *жилище сгоумоу ткоемоу Ахоу* Син. евх. 41₁₂₋₁₃; *прѣѣжніе оубогоумоу*. Син. пс. IX, 10, 8₂₃.

Кроме параллелей в виде дательного падежа, весьма интересно редкое использование для выражения притяжательного отношения родительного с предлогом *отъ*: *даша ємоу... отъ вѣчелъ сѧтъ* Лука XXIV, 42, Мар. 311₂.

Уже отмечалось, что в сфере рассматриваемой разновидности притяжательных отношений очень употребительны деноминативные имена прилагательные. Некоторые примеры: *къ дкорѣ кли-афиникъ*. Син. евх. 48₄; *къ дому кѣнаажъ* Мат. IX, 23, Мар. 27₂₉; *кадло захарынио*. И иама кѣрданалаго. Син. евх. 15^в₁₀; *домъ гос подъи* Супр. 259₂₆; *къ црквиштѣ артемидово*. Супр. 220₂₆; *сѧгъ гѣмницца бродовы* Супр. 461₁₂.

б) Определяемый член выражается именем существительным, обозначающим часть тела человека или животного: *даждь ми... глахъ иоана крестителѣ*. Мат. XIV, 8, Мар. 48₂₆; *йзати сѧкъ къ бчесе брата твоѣго* Савв. 11; *къ ржцѣ грѣшъникъ*. Мат. XVII, 22, Савв. 23; *принадѣ къ ногама сватааго мѣченника*. Супр. 233₃₋₆.

Ср. параллельное употребление родительного и дательного падежей: *лице отъца моего* Мат. XVIII, 10, Мар. 62₁₅, но: *лице ѿю* ми Савв. 8; *срѣдциа отъцемъ* Лука I, 17, Мар. 190₂₇₋₂₈, Зогр. 81, но: *оцъ* Ассем., Остр. Ср. два примера из Супрасльской рукописи: *йзъ сѹстъ младеништь и сѧжштийхъ* 326₁₋₃, но: *йзъ сѹстъ младеништемъ й сѧжштиймъ* 320₂₅.

Другие примеры дательного падежа: *къ ржцѣ грѣшъникомъ*. Марк. XIV, 41, Мар. 175₂₆; *бѣгъ львови* Супр. 158₉₋₁₀; *добрыймъ мѣченникомъ тѣлеса* Супр. 67₄₋₆; *срѣдцие чловѣкоу* Супр. 154₁₁; *нога велиѣждоу* Супр. 218₁₉ и т. п.

Деноминативные прилагательные, образованные от наименований живых существ: на гла́вѣ аро́нъ. Син. евх. 9₁₁; на кра́ви влăдычни Клоц. 6₁₀; отъ душа иодоки Клоц. 4^в₂₀; отъ ржы хъни Син. евх. 96₂₁; класи же́йсты Супр. 397₂₆; бжниа ревра. Супр. 462₂₂; въ ржѣ чавчеси. Марк IX, 31, Мар. 151₂₄ (чавкомъ Асsem. 155₉).

в) Определяемый член — *наименование лица*: й ты сученикъ ёси чака сего. Ио. XVIII, Савв. 103; отецъ отро́чате. Марк. IX, 24, Мар. 150₂₆, Савв. 65; гд рабъ тѣхъ Мат. XXV, 19, Мар. 93₂₁; мати дѣтишта Супр. 44₂; сестра оумерышаго марта Ио. XI, 39, Мар. 363₂₆; вѣ же андрѣя братъ симона петра. Ио. I, 41, Мар. 317₂₄.

Параллельное употребление родительного и дательного падежей: да вѣдете сине отца кашего Мат. V, 45, Мар. 14₁₋₂, но: оцио кашемоу. Савв. 9; раби гниа Мат. XIII, 27, Мар. 44₂₁, но: раби гноу Зогр. 18; царе ызакъ Лука XXII, 25, Мар. 298₁₈₋₁₉, но: царе ыазыкомъ. Зогр. 129.

Другие примеры дательного падежа: прога присти ба чловѣкомъ. Клоц. 14^в₉; цѣафь иудеомъ Лука ХХІІІ, 3, Мар. 303₄₋₅; братъ же иѣковоу и оси и юдѣи и симоноу. Марк VI, 3, Мар. 135₂₋₃, Зогр. 55; иѣси ароутъ кесарени. Ио. XIX, 12, Зогр. 171; початъ ба отрокици Марк V, 40, Зогр. 55.

Имена прилагательные, образованные от названий лиц: брата гна Лука VI, 22, Савв. 129; био александрю и роуфокоу. Марк XV, 21, Савв. 112; пристакинка иродова Лука VIII, 3, Мар. 226₉; син марииникъ. Марк VI, 3, Мар. 135₁; хън рабъ. Син. евх. 104₈; супричастникъ христонъ драгомоне. Супр. 235₂₆; сестра лазарова. Супр. 306₁₈.

На месте имени существительного во множественном числе наблюдаются имена прилагательные на -аскъ: слѹгы иудеински. Ио. XVIII, 12, Мар. 388₂₂; старѣшины вльшьски. Супр. 258₂₁₋₂₂. «Язык противопоставляет, — пишет А. Вайан, — пророчь ‘принадлежащий пророку’ и пророчаскъ ‘принадлежащий пророкам’»³⁰.

г) Определяемый член — *имя существительное отвлеченного значения или субстантивированный признак*: син гли не сжгъ

³⁰ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 160.

вѣсъноуїжшаго сѧ. Ио. X, 21, Мар. 358₂₆; **дѣла отца** **кашего.** Ио. VIII, 41, Мар. 350₂₆; **о дружости старого лжченика йринеа.** Супр. 254₆₋₇; **за има бѣничеля скоею** Супр. 136₁₅; **бѣроста лжчин-теля аурилиана.** Супр. 6₁₋₂; **коуєстий пакла.** Супр. 4₁₉.

Примеры дательного падежа: **тѣга іаѣзмікъ.** Лука XXI, 25, Мар. 295₁₄, Зогр. 127; **надежда... крестианомъ.** Супр. 259₁₁; **има ѿдноуїмоу** **саторникъ.** **о дроуѓбумоу** **бѣнктофъ** Супр. 195₁₈; **дѣла** **дѣгела** **въ** **бѣразѣ** **брѣлоу.** Супр. 234₁₈₋₁₉.

Примеры имен прилагательных: **къ има пророче** Мат. X, 41, Мар. 33₁₆; **отъ работы фараууша.** Син. евх. 5⁵; **съмѣрѣти лазаровы.** Супр. 313₂₂; **пастоуходъ** **бѣразъ** Супр. 460₁₄.

Имя прилагательное может быть связано сочинительной связью с приименным родительным: **сего сѹи члески постыдитъ сѧ.** **егда придѣтъ** **къ** **славѣ** **свои и откучи.** **I стыихъ анѣлъ.** Лука IX, 26, Мар. 236₆₋₇.

Если определяемым является имя существительное отглагольное, то именная конструкция может быть соотнесена с глагольной, подлежащее которой соответствует родительному падежу именной конструкции. Например: **тако вѣдѣтъ** и **пришесткіе сна члескааго.** Мат. XIV, 39, Мар. 90₂₅, Савв. 77₁₁; **Стааго** **касили** ... **похвала** **о** **м. лжченицихъ** Супр. 81₃₀; **жигиie** **григора** **папы роуਮскаго** Супр. 119₁₅; **чоудетворенія** **стаго** **конона** Супр. 23₂₉; **лжченіе** ... **стыихъ** **лжченикъ** Супр. 54₆₋₇; **молитва** **стаго** **ніїнниа.** Супр. 142₁₉.

На месте родительного часто наблюдается дательный принаследженности: **не вѣровасте ли** **въ** **васкрѣшениѣ** **мрѣтвѣймъ** Супр. 107₁₇₋₁₈; **спасение** ... **вѣроуїжшииимъ.** Супр. 81₁₆₋₁₇.

При отглагольных именах существительных отвлеченного значения возможны имена прилагательные, образованные от названий лиц, производящих действие: **въ** **тоу** **до** **сумѣртии** **иродова** Мат. II, 15, Мар. 5₈, Савв. 139; **дани же** **бывшиу** **розвѣтка** **иродова.** Мат. XIV, 6, Мар. 48₂₀; **прѣдъ** **господиinemъ** **пришак-сткиемъ** Супр. 245₁₈ и др.

д) Определяемый член — *имя существительное с темпоральным значением:* **въ дни** **ирада** **црѣ.** Мат. II, 1, Мар. 3₂₀; **сътъ** **дани** же **юана** **крѣтители** Мат. XI, 12, Зогр. 14; **Въ** **лѣтѣ** **ли-кинина** **цра.** Супр. 68₂₄; **Въ** **лѣтѣ** ... **црѣ** **персьска** **савори.** Супр. 254₂₈; **Въ** **вѣкленіехъ** **стыихъ** **апостолъ.** Супр. 24₁.

е) Определяемый член — имя существительное с локальным значением: на пожта ~~базъ~~ не идѣт. і въ градѣ ~~самарѣнъ~~ не банидѣт. Мат. X, 5, Мар. 29_{21—22} (в Остр. градѣ ~~самаренскъ~~).

Ср. две конструкции дательного, встретившиеся в Саввиной книге: въ землѣ ~~гергесиномъ~~. Мат. VIII, 28, 16; въ прѣдѣлахъ ~~могъдаламъ~~. Мат. XV, 39, 21. В других евангельских текстах соответственно употреблены прилагательные: въ странѣ ~~иерасимскѣ~~. Мар. 24₁₂; въ прѣдѣлахъ ~~магдалянскы~~. Мар. 54_{21—22}.

Другие имена прилагательные, образованные от имен существительных — наименований лиц: къ прѣдѣлѣхъ ~~заѹлонинъ~~. Мат. IV, 13, Мар. 8₂₇; землю ~~иудова~~. Мат. II., 6, Мар. 4₁₀; отъ области ~~иродовы~~. Лука XXIII, 7, Мар. 303₁₅; къ ~~иерусальму~~ земли. Супр. 255₁₁; къ странѣ ~~сраницѣ~~ Супр. 57₂₂ и др.

§ 93. Определение имени при помощи другого имени — второстепенный способ определения имени вообще. Главным способом являются имена прилагательные; для синтаксической функции определения имени — это первичная форма.

Словосочетания имен прилагательных с определяемыми именами существительными на одном из участков своего распространения (на том участке, где имена прилагательные, определяющие имена существительные, образованы от имен) оказываются в сфере функционирования конструкций с приименными падежами.

Основной способ выражения зависимости одного имени от другого — родительный падеж; дательный приименной по сравнению с родительным имеет более узкую сферу распространения.

Родительный приименной — показатель отношения имени к другому имени. Различные виды конкретных значений, выражаемых этим падежом, создаются особенностями контекста, точнее — особенностями лексических значений определяемого и определяющего членов.

Мы предприняли попытку вместить все разнообразие отношений между характером лексического значения определяемого и определяющего членов конструкций с приименным родительным в рамки ряда типов, отдавая себе полный отчет в том, что существуют широкие возможности для более детальной рубрикации. Среди выделенных типов конструкций намечаются два основных. Они отличаются друг от друга не только особенностями лексических значений компонентов падежных конструкций, но и характером соотносящихся или конкурирующих с ними падежных форм. В первом типе определяющим является название предмета, не имеющего четких пространственных границ, или название множества однородных предметов (конструкции этого типа несут значение множества, противопоставляемого его части), а во втором — название конкретного единичного неодушевленного предмета, отвлеченного понятия или название

живого существа (значения собственно определительное и принадлежности).

Синонимические конструкции, включающие **приименные падежи**, распадаются на две группы, приблизительно соответствующие двум названным типам конструкций с родительным. Значение множества изредка передается родительным с предлогом отъ, в котором ясно ощутим оттенок семантики удаления или отделения. Значение собственно определительное и в особенности значение принадлежности передаются не только родительным, но и дательным без предлога. Чем слабее значение множества, противопоставляемого его части или количеству, тем вероятнее возможность найти на месте родительного дательный падеж.

Отыменные прилагательные употребляются параллельно родительному приименному преимущественно при выражении значения принадлежности; отыменное прилагательное в значении собственно определительном — большая редкость.

Наиболее свободны от синонимических и конкурирующих форм те конструкции родительного приименного, которые несут значение множества, противопоставляемого его части или количеству. Это — собственная семантическая область родительного падежа; в этой области прекращается параллелизм родительного с именами прилагательными; родительный падеж становится здесь неотъемлемой составной частью парадигматического ряда определений имени существительного.

Значение множества есть основание считать первичным семантическим значением родительного приименного.

Если для синтаксической функции определения имени существительного первичная форма — имя прилагательное, то для семантического значения множества — родительный падеж имени существительного.

Г л а в а IV

О БЕСПРЕДЛОЖНЫХ ПАДЕЖАХ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СОСТАВЕ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТА

§ 94. Падеж, выполняющий функцию предиката, принципиально отличается от беспредложных падежей, употребляемых в других синтаксических функциях. Предикативный падеж как таковой не входит в систему синтаксического функционирования беспредложных падежей. В сказуемом употребляется не самостоятельная падежная форма — носитель определенной синтаксической функции, но сложное целое, состоящее из одного служебного слова и одного знаменательного — имени существительного в падежной форме. Окончание падежа, таким образом, входит в данном случае в качестве одной из частей в состав некоей сложной морфемы, имеющей чисто синтаксическое назначение. Перед пами особая категория форм, отличающаяся от беспредложных падежей.

Соединение падежного окончания со служебным словом в составе сложного единства мы уже наблюдали при анализе предложно-падежных форм. А. М. Пешковскому принадлежит заслуга установления аналогии между морфологически сложными образованиями «глагольная связка + падеж» и «предлог + падеж».

Осветив вопрос о формальном характере глагольной связки, внутренне соединенной при выражении предиката с полнозначным присвязочным словом, А. М. Пешковский делает следующее заключение: «В результате получается цельное сочетание из одного служебного слова и одного полного, аналогичное в этом отношении таким словосочетаниям, как *на столе*, *без обеда*, *не умеет*, *читал ли* и т. д. И это сочетание **всё целиком** соответствует отдельному акту мысли, т. е. входит в категорию **сказуемости**, образуя **составное сказуемое**»¹.

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 217—218.

Сложное образование — именное составное сказуемое — внутренне объединено именно в силу общности его синтаксической функции. Поэтому при синтаксическом анализе не следует разрывать его единства и пытаться устанавливать синтаксическое назначение каждой из составных частей².

В плане синтаксического функционирования рассматриваемая сложная форма соответствует простому глагольному сказуемому — личной форме глагола. А. М. Пешковский наглядно показал, что функционально глагольная связка совпадает с формальными частями простого глагольного сказуемого, а присвязочное слово — с его вещественной частью³.

Сложные формы, заключающие глагол-связку и падеж имени существительного, являются вторичным средством выражения предикативной функции. Личной же форме глагола в этой функции принадлежит первое место⁴. Глагол-связку, входящий в органическое соединение с падежом имени существительного в предикативной функции, можно считать синтаксической морфемой, сигнализирующей об употреблении падежа в несвойственной для него синтаксической функции; всю же сложную форму, о которой идет речь, с полным основанием можно отнести к числу синтаксических дериватов имени существительного.

К числу вторичных средств выражения функции сказуемого в старославянском языке относятся также другие категории сложных форм: краткое прилагательное в именительном падеже с глагольной связкой (*кротокъ* *если* и *съмренъ* *срдицъ*. Мат. XI, 29, Мар. 3б_{23—24}), краткое причастие действительное с глагольной связкой (*не са ли есть съѣди и проса*. Ио. IX, 2, Мар. 353₁₈; *огъкъ сељ чакъ вѣдеши лоба*. Лука V, 10, Мар. 211₁₆;

² Ср., например, высказывания Е. Куриловича и А. В. де Грота. Е. Курилович считает, что в индоевропейских языках первичная функция именительного падежа — функция субъекта предложения, вторичная же — функция предиката (см. «Le problème du classement des cas», стр. 140). Среди латинских падежей с очевидной чисто синтаксической функцией А. В. де Грот называет именительный падеж, который, по его мнению, имеет две главные функции: быть определяемым личного глагола и быть определяющим предикативного глагола (см. «Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas», стр. 125). Мы не разделяем также мнения А. В. де Грота о возможности двух главных функций у одной и той же формы.

³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 218.

⁴ Глагол, согласно Ш. Балли, является дополнительной категорией имени существительного. «Лексические категории, — пишет он, — характеризуются их значением, и это значение неотделимо от их функции..., субъект, который является местопребыванием предиката, не мыслится без глагольного определения» (Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, стр. 128). В обзоре первичных синтаксических функций частей речи Е. Курилович констатирует, что глагол есть предикативный детерминант имени существительного (J. Kigulowicz. Dérivation lexicale et dérivation syntaxique, стр. 87).

быстъ иодна кръста въ поустыни. Марк I, 4, Мар. 116₆; да (вж.) сѧ авили ческес(мъ) посташе. Мат. VI, 16, Мар. 16₈), краткое причастие страдательное с глагольной связкой (вѣ же иодна обличеніе власы келажждї. Марк I, 6, Мар. 116₁₄), форма сравнительной степени имени прилагательного с глагольной связкой (отъ мсн... болни болѣхъ естъ. Ио. X, 29, Мар. 359_{15—16}).

Имя существительное в качестве присвязочного слова выступает в именительном и творительном падежах. Известен также родительный предикативный — форма, употребляемая в составе предиката в сопровождении имени прилагательного; беспредложный родительный в этом употреблении чередуется с оборотом «родительный + отъ».

Было бы интересно выяснить сферы распространения каждой из сложных форм сказуемого с участием падежей в сравнении со сферами распространения других форм сказуемого, в частности со сферой распространения простого глагольного сказуемого. Однако такая работа не входит в нашу задачу: предикативные падежи не принадлежат к системе беспредложных падежей как особой категории форм, используемой для выражения синтаксических функций, но являются составной частью другой категории форм — сложных форм со вторичной функцией сказуемого.

§ 95. Мы ограничимся только некоторыми замечаниями об особенностях употребления беспредложных падежей в предикативной функции.

Именительный падеж в составе сказуемого выступает в соединении с предикативными глаголами быти,творитъ сѧ, наречи сѧ, нарцащти сѧ. Например: жатве сжѣть анѣли. Мат. XIII, 39, Мар. 46₇; ты ли еси царь иудеискъ. Мат. XXVII, 11, Мар. 106₃; Гего ради чи вѣли вѣджитъ сѫдинъ. Мат. XII, 27, Мар. 39₁₇; тада же юго вѣ прѣзи и медъ дивни. Мат. III, 4, Мар. 6₁₄; речи камению селому да вѣджитъ хлѣви Мат. IV, 3, Мар. 8₄; кѣстѣкъ иже сѧ творитъ цркь. противитъ сѧ кесарю Ио. XIX, 12, Мар. 393₁₄; храмъ мон храмъ молитеѣ наречетъ сѧ. Мат. XXI, 13, Мар. 74₂₃; не мати ли его нарцащъ сѧ марії. Мат. XIII, 55, Мар. 48₁.

Предикативные глаголы, объединяемые вместе с именительным падежом имени в составе единой сложной формы, в разной степени лишены своей знаменательности (лексической полноты). Глагол быти в составном сказуемом с падежом имени существительного полностью лишен лексического значения и выступает как связка; остальные глаголы сохраняют известную долю лексического значения⁵.

⁵ Ср. определение степени знаменательности русских предикативных глаголов в «Грамматике русского языка» АН СССР (т. II, ч. 1, стр. 417).

Творительный иадеж в составе сказуемого в старославянском встречается значительно реже, чем именительный. Однако примеры сказуемого с творительным все же исчисляются здесь десятками. Характерно, что эта сложная форма наблюдается не в одном, а в нескольких памятниках, что исключает возможность истолковывать ее как признак какого-либо одного древнего диалекта⁶.

Творительный предикативный входит в составные сказуемые с глаголами быти, сътворити сѧ, нарешити сѧ (нарицати сѧ). Все отмеченные примеры сказуемого с творительным предполагают возможность лексических параллелей в виде сказуемого с именительным падежом. Ср., например: *дѣвојѣ бо вѣ єуа*. Супр. 489₉, по: *иевѣста быстъ*. Син. евх. 86^в₁₂; *пѣти гкоа каса склѣратъ й соколъ сѧ сътворатъ*. Супр. 233₂₄, по: *касѣка иже сѧ творитъ цръ*. противитъ сѧ кесарови. Но. XIX, 12, Мар. 393₁₄; *погланъ бы жити кѣнж въ херсонѣстѣ градѣ...*; да чого радиа й *нарече сѧ херсоніанемъ*. стоящій ѡбѣнній родъ. Супр. 542₆, но: *не мати ли єго нарицаєт сѧ мариѣ*. Мат. XIII, 55, Мар. 47—48.

Можно полагать, что в старославянском языке между составным сказуемым с именительным падежом и составным сказуемым с творительным падежом существовало семантическое различие, подобное тому, которое отмечается у соответствующих форм в русском языке. В «Грамматике русского языка» АН СССР это различие сформулировано следующим образом: «...творительный падеж, как правило, связан с выражением признака, свойства или состояния, проявление которого относится к определяемому моменту или отрезку времени, в то время как именительный предикативный обозначает признак постоянный, не связанный в своем проявлении с определенным времененным моментом»⁷.

В зависимости от степени знаменательности и характера лексического значения предикативного глагола Р. Мразек устанавливает следующие типы сказуемого в современных русском и чешском языках: 1) глагольное, 2) именное, 3) сложное. К собственно именному он относит только составные сказуемые со связкой (см. Р. Мразек. Проблема сказуемого и его классификации (на материале русского и чешского языков). — «Sborník prací filosofické fakulty brněnské univerzity», гоð. VII, 1958, стр. 10—34).

⁶ Примеры творительного предикативного в старославянском языке см. в нашей статье «Значения творительного беспредложного в старославянском языке», стр. 133.

⁷ «Грамматика русского языка» АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 427. А. М. Пепковский говорит о значении временного тождества того предмета, который выражен в творительном, с тем, который выражен подлежащим (см. «Русский синтаксис в научном освещении», стр. 245). А. Л. Потебя отмечает, что в творительном предикативном заключен намек на возможность совмещения с тем же подлежащим других подобных предметов. Он пишет: «Рассматривая творит. предикативный согласно

Родительный беспредложный в составе сказуемого часто сопровождается входящим в состав сказуемого определением. В старославянском языке предикативный признак, выраженный родительным с определением, служит преимущественно для указания на происхождение или территориальную принадлежность лица. Например: *й дзъ юсмъ кашего племене*. штоуждал же *касъ дѣломъ*. Супр. 28₂; *савинъ кого йменемъ бѣ то вѣфма сы*. поуста града прѣбыли *блага рода сы*. Супр. 145₉₋₁₀; *вѣришадше събѣ дноуглагъ... бні же рѣша кодрагъ. ик и велика рода ѿстъ*. Супр. 101₄; *бні же рече крестианыни ли юси. бна же глагола юей. крестианыни юсмъ. полеминъ рече. коєта црквъне. савина рече скворыниа*. Супр. 132₂₁₋₂₂.

Реже встречаются примеры, в которых родительный указывает на отношение или принадлежность лица или предмета другому лицу. Форма родительного падежа, образованная от имени существительного или местоимения, в этих случаях не нуждается в обязательном определении. Ср., например: *блажени изгнанніи прѣвѣды ради чѣхъ естъ цѣсарствіе нѣское*. Клоц. 3^в₁₂.

Эти два типа родительного предикативного отражают два главных значения родительного приименного, перенесенного в данном случае в состав сказуемого. Первый из них повторяет в новых синтаксических условиях родительный со значением множества, противопоставляемого части, второй же — родительный отношения или принадлежности. Поэтому не случайно, что первый тип родительного предикативного имеет параллели в виде родительного с предлогом отъ. Например: *вѣаше отъ домау и отъчьствиѣ даедва*. Лука II, 4, Мар. 196₁₆; *дроутый бо отъ иной страны вѣ*. Супр. 83₃₀; *вѣ же филипъ. отъ видѣслады града. аньдреѣвка и петрова*. Марк III, Савв. 60.

с происхождением его от твор. образа, можно сказать, что он вызван предчувствием соподчиненности данного состояния другим состояниям, еще не вошедшими в сознание, но близким к этому» («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 504).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 96. Синтаксическое использование старославянских падежей представляет собой сеть взаимообусловленных явлений, каждое из которых зависит от других и может быть таковым только в связи с ними.

Обладая в своем целом тесной связью, падежное функционирование имеет в то же время очевидные связи с системами синтаксического использования других — непадежных — форм языка.

Окончания падежей в старославянском языке служат в первую очередь синтаксическим целям: они указывают на синтаксическую позицию имени существительного по отношению к другим словам в предложении. В семантических значениях, объединяемых рамками авербальной функции, беспредложные падежи уступают место падежам с предлогами.

Падеж, имеющий максимальную сферу распространения в какой-либо синтаксической функции, служит для этой функции первичной формой или формой-базой. Форма, первичная для какой-либо одной функции, не может быть первичной для какой-либо другой; каждый падеж может иметь только одну первичную функцию.

В функции субъекта в качестве первичной формы выступает именительный падеж; функция субъекта — первичная функция именительного падежа.

Беспредложными падежами обслуживаются в первую очередь также функции ближайшего и дальнейших объектов. Падежи в этих функциях связаны с глаголом-сказуемым отношениями тесной связи. В позиции первого определяющего члена глагола-сказуемого первое место по сфере распространения принадлежит винительному падежу, который и следует расценивать как первичную форму для этой синтаксической функции. Значение винительного в этой функции лишено какой бы то ни было семантической нагрузки. Дательный падеж — форма-база

для синтаксической функции второго определяющего члена — глагола-сказуемого; творительный — форма-база для синтаксической функции еще более удаленного от глагола-сказуемого определяющего члена, связанного с глаголом отношениями тесной связи.

Есть два вида противопоставлений: между членами одного и того же класса и между членами одной и той же структуры¹. Хотя сферы употребления винительного, дательного и творительного в характерных для этих падежей функциях шире, чем сферы употребления других падежей в тех же самых функциях, они все же более узки, чем сфера употребления именительного в функции субъекта. Это позволяет заключить, что по широте диапазона именительный служит для других беспредложных падежей формой-базой не только в парадигматическом, но и в синтагматическом плане.

В функции определения имени существительного (в первую очередь того, которое выступает как субъект) падежные формы — родительный и дательный падежи — занимают второстепенное место. Формой-базой в этой функции является имя прилагательное. Родительный падеж — наиболее распространенная падежная форма в функции определения имени существительного — свободен от синтаксических параллелей в виде имен прилагательных только в тех конструкциях, где он несет значение множества, противопоставляемого его части. Есть основание считать это значение первичным значением родительного падежа.

Предикативная функция выражается в первую очередь личной формой глагола; именительному и творительному падежам, соединенным в этой функции с глаголами-связками и предикативными глаголами, принадлежит здесь второстепенное место.

Местный падеж лишен в старославянском первичной синтаксической функции и первичного семантического значения.

Имеются основания для того, чтобы констатировать существование изоморфизма двух планов падежного функционирования — парадигматического и синтагматического. *И в том, и в другом планах именительный является формой-базой для прочих беспредложных падежей.* Выясняется центральная роль в падежной системе именительного падежа. Обладая почти неограниченным диапазоном распространения, он является наиболее типичной формой имени существительного.

Предлагаемая на стр. 154 таблица показывает место каждого из беспредложных падежей в системе.

В этой таблице заглавными буквами обозначены падежи с синтаксическими функциями, прописными буквами — падежи с семантическими значениями; в графе первичных форм буквой р обозначен родительный с первичным семантическим значением

¹ См. J. Kuryłowicz. Linguistique et théorie du signe, стр. 12.

Система падежей старославянского языка

Функции					
Формы	Субъект	Первый определю- ѡщий член глагола	Второй определю- ѡщий член глагола	Адвербимальное определение глагола	Определение имени существи- тельного Предикат
Первичная	И (T) (P+сгв.) (Д) (P)	В (И) (P)	Д	Т Наречий. Падежи с предлогами	Имена прилага- тельные р Личные формы глагола
Вторичные	Д	B P	P	Падежи с предлогами Падежи с предлогами	р р Именные составные сказуемые

множества, противопоставляемого его части или вообще количеству. В скобки заключены знаки вторичных форм, которые не сокращают диапазон распространения формы, первичной для данной синтаксической функции.

Определение функций, наиболее типичных для каждого беспредложного падежа, позволяет определить функции, наиболее типичные для всей совокупности беспредложных падежей. Из таблицы видно, что *беспредложные падежи служат первичными формами выражения многих важнейших синтаксических функций: функций субъекта, функций ближайшего и дальних объектов.*

Падежные формы размещаются на одном уровне с другими способами определения структуры предложения: наречиями, именами прилагательными и глаголами как формами словообразования. Взаимоотношения беспредложных падежей с этими формами не менее важны для установления падежной системы, чем взаимоотношения внутри беспредложных падежей как особой группы форм.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Ассем. — Evangelium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. Tomus II. Edidit Jozef K u r z. Pragae, 1955.
- Зогр. — V. Jagić. Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus olim Zograephensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.
- Киев. мисс. — Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente, von D-r V. Jagić. Wien, 1890.
- Клоц. — Antonín Dostál. Clozianus. Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký. Praha, 1959.
- Лист. Унд. — Е. Ф. Ка р с к и й. Листки Ундельского. СПб., 1904.
- Макед. глаг. лист. — Г. А. Ильинский. Македонский глаголический листок. СПб., 1906.
- Мар. — И. В. Ягич. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.
- Ник. — Ђ. Даничић. Никольско Јеванђеље. Београд, 1864.
- Остр. — А. Востоков. Остромирово евангелие. СПб., 1843.
- Праж. глаг. отр. — Н. К. Груйский. Пражские глаголические отрывки. — ПСЯ, I, вып. 4, СПб., 1905.
- Савв. — В. Н. Щепкин. Саввина книга. СПб., 1903.
- Син. евх. — Euchologium sinaiticum, starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Izdajo priredil d-r Rajko Na chtigal. Del II. Ljubljana, 1942.
- Син. ис. — С. Северянов. Синайская псалтырь. Иг., 1922.
- Супр. — С. Северянов. Супрасльская рукопись. СПб., 1904.
- Хиланд. лист. — С. М. Кульбакин. Хиландарские листки. СПб., 1900.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. Karl H. Meyer. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935.
2. F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
3. Stanisław Słoński. Index verborum do Euchologium Sinaiticum. Warszawa, 1934.
4. И. И. Среznевский. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III, СПб., 1893—1903.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. О принципах исследования	5
Различия в сферах распространения лингвистических знаков. Иерархия знаков и их место в системе	5
Беспредложные падежи как особый тип лингвистических знаков	7
Два структурных плана падежного функционирования — синтагматический и парадигматический	7
Многофункциональность беспредложных падежей. Размещение их в простом двусоставном предложении	8
Многофункциональность отдельного падежа	9
Падеж и падежная конструкция	10
Лексические варианты падежных конструкций	12
Падежная конструкция и ее функциональные эквиваленты	14
а) Разные падежи в одной и той же синтаксической функции	15
б) Падеж без предлога и падеж с предлогом	15
в) Падеж имени существительного и другие части речи	17
Сфера распространения падежа и параллельные конструкции	19
Функции и значения падежей	21
Два типа падежного функционирования — синтаксический и семантический	23
Система падежей и место падежа в системе	25
О составе форм беспредложных падежей старославянского языка. Что объединяет окончания, принадлежащие одному и тому же падежу?	27
Краткие сведения об источниках	29
<i>Глава I.</i> Падежи в функции субъекта	30
<i>Глава II.</i> Прилагольные падежи	44
Вступительные замечания	44

I. Падежи, связанные с глаголами отношениями тесной связи	47
1. Падежи в позиции первого определяющего члена глагола	47
1) Формы выражения первого определяющего члена переходных глаголов	50
2) Формы выражения определяющего члена прочих объектных глаголов	66
2. Падежи дальнейшего объекта переходных глаголов	81
1) Падежи объекта-адресата и объекта отчуждения	83
2) Падеж орудия и средства	90
Собственно орудийное значение	92
Значение единицы обмена	94
Значение присоединяемого предмета	95
Значение материала, из которого создается объект действия	96
Значение вещества, которым наполняют или насыщают объект действия	96
Значение предмета, которым одевают объект действия	97
3. Падежи при глаголах движения и глаголах состояния	97
а) Падежи при глаголах движения	98
Значение направления	98
Значение пространства, полностью охватывающего движение	100
Значение исходного пункта движения	101
Значение конечного пункта движения	102
Значение пространства, на одном из участков которого происходит движение	102
Значение пространства, используемого как средство достижения цели	103
Значение средства передвижения	103
б) Падежи при глаголах состояния	104
Значение локализации состояния	104
Значение внутренней причины состояния	104
Значение внешней причины	105
II. Падежи, связанные с глаголами отношениями свободной связи	106
1. Значения, для выражения которых беспредложными падежами присутствие определений не обязательно	108
Значение места, в одном из пунктов которого происходит действие	108
Значение промежутка времени, в один из моментов которого происходит действие	109
Значение цели	111
Значение совместности	113
Значение образа действия	114

Значение временного состояния субъекта, возникшего в результате его превращения в другой предмет (существо)	114
Значение временного, но естественного для субъекта состояния в момент действия	115
2. Значения, для выражения которых беспредложными падежами присутствие определений обязательно	116
Значение времени, полностью охватывающего несовершенное действие	116
Значение времени, полностью охватывающего совершенное действие	117
Значение точно определяемого промежутка времени, в один из моментов которого происходит действие. Значение даты	117
Значение совокупности	119
Значение причины действия или состояния, заключенной в сфере предмета, постороннего по отношению к субъекту	120
Значение характеристики действия через признак субъекта	120
<i>Глава III.</i> Приименные падежи	124
<i>Глава IV.</i> О беспредложных падежах имени существительного в составе форм выражения предиката	147
Заключение	152
Список сокращений источников	156
Использованные словари	156

Капитолина Ивановна Ходова
Система падежей старославянского языка

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Б. С. Шварцкопф*
Технический редактор *В. В. Волкова*

РИСО АН СССР № 110-97 В. Сдано в набор 13/XII 1962 г.
Подписано к печати 23/V 1963 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 1800 экз.
Изд. № 1457. Тип. зак. № 957

Цена 89 коп.

Изд. АН СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я тип. Изд. АН СССР, Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

69 коп.